

XIII Международный юридический форум
(IP Форум)

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Том 2

Москва

Издательский центр

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

2025

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

XIII Международный юридический форум

**ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
(IP Форум)**

Сборник материалов

Том 2

Проблемы интеллектуальных прав в сети Интернет

Новые технологии на службе интеллектуального права:
блокчейн, искусственный интеллект,
виртуальная реальность

Москва
Издательский центр
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
2025

УДК 347
ББК 67.404.3

П685

П685 Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сборник материалов XIII Международного юридического форума (IP Форума) : в 2 т. Т. 2. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. — 225 с.

ISBN 978-5-907670-74-7

УДК 347
ББК 67.404.3

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ (ПЛОЩАДКА Е)

Алехина Ю. Авторское право и копирайт: отличия и взаимодополнение в правовой охране кинофильмов в сети Интернет	8
Валентир Е. Нарушения интеллектуальных прав на фотографии, совершаемые в социальных сетях: вопросы судебной практики	10
Верховская А. Особенности реализации конструкции открытых лицензий в социальных сетях	12
Губаева Е. Особенности классифицирования цифровых платформ в предпринимательской деятельности	15
Драгалева В. Пародии в сети: баланс между авторским правом и свободой творчества	17
Кабанова М. Нарушение исключительного права на фотографическое произведение в сети «Интернет» путем его переработки	19
Киракосов В. Подходы к правовому регулированию ответственности информационного посредника в Российской Федерации и Казахстане	23
Ковалева Д. Использование гиперссылок на контент в сети Интернет: нарушение авторских прав или правомерное использование	26
Коверченко И. Правовые проблемы номинативного использования товарных знаков на цифровых платформах	29
Крыгин А. Особенности правового режима базы данных в сети Интернет	32
Кузнецова В. Защита интеллектуальных прав в сети: роль и ответственность информационных посредников	36
Лазарева Ю. Маркетплейс как субъект отношений по защите исключительных прав	39
Левин Г. Проблематика идентификации и привлечения к ответственности информационного посредника	42
Лотарева Д. Механизмы защиты смежных прав на музыку в цифровых медиа: проблемы и пути решения для социальных сетей и платформ	44
Мазаник П. Музыкальный контент в рекламе: границы между плагиатом и вдохновением	47
Махмудова А. Публичная лицензия и открытая лицензия как способы распоряжения исключительным правом в сети Интернет	49
Медведев А. Судебная защита авторского права на фотографическое произведение в сети «Интернет»	51

Милуцкая А. Недобросовестное бездействие владельцев сайтов-складчин	53
Михалченков К. Противодействие пиратству в цифровой среде: позиция законодателя	55
Палевич В. Проблема правомерного использования сиротских произведений в цифровую эпоху в Российской Федерации	57
Пасканый М. Эволюция лицензирования контента в эпоху стриминга и платформенной экономики	59
Пенкина В. Проблемы интеллектуальных прав в сети Интернет	63
Поздняков А. «Вертикальный» и «горизонтальный» контент в контексте свободного использования видеореакций	67
Покровская А. Продажа контрафактной продукции и ответственность онлайн-платформ: опыт ЕС	69
Реут П. Правовое положение инфопродуктов на современном этапе	72
Рязанцева Т. Применим ли принцип исчерпания права к распространению цифровых произведений и как может помочь доктрина подразумеваемого согласия?	76
Сайфутдинова В. Защита прав авторов при создании произведений с помощью искусственного интеллекта	78
Севастьянова М. Проблемы защиты авторских прав в социальных сетях	82
Слизовская М. Дизайн веб-сайтов как охраняемый результат интеллектуальной деятельности	84
Стебаев А. Квалифицирующие признаки договора о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ	87
Супруненко В. Пресечение незаконного использования товарного знака в сети «Интернет»	89
Тарасенко С. Ответственность социальных сетей за действия своих пользователей	93
Тарасова А. Риски паразитирования на репутации правообладателя при использовании ключевого слова тождественного товарному знаку	96
Титов И. Доменные споры: проблемные вопросы на досудебной стадии	98
Хаустова Ю. Нарушение прав на товарные знаки при продакт плейсменте: анализ правоприменительной практики	103
Хизриева М. Наследование аккаунтов в соцсетях: правовые коллизии и перспективы	107
Хомякова А. Ответственность маркетплейсов за нарушение исключительных прав на товарные знаки	108
Щёктова Н. Способы свободного использования объектов авторских прав в сети «Интернет» на примере Франции	111

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА СЛУЖБЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРАВА: БЛОКЧЕЙН, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (ПЛОЩАДКА F)

Адигюзелова Ф. Роль товарных знаков в формировании брендинга и защита прав на товарные знаки на платформах электронной коммерции посредством применения технологий искусственного интеллекта	113
Амирханова А. Трансформация правового регулирования внутриигровых ценностей как объектов интеллектуальных прав в условиях цифровизации Российской Федерации и Германии	115
Аникин Д. Расширенная реальность и право интеллектуальной собственности: постановка проблемы	118
Бетеев Д. Защита интеллектуальной собственности в эпоху цифровых технологий	120
Богомолова П. Влияние Закона об искусственном интеллекте на интеллектуальное право	122
Будняк Д. Использование виртуальной и дополненной реальности в образовании	124
Власенко Д. Проблемы привлечения к ответственности за нарушение интеллектуальных прав в виртуальной реальности	128
Головёнкина А. Цифровые и интеллектуальные права: единство и дифференциация	130
Горленко М. К проблеме определения правового режима результатов работы искусственного интеллекта	133
Гринь Е. Особенности досудебной и судебной защиты аудиовизуальных произведений, создаваемых с помощью искусственного интеллекта	135
Гуров Г., Жарко Е. К вопросу о защите авторских прав от их незаконного использования при обучении искусственных нейронных сетей	138
Дудинов Д. NFT как объект гражданского права	140
Жарова А. Правовые проблемы использования искусственного интеллекта в сфере медицины	143
Иванова А. Защита прав на элементы идентичности личности человека на примере США	145
Калина В. Интернет вещей и новые горизонты защиты интеллектуальных прав	148
Кантемиров Р. От кисти до ИИ: влияние типов творческих инструментов (машин) на распределение авторства (соавторства)	150
Коломенская Е. Технология блокчейн как мера защиты авторских прав	152

Королькова Д. Генеративный искусственный интеллект: правовые вызовы и защита авторских прав	155
Куприянова В. Несанкционированное обучение платформ искусственного интеллекта как вызов для права интеллектуальной собственности	160
Максимчук Р., Исайчиков Г. Внутриигровое имущество и интеллектуальная собственность: перспективный подход к правовому регулированию	162
Малыхин В. Соотношение договоров о создании произведений и договоров подряда при создании объектов с использованием искусственного интеллекта	165
Мартынова З. Токенизация в интеллектуальной собственности: анализ подходов ЕС и БРИКС	167
Матунов А. К вопросу о принадлежности прав на результаты творческой деятельности, созданные при помощи искусственного интеллекта	169
Мелихова М. Преступление и творчество: проблемы интеллектуальных прав на произведения, созданные искусственным интеллектом и пути их решения	172
Мкртчян М. Правовая природа CAD-файла в технологиях 3D-печати	175
Нестёркина А. ИИ для защиты авторских прав в «ВКонтакте»: автоматизация обнаружения нарушений на основе пользовательского соглашения	177
Нуждаева В. Юридические основы использования дипфейков в рекламе и Р	181
Олифиренко А. Математическое моделирование для автоматизации проверки патентов на программное обеспечение	183
Осокин А. Патентоспособность результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта	185
Поладов Р. «Право на образ», или Как защитить идентичность в метавселенной	188
Савицкая Е. Авторское право на объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта	191
Севастьянова А. Технология блокчейн как средство совершенствования защиты авторских прав	193
Смелых Э. Блокчейн как платформа цифровой трансформации	195
Сычева А. Искусственный интеллект при создании результатов интеллектуальной деятельности	198

Тасенко С. Виртуализация театра: особенности правового регулирования	200
Ткач М. Перспективы охраны произведений, созданных искусственным интеллектом	203
Тошканов Н. Использование искусственного интеллекта с целью распоряжения правами на объекты интеллектуальной собственности в эпоху цифровых технологий	206
Трутнева Е. Авторство в эпоху искусственного интеллекта: анализ правовых подходов к интеллектуальной собственности	209
Убайдуллаева А. Блокчейн и децентрализованные базы данных	213
Шевандо А. О правовом режиме произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта	219
Шпаченко А. Правовое регулирование технологии deepfake в кинематографе	222

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ (ПЛОЩАДКА Е)

Алехина Юлия,
студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

juliassistant@mail.ru

АВТОРСКОЕ ПРАВО И КОПИРАЙТ: ОТЛИЧИЯ И ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЕ В ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ КИНОФИЛЬМОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация: в работе рассмотрен вопрос о взаимодополнении таких понятий, как «авторское право» и «копирайт». Произведен анализ взаимодополнения и важность данных понятий друг для друга в сфере кинематографии в сети Интернет.

Ключевые слова: авторское право; интеллектуальная собственность; копирайт; кинематография; права на произведение; исключительное право на использование; нелегальное распространение.

В современном мире цифровые технологии играют ключевую роль в пространстве информации, включая кинематографические произведения. С развитием Интернета и появлением множества онлайн-платформ для просмотра фильмов возникли новые проблемы в области правовой охраны интеллектуальной собственности. Важно понимать различия и сходства между такими терминами, как «авторское право» и «копирайт», а также то, каким образом они применяются к кинофильмам в сети Интернет.

Авторское право — это система юридических норм, регулирующих отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства. Оно защищает результаты творческой деятельности автора, предоставляя ему исключительные права на использование своего произведения. Авторское право распространяется на широкий спектр объектов, включая литературные произведения, музыку, картины, фотографии и, конечно же, кинофильмы.

Касательно кинофильмов авторское право охватывает сценарий, музыкальное сопровождение, режиссуру, монтаж и другие элементы, составляющие фильм как единое целое.

Термин «копирайт» происходит от английского *copyright*, что буквально означает «право на копирование». Это понятие тесно связано с авторским правом, но имеет свои особенности. Копирайт — это символ, который используется для обозначения того, что произведение защищено авторским правом. Он указывает на владельца исключительных прав и предупреждает потенциальных пользователей о необходимости получения разрешения перед использованием произведения. В соответствии со статьей 1271 Гражданского кодекса Российской Федерации, символ копирайта — это латинская

буква «С» в окружности указывает на английское слово «copyright», что в буквальном смысле означает право на копирование, однако в настоящее время понимается как «авторское право»¹.

Важно отметить, что наличие знака копирайта не является обязательным условием для признания произведения объектом авторского права. Согласно международным договорам, таким как Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений², авторское право возникает автоматически с момента создания произведения, независимо от регистрации или использования каких-либо символов.

Сравнивая два данных термина, будет уместным выделить между ними ряд существенных отличий. В первую очередь, говоря о функциональном аспекте, Авторское право направлено на защиту интересов автора и предоставление ему исключительных прав на использование произведения. Копирайт, в свою очередь, выполняет информационную функцию, уведомляя общественность о правах на произведение. Во-вторых, авторское право возникает автоматически при создании произведения, тогда как использование знака копирайта необязательно для получения правовой защиты. Также авторское право регулируется национальными законами каждой страны, тогда как копирайт получил международное признание благодаря Бернской конвенции и другим международным договорам.

Данные понятия тесно связаны между собой, а также дополняют друг друга в современном мире, особенно на просторах сети Интернет, ведь авторское право является основой для копирайта, так как без авторского права не было бы необходимости в знаке копирайта, поскольку именно авторское право предоставляет авторам исключительные права на использование их произведений. С другой же стороны, копирайт упрощает судебное разбирательство. В некоторых юрисдикциях наличие знака копирайта может повлиять на размер компенсации за нарушение авторских прав или упростить процедуру доказывания в суде.

Говоря о существовании данных определений в контексте кинематографии в сети Интернет, то они представляют собой сложную область, требующую учета множества факторов. Самая глобальная проблема кинематографии в современном обществе — пиратство — массовое распространение нелегальных копий фильмов и сериалов через торрент-сайты, файлообменники и стриминговые платформы и это приводит к значительным финансовым потерям для кинокомпаний и создателей контента. Современные технологии позволяют легко копировать и распространять цифровой контент, что усложняет контроль над его использованием. Блокировка одного ресурса может привести к появлению множества зеркал или новых площадок, предлагающих тот же контент.

Именно для защиты авторских прав существует копирайт, ведь он обеспечивает юридическую защиту, предупреждает нарушения, упрощает взывание штрафов и компенсации за нелегально опубликованные кинофильмов. Копирайт предоставляет правовые основы для защиты интеллектуальной собственности, предупреждения нарушений и привлечения нарушителей к ответственности. Со-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Российская газета. 2006. № 289.

² Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (изм. 28 сентября 1979 г.) // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails/12214> (дата обращения: 02.01.2025).

вместное использование юридических механизмов, технических средств защиты и образовательных программ помогает значительно сократить уровень пиратства и обеспечить справедливую компенсацию авторам и правообладателям.

Хотя копирайт, безусловно, играет большую и значимую роль для киноиндустрии в сети Интернет, современное законодательство требует значительного ужесточения, так как пиратство с каждым днем преобладает всё больше и больше, и с данными правонарушениями в авторском праве бороться становится все труднее, вследствие чего, правообладатели несут большие убытки и претерпевают нарушение их исключительных, а также личных неимущественных прав на свои произведения.

Подводя итог вышеизложенному, важно отметить тот факт, что копирайт и авторское право тесно связаны и играют важнейшую роль в защите кинематографических произведений. Они обеспечивают правовую базу для охраны интеллектуальной собственности, способствуют справедливому вознаграждению авторов и борются с пиратством. Благодаря этим инструментам кинематографическая индустрия продолжает развиваться и защищать не только права авторов на произведения, но и права зрителей в том числе. Можно выделить следующие аспекты, во взаимодействии авторского права и копирайта в сфере кинематографии в сети Интернет:

1. Стимул для творчества: охрана авторских прав создает экономические стимулы для создателей фильмов, что способствует развитию кинематографической индустрии.

2. Справедливое вознаграждение: авторское право гарантирует, что авторы и исполнители получают заслуженную компенсацию за свой труд.

3. Создание большого количества доступных легальных интернет-платформ, что поможет снизить уровень пиратства.

4. Снижение уровня пиратства в киноиндустрии возможно при условии комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, технические меры защиты, образовательные кампании, сотрудничество с интернет-провайдерами и международное взаимодействие. Копирайт играет ключевую роль в этом процессе, обеспечивая правовую основу для защиты интеллектуальной собственности и борьбы с пиратством.

Валентир Елизавета,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

etipenkova@yandex.ru

НАРУШЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ НА ФОТОГРАФИИ, СОВЕРШАЕМЫЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

***Аннотация:** в результате анализа судебной практики выявлены основные нарушения интеллектуальных прав на фотографии, совершаемые в социальных сетях, а также проблемы, связанные с защитой интеллектуальных прав в социальных сетях, предлагаются способы их разрешения.*

Ключевые слова: *фотографические произведения, социальные сети, нарушения авторских прав, способы защиты авторских прав.*

С увеличением использования социальных сетей в современном мире увеличивается и число нарушений авторских прав на произведения, в частности фотографии. Об этом свидетельствует рост числа судебных разбирательств, связанных с защитой интеллектуальных прав на фотографии, за последние несколько лет.

Прежде всего причиной таких изменений является низкий уровень правовой грамотности населения в части охраны объектов интеллектуальной собственности. К сожалению, в сознании многих людей сложилось, что все, что размещено в Интернете можно свободно использовать.

При этом Верховный Суд РФ однозначно определил, что наличие произведения в сети «Интернет» само по себе не свидетельствует о том, что оно находится в свободном доступе с возможностью копирования без согласия правообладателя и без выплаты вознаграждения: по смыслу статьи 1276 Гражданского кодекса РФ сеть «Интернет» не является местом, открытым для свободного посещения¹.

Полагаем, что предотвращению в том числе «случайных» нарушений интеллектуальных прав на фотографии может послужить разработка новых технических способов защиты контента. Например, в мессенджере Telegram для пользователей появилась возможность запрещать сохранять фотографии и видеозаписи, размещенные в каналах, пересылать посты и сообщения и делать снимки экрана². Превентивные меры защиты представляются наиболее эффективными, ввиду чего целесообразно введение таких технических ограничений и в других социальных сетях.

При анализе судебной практики по защите интеллектуальных прав на фотографии удалось выявить следующие виды наиболее часто совершаемых нарушений:

- незаконная переработка фотографий (например, кадрирование, обрезка, ретуширование)³;
- доведение фотографического произведения до общего сведения без согласия правообладателя (например, размещение в социальных сетях)⁴;
- плагиат фотографий (заимствования существенной части контента)⁵;
- удаление информации об авторе⁶.

¹ Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.12.2024).

² Telegram ввел функцию запрета скриншотов и пересылки постов в каналах // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61af9d0e9a7947f7c3f36ce2> (дата обращения: 15.12.2024).

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.10.2022 № C01-1820/2022 по делу № A04-272714/2021, постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.06.2023 № C01-989/2023 по делу № A83-6174/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.12.2024).

⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.10.2022 № C01-1820/2022 по делу № A40-272714/2021, от 31.10.2023 № C01-2092/2023 по делу № A41-35320/2023, от 07.03.2024 № C01-305/2024 по делу № A56-52460/2023, от 07.03.2024 № C01-305/2024 по делу № A56-52460/2023, от 20.01.2021 № C01-1803/2020 по делу № A40-333224/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.12.2024).

⁵ Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 11.12.2023 № 21АП-5406/2023 по делу № A84-3189/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.12.2024).

⁶ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.06.2023 № C01-989/2023 по делу № A83-6174/2022, от 06.09.2017 № C01-704/2016 по делу № A60-54898/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.12.2024).

Вышеуказанными нарушениями осуществляется посягательство прежде всего на исключительное право на фотографию. Самым распространенным способом защиты исключительного права является взыскание компенсации на основании ст. 1301 ГК РФ¹. Несмотря на упрощенный предмет доказывания по настоящим делам по сравнению со взысканием классических убытков, у правообладателей всё же возникает ряд трудностей.

Во-первых, сложности с доказыванием истцом принадлежности ему исключительного права на произведение.

Так, в гражданском деле № 33-3999/2024 суд, основываясь в том числе на выводах заключения эксперта, установил, что:

— представленные истцом фотографии в формате JPEG не являются исходными, метаданные (дата и время съемки, информация о разрешении фото, GPS-метки) отсутствуют;

— проверка допустимости скриншотов публикации фотографий в сети «Инстаграм», не удостоверенных нотариусом, технически невозможна, так как данная социальная сеть в России запрещена;

— публикация фотографий без указания автора произведения презумпцию авторства не образует².

Ввиду чего следует обращать особое внимание формированию доказательственной базы принадлежности исключительных прав еще на досудебных этапах, в том числе сохранять исходные фотографии с метаданными (например, в формате HEIC).

Во-вторых, часто достаточно трудно определить надлежащего ответчика по делу, так как при регистрации пользователи часто указывают недостоверные сведения о себе или вовсе используют аккаунты анонимно.

На основании изложенного судебная практика, связанная с нарушениями интеллектуальных прав на фотографии, еще формируется. Увеличение количества споров по защите исключительных прав на фотографии требует разработки эффективных механизмов защиты интеллектуальной собственности в социальных сетях.

Верховская Анна,

магистрант,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

verhovskayaanna@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТРУКЦИИ ОТКРЫТЫХ ЛИЦЕНЗИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности реализации открытых лицензий в Интернете на примере функционирования социальных сетей, которые позволяют пользователям использовать размещенные произведения, а также помогают уравновешивать интересы пользователей и администрации сайта, создавая условия для более

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

² Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 19.02.2024 по делу № 33-3999/2024 // СПС «Гарант» (дата обращения: 16.12.2024).

открытого и инновационного цифрового общества. Помимо этого, освещены основные проблемы, возникающие в теории и практике, связанные с внедрением открытой лицензии в пользовательское соглашение.

Ключевые слова: лицензионный договор, открытая лицензия, интеллектуальные права, пользовательское соглашение, автор, авторское право, исключительное право, Интернет.

Открытые лицензии были введены для ускорения, упрощения и стандартизации процесса дачи разрешения на использование произведений в цифровой среде в сети Интернет. Они представляют собой инструмент, который в упрощенном порядке дает гражданам и организациям возможность предоставлять третьим лицам различный объем прав по использованию произведений науки, литературы или искусства.

Особенностью применения конструкции открытых лицензий в социальных сетях может являться их включение в пользовательское соглашение. Стоит согласиться мнением А. И. Савельева, который справедливо отметил, что «лицензионные соглашения либо лицензионные условия в составе комплексных соглашений стали своего рода индустриальным стандартом в сферах, связанных с использованием высоких технологий»¹.

Зачастую пользовательские соглашения в сети Интернет включают в себя раздел про условия об интеллектуальных правах, поскольку невозможно себе представить современные социальные сети без создания и последующего использования объектов авторского права в виде текстов, фотографий и иных произведений пользователями, администрацией сайта.

Необходимо проанализировать понятие открытой лицензии, закрепленное законодателем. В соответствии с п. 1 ст. 1286.1 ГК РФ², открытая лицензия — это лицензионный договор, по которому автором или иным правообладателем (лицензиаром) предоставляется лицензиату простая (неисключительная) лицензия на использование произведения науки, литературы или искусства, и который может быть заключен в упрощенном порядке.

Реализацию конструкции открытой лицензии можно увидеть на примере включения соответствующих положений в пользовательское соглашение социальной сети «ВКонтакте»³. Пункт 7.1.3 соглашения предусматривает, что подобное использование ограничивается функциональностью сайта, некоммерческим характером использования, а также оговоркой на исключение случаев использования, когда оно причиняет или может причинить вред охраняемым законом интересам правообладателя.

Аналогичные положения содержатся и в пользовательском соглашении социальной сети «Одноклассники» с указанием на безвозмездность, неисключительность лицензии, предоставление права использования в течение всего срока действия исключительного права на соответствующий Контент

¹ Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. Статут, 2014. С. 179.

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ. Часть 4 // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

³ Правила пользования сайтом ВКонтакте // URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 14.01.2025).

на территории всего мира любыми способами¹. Также в положениях соглашения указана возможность введения ограничений, которые могут быть установлены правообладателем.

В таком случае пользователи «ВКонтакте», «Одноклассники», других социальных сетей, содержащих аналогичные положения в пользовательском соглашении, могут использовать (с установленными ограничениями) материалы, размещенными иными пользователями, не обращаясь специально за разрешением к правообладателю. Правомерность использования материалов обусловлена разрешением самого правообладателя, поскольку он путем присоединения к пользовательскому соглашению соглашается и на открытую лицензию.

Однако особенность в данном случае заключается в том, что на момент такого присоединения сам объект авторского права еще не создан, а может быть и вовсе не будет создан конкретным пользователем. В таком случае вопрос об отсутствии предмета открытой лицензии снимается путем анализа положений пользовательского соглашения и актов толкования. В соответствии с п. 47 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»² указано на возможность заключения лицензионного договора, предоставление права использования результата интеллектуальной деятельности, которые будут созданы (возникнут) в будущем.

Также стоит обратить внимание и на саму формулировку условия открытой лицензии. Если обратиться к тексту соглашения, то там указано, что пользователь предоставляет другим пользователям неисключительное право, размещая на сайте принадлежащий ему на законных основаниях контент. То есть в момент присоединения к соглашению он принимает указанные условия, а потом повторно при непосредственном размещении, которые расцениваются в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 1286.1 ГК РФ как конклюдентные действия, акцептует ее условия и индивидуализирует предмет договора.

Отсутствие данных условий в пользовательском соглашении означало бы частичную невозможность функционирования социальных сетей, невозможность взаимодействия пользователей друг с другом в виде репостов, обсуждений размещенного контента. Подобные действия представляют собой использование объектов авторского права.

Механизм лицензионных соглашений значительно упрощает возможность функционирования социальных сетей. Сложно представить, насколько громоздким и неудобным могло бы быть подобное использование без внедрения конструкции открытых лицензий непосредственно в пользовательское соглашение.

Таким образом, можно заключить, что на сегодняшний день лицензионные условия в составе пользовательских соглашений — это необходимость, которая требует понимания правовой природы открытых лицензий, особенно

¹ Пользовательское соглашение ООО «Одноклассники» // URL: https://ok.ru/res/default/docs/odkl/agreement13_4.html (дата обращения: 14.01.2025).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.12.2024).

стей разработки условий таких лицензий, в том числе определения момента дачи согласия на предоставление права использования произведения.

Губаева Екатерина,
аспирант кафедры предпринимательского права
юридического факультета,
МГУ имени М.В.Ломоносова
Россия, г. Москва
Gubaeva@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИЦИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье рассматривается целесообразность расширения перечня цифровых платформ. В настоящее время отсутствует какая-либо унифицированная классификация видов цифровых платформ. Более того, законодатель не выделяет как самостоятельный вид цифровые платформы, занимающиеся размещением на сайте или в приложении контента, охраняемого правом интеллектуальной собственности. Автором статьи сделан вывод о необходимости закрепления данного вида платформ в законодательстве.

Ключевые слова: цифровая платформа, предпринимательская деятельность, интеллектуальная собственность.

Создание и функционирование цифровых платформ является одной из главных тенденций развития международной и российской экономик. С помощью цифровых платформ создаются виртуальные рынки, способствующие снижению стоимости трансграничного взаимодействия, временных и иных транзакций¹. Возрастающий интерес к цифровым платформам со стороны всех участников экономических правоотношений повлек законодательное регулирование и установление правил реализации прав на платформе.

Что понимается под цифровой платформой? В постановлении Правительства РФ от 30.04.2019 № 529² указано, что цифровая платформа — это «совокупность информационных технологий и технических средств, обеспечивающих взаимодействие субъектов хозяйственной деятельности в сфере промышленности». На уровне федеральных законов в результате изменений, внесенных в Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», также появилось определение цифровой платформы³. Законодатель определил ее как «программу (совокупность программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях,

¹ Гелисанов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ Экономические науки. 2018. Т. 11. № 6. С. 34.

² Постановление Правительства РФ от 30.04.2019 № 529 «Об утверждении Правил предоставления субсидий российским организациям на возмещение части затрат на разработку цифровых платформ и программных продуктов в целях создания и (или) развития производства высокотехнологичной промышленной продукции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2024).

³ Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2024).

в том числе в сети Интернет, обеспечивающую совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров».

Тем не менее как в законодательстве, так и в научных исследованиях отсутствует четкий перечень видов цифровых платформ, нет указания на конкретные формы, в которых цифровые платформы могут функционировать. Отдельные положения о цифровых платформах расположены в различных нормативных правовых актах, и составить четкое представление о режимах цифровых платформ не представляется возможным.

Кроме того, важно отметить, что при осуществлении предпринимательской деятельности на цифровых платформах ключевую роль играет интеллектуальная собственность. Результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации составляют наполнение сайтов, используются в описании товаров и услуг, предлагаемых на платформе. Предметом деятельности множества цифровых платформ являются музыкальный контент, фотографические произведения и т.д. (например, музыкальные сервисы или же приложения, генерирующие новый контент (фотошоп, обработка фотографий)). Однако в предлагаемых законодателем, а также научными исследователями классификациях цифровых платформ указание на данную особенность платформ отсутствует.

В иностранной литературе исследователи не выделяют отдельно подобного рода платформы, перечисляя среди возможных видов рыночные площадки, поисковые системы, социальные сети, платформы для покупки пользователями приложений, платежные системы и платформы для совместной экономики¹.

Тем не менее невозможно обойти вниманием деятельность цифровых платформ, занимающихся размещением на сайте или в приложении контента, охраняемого правом интеллектуальной собственности. Данный вид продукта отличается от вышеприведенных, поскольку для его использования пользователи обязаны заключать лицензионные договоры с оператором платформы и оформлять подписки за доступ к результатам интеллектуальной деятельности. Кроме того, подобные платформы могут и генерировать новый контент, создавая новые объекты интеллектуальной собственности, требующие защиты со стороны государства.

Среди наиболее популярных платформ, занимающихся размещением контента, стоит назвать музыкальные сервисы (Яндекс.Музыка, Звук, Spotify), видеохостинги, предоставляющие услуги по хранению и показу видео (YouTube), приложения по обработке фотографий и иных изображений (Adobe photoshop). Деятельность подобных сервисов тесно связана с защитой исключительных прав правообладателей и пользователей платформ, поскольку именно распространение контента становится основной целью функционирования платформ.

Таким образом, автор настоящей работы предлагает выделить в классификации цифровых платформ агрегатор по размещению и генерации контента, охраняемого правом интеллектуальной собственности. Подобное решение позволит привести к единообразию и применяемые к платформам законодательные нормы, и судебную практику, формирующуюся в отношении платформ, размещающих и генерирующих контент.

¹ Obergefell E. I., Thamer A. (Non-) Regulation of Online Platforms and Internet Intermediaries: The Facts: Context and Overview on State of Play // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht, Internationaler Teil. 2017. P. 201.

Драгалева Виктория,

Студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

vika.dragaleva@mail.ru

ПАРОДИИ В СЕТИ: БАЛАНС МЕЖДУ АВТОРСКИМ ПРАВОМ И СВОБОДОЙ ТВОРЧЕСТВА

Аннотация: в статье рассматриваются правовые аспекты создания и использования пародий в сети Интернет, а также баланс между защитой авторских прав и свободой творчества. Особое внимание уделяется российскому законодательству и его сравнению с международным опытом, включая доктрину добросовестного использования в США и практику Европейского Союза. Выявление проблемы правового регулирования и предложение пути их решения для развития жанра пародий в цифровую эпоху.

Ключевые слова: пародия, авторское право, свобода творчества, Интернет, добросовестное использование, интеллектуальная собственность, российское законодательство, международный опыт, цифровая эпоха.

С развитием Интернета и социальных медиа пародии стали одним из наиболее распространенных жанров пользовательского контента. Они позволяют авторам выражать себя через юмор, сатиру и критику, а зрителям — наслаждаться свежим взглядом на уже известные произведения. Однако вопрос правового статуса таких произведений остается спорным. С одной стороны, необходимо защищать исключительные права авторов оригинального контента, с другой — обеспечивать свободу творчества и выражения. В данной статье будет рассмотрен баланс между этими двумя правовыми категориями, с акцентом на пародии в сети Интернет.

Согласно статье 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации¹, объекты авторского права включают произведения, созданные в любой объективной форме, включая цифровую. При этом переработка произведений, в том числе создание пародий, требует согласия автора или правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Пародия представляет собой произведение, созданное на основе другого произведения, но с целью насмешки или критики оригинала. В России использование произведений для создания пародий регулируется статьей 1274 ГК РФ, которая допускает их свободное использование в карикатурах, пародиях и пастихах. Однако это возможно только при соблюдении следующих условий: указание имени автора оригинального произведения; соблюдение права на неприкосновенность произведения; использование произведения не должно наносить ущерб законным интересам правообладателя.

Тем не менее отсутствие четкого определения пародии в российском законодательстве создает правовую неопределенность. Например, остается неясным, какие критерии позволяют отличить пародию от нарушения авторских прав или плагиата.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Российская газета. 2006. № 289.

Сеть Интернет предоставляет авторам уникальные возможности для распространения пародий. Различные платформы позволяют публиковать пародийный контент, охватывающий миллионы зрителей. Однако такая свобода также порождает юридические проблемы:

1. Масштаб распространения. Контент может быстро стать вирусным, что увеличивает вероятность споров о нарушении прав.

2. Автоматизированные системы защиты авторских прав. Платформы используют алгоритмы, которые могут блокировать или удалять контент, если он содержит элементы, защищенные авторским правом.

3. Монетизация. Если автор пародии зарабатывает на ее публикации, это может быть расценено как коммерческое использование оригинального произведения, требующее согласия правообладателя.

Для понимания возможных путей решения указанных проблем полезно рассмотреть международный опыт.

1. Американское законодательство защищает пародии через доктрину *fair use* (добросовестное использование). Эта концепция допускает использование защищенных произведений без разрешения правообладателя, если это использование не наносит существенного ущерба рынку оригинального произведения. В деле *Campbell v. Acuff-Rose Music* (1994)¹ Верховный суд США признал пародию допустимым использованием, поскольку она преобразует оригинал, добавляя новый смысл.

2. В ЕС правовое регулирование пародий варьируется в зависимости от стран, но основой является Директива 2001/29/ЕС «О гармонизации определенных аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе»². В соответствии с директивой, государства-члены могут вводить исключения для пародий, карикатур и пастишей. Однако конкретные параметры пародий устанавливаются на национальном уровне.

Например, в деле *Deckmyn v. Vandersteen* (2014)³ Суд Европейского Союза определил, что пародия должна носить юмористический характер, но при этом не нарушать принципы недискриминации и уважения к человеческому достоинству. Это решение подчеркивает, что защита пародий в ЕС должна учитывать, как авторские права, так и общие принципы права.

3. После выхода из ЕС Великобритания сохранила положения о пародиях, карикатурах и пастишах, введенные в 2014 г. в рамках Закона об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 г. Британское законодательство разрешает использование произведений в пародийных целях без согласия правообладателя, если такое использование является добросовестным и не наносит ущерб законным интересам автора.

Основное различие между российским и зарубежным регулированием пародий заключается в уровне детализации правовых норм и подходов к защите авторских прав. В США и ЕС, а также в Великобритании пародии

¹ *Campbell v. Acuff-Rose Music, Inc.*, 510 U.S. 569 (1994) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/510/569> (дата обращения: 20.07.2024).

² Директива 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе», (2001) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2024).

³ *Deckmyn and Vrijheidsfonds VZW v. Vandersteen and Others*, Case C-201/13 // URL: <https://curia.europa.eu/juris/documents.jsf?num=C-201/13> (дата обращения: 20.11.2024).

рассматриваются как важная часть свободы выражения, и законодательство создает условия для их защиты. В то же время в РФ акцент делается на охрану исключительных прав, что может ограничивать развитие жанра.

Американская доктрина *fair use* предоставляет больше возможностей для создания пародий благодаря гибкости и ориентированности на судебную практику. Европейский подход также учитывает баланс между правами авторов и свободой творчества, однако предусматривает более жесткие ограничения, связанные с уважением к человеческому достоинству и этическими нормами.

В России отсутствие четкого определения пародии и ее правового статуса приводит к правовой неопределенности. Судебные разбирательства часто зависят от субъективного восприятия судей, что может привести к различным трактовкам одного и того же случая.

Одной из ключевых проблем российского законодательства является отсутствие специальных норм, регулирующих использование произведений в пародийных целях. Это создает неопределенность для авторов пародий и правообладателей, увеличивает риск судебных споров и ограничивает творческую свободу.

Для улучшения ситуации возможно введение следующих изменений:

- закрепление в ГК РФ определения пародии как формы переработки произведения с указанием на ее культурную и общественную значимость;
- установление критериев добросовестного использования произведений в пародиях, аналогичных доктрине *fair use*;
- разработка рекомендаций для судов по оценке пародий с учетом международного опыта.

Таким образом, пародии в Интернете представляют собой уникальную форму творчества, которая способствует культурному разнообразию и свободе выражения авторов. Однако правовое регулирование данного жанра требует соблюдения тонкого баланса между защитой интересов правообладателей и обеспечением условий для творческой самореализации авторов. Россия может использовать международный опыт для совершенствования законодательства, чтобы поддерживать развитие пародийного жанра в цифровую эпоху.

Кабанова Мария,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

m.kabanova04@mail.ru

НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» ПУТЕМ ЕГО ПЕРЕРАБОТКИ

Аннотация: в статье автором дано собственное определение понятия «фотографическое произведение», подчеркнута важность творческого подхода при создании нового произведения путем переработки. Рассматривается проблема оценки способов изменения фотографического произведения, свидетельствующих о создании производного произ-

ведения. Установлены критерии наличия переработки фотографического произведения на основе анализа судебной практики.

Ключевые слова: *фотографическое произведение, результат интеллектуальной деятельности, переработка, сеть «Интернет», авторское право, нарушение исключительного права.*

В настоящее время огромное количество различных произведений науки, литературы и искусства размещено в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Ее появление способствовало расширению возможностей людей по их созданию, использованию как для личных целей, так и для получения экономической выгоды. В то же время развитие сети «Интернет» и увеличение числа ее пользователей приводят к массовому нарушению интеллектуальных прав. В данной статье рассматривается один из способов использования фотографического произведения в сети «Интернет» путем его переработки, которая может привести к нарушению исключительного права, если осуществляется без разрешения правообладателя.

Среди объектов авторских прав, перечень которых в пункте 1 статьи 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации является открытым, указаны фотографические произведения¹. Толкование данного понятия на законодательном уровне отсутствует. Вследствие этого в доктрине представлены различные взгляды ученых на сущность фотографического произведения. С. А. Судариков определяет фотографические произведения как «воплощенные на материальном носителе изображения объектов окружающего мира в некоторый момент времени, предназначенные для зрительного восприятия, в том числе с помощью или посредством технических средств»². Стоит отметить, что данное определение является неполным. Согласно судебной практике фотографическому произведению присущ творческий характер, который и обеспечивает его охраноспособность³. Именно поэтому изображения, полученные с помощью камер видеонаблюдения, медицинского оборудования (рентген и др.) не будут объектами авторского права. Так, Е. С. Гринь указывает на то, что «к фотографическим произведениям относятся художественные фотографии, отражающие творческое видение фотографа как художника»⁴. Анализ позиций ученых и судебной практики по данному вопросу помогает дать собственное определение понятия «фотографического произведения», под которым понимается статичное изображение объектов материального мира, полученное в результате творческой деятельности человека при помощи технических средств.

Автору произведения или иному лицу, обладающему исключительным правом на него на законных основаниях (например, в соответствии с положениями лицензионного договора, договора об отчуждении исключительного права или иными основаниями, указанными в статье 1241 ГК РФ), принадле-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Российская газета. 2006. № 289.

² Судариков С. А. Право интеллектуальной собственности : учебник. М. : Проспект, 2010. С. 170.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

⁴ Право интеллектуальной собственности : учебник для вузов / под ред. Л. А. Новоселовой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 56.

жит исключительное право использовать произведение не противоречащими закону способами¹. Одним из таких способов является его переработка. В судебной практике под переработкой понимается создание нового (производного) произведения на основе уже существующего². Для признания переработки законной необходимо наличие у лица права на ее осуществление. При его отсутствии переработка произведения образует состав нарушения исключительного права правообладателя и является основанием для привлечения нарушителя к гражданско-правовой ответственности.

Определение характерных критериев, позволяющих установить факт переработки фотографического произведения, является дискуссионным вопросом в доктрине, что зачастую приводит к практическим проблемам. Известно лишь то, что для создания нового произведения путем переработки необходим творческий подход. Во многих работах правоведов указываются различные взгляды на определение сущности «творческого подхода». Д. С. Захаренко, Э. С. Торосян отмечают, что производное «произведение должно не просто быть создано творческим трудом, оно должно быть также творческим по отношению к оригинальному произведению»³. Я. А. Канторович писал о том, что необходимо чтобы «новое произведение, при создании которого автор и воспользовался чужим образцом, было действительно новым, существенно отличающимся от оригинала, чтобы оно заключало в себе элемент самостоятельного творчества, а не являлось простым заимствованием, воспроизведением в той или иной форме чужого образца»⁴. Мы видим, что изменение, вносимое в произведение, должно быть творческим. Применительно к фотографическим произведениям особую сложность в рассмотрении данного вопроса вносит появление фоторедакторов и с подобным им функционалом сайтов в сети «Интернет», которые предоставили пользователям возможность изменять исходные фотографические произведения путем изменения размера, цветокоррекции, добавления текста и графики, наложения фильтров и другими способами. Здесь возникает вопрос, обладают ли данные действия критерием творчества? Ответ дают материалы судебной практики, анализ которых представлен ниже.

Так, по иску ООО «Восьмая заповедь» к ООО «Уральские кабельные сети» одним из требований являлась компенсация за переработку фотографического произведения⁵. При анализе дела было установлено, что фотография была переработана путем обрезки исходной фотографии по краям, а затем

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Российская газета. 2006. № 289.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

³ Захаренко Д. С., Торосян Э. С. Особенности правовой охраны производных произведений // Юрист. 2022. № 12. С. 36–42.

⁴ Канторович Я. А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения: Систематический комментарий к закону 20 марта 1911 г.: с историческим очерком и объяснениями, основанными на законодательных мотивах, литературных источниках, иностранных законодательствах и судебной практике. 2-е изд., значит. доп. Пг.: [Тип. бывш. Акционер. о-ва Брокгауз-Ефрон]. С. 449.

⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31.03.2023 № С01-424/2023 по делу № А76-3831/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.11.2024).

незаконно опубликована ответчиком в сети «Интернет». Суд по интеллектуальным правам пришел к выводу, что кадрирование фотографического произведения не влечет за собой появление нового произведения, поэтому данные действия нельзя назвать переработкой и взыскание компенсации не подлежит удовлетворению. Такое же основание для отказа в удовлетворении требования приведено в постановлении Суда по интеллектуальным правам от 25.05.2023 № С01-661/2023 по делу № А66-5107/2022¹.

Иным способом изменения фотографического произведения, который не представляет собой факт его переработки, является наложение графических элементов и текста. Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд пришел к выводу о том, что «при создании производного произведения принципиальное значение имеет общий образ переработанного произведения и его сходство с первоначальным (исходным) произведением»². Тем самым можно сказать, что идентичность фотографий сохраняется, несмотря на добавление данных элементов, и новое произведение не создается.

Из анализа вышеуказанной судебной практики можно сделать вывод, что по своей сути наличие переработки и признание ее фактом нарушения исключительного права зависят от оценки судами доказательств, представленных истцом. Данная оценка заключается в сопоставлении исходного фотографического произведения с производным и нахождении отличий между ними. Согласно пункту 95 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» необходимо установить, что одно из произведений создано на основе другого. Для этого суд может назначить экспертизу. Стоит отметить, что назначение экспертизы является правом суда, а не его обязанностью. Так, по делу № А60-23052/2023 Арбитражный суд Свердловской области отказал в удовлетворении ходатайства ответчика о проведении судебной экспертизы для удостоверения факта переработки фотографических произведений с изображением дизайна модульных домов, исключительные права на которые принадлежали истцу. В качестве доказательств суд принял предоставленные истцом сравнительную таблицу переработанных произведений и заключение специалиста. Суд установил факт переработки фотографических произведений, опубликованных ответчиком на своих сайтах, путем «изменения цветов элементов домов, замены фона, отзеркаливания, добавления/исключения незначительных элементов и предметов декора»³. Мы видим, что вышеуказанные действия суд признал способами изменения фотографического произведения, которые ведут к созданию нового, а значит, обладают критерием творчества.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «фотографическое произведение» подлежит нормативному закреплению для внесения определенности и точности его понимания как для теоретиков, так и для правоприменителей.

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.05.2023 № С01-661/2023 по делу № А66-5107/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.11.2024).

² Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.10.2024 № 11АП-12040/2024 по делу № А65-13010/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.11.2024).

³ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 25.01.2024 по делу № А60-23052/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.11.2024).

Вопрос творческого подхода при создании переработанного произведения разрешается судом по каждому конкретному делу. Анализ судебной практики показывает, что переработка фотографического произведения признается нарушением исключительного права правообладателя в тех случаях, когда автор переработанного произведения не имел законных оснований на ее осуществление; доказано существенное преобразование исходного фотографического произведения, влекущее изменение первоначального творческого замысла автора. Данное преобразование возможно при перемене положения объектов, влекущей затруднение в нахождении сходств между фотографическими произведениями, добавлении новых элементов, играющих определенную роль в композиции, влияющих на ее сюжет. Незначительные изменения фотографического произведения путем обрезки, изменения тона и цвета, добавления текста не являются творческими и не влекут исключение идентичности фотографических произведений. Если незаконно опубликованное в сети «Интернет» фотографическое произведение не является новым (производным) по отношению к первоначальному произведению, то привлечение нарушителя к гражданско-правовой ответственности возможно по другим основаниям, например, нарушение исключительного права на фотографическое произведение путем доведения произведения до всеобщего сведения и др.

Киракосов Владимир,

магистрант,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

Россия, г. Москва

kirakosov.v@bk.ru

ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСРЕДНИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАЗАХСТАНЕ

Аннотация: в статье проанализирована эффективность сложившегося подхода регулирования правового статуса информационного посредника. Обращено внимание на необходимость дополнительных изменений с учетом зарубежного опыта, социальных предпосылок и природы действий информационного посредника в ситуациях по предотвращению нарушений.

Ключевые слова: информационный посредник, интеллектуальные права, цифровое право, сравнительное правоведение, доктрина «безопасной гавани», гражданско-правовая ответственность, сеть «Интернет».

Появление фигуры информационного посредника в числе субъектов правоотношений — пример реакции законодательства на глобальную проблему цифрового пиратства. В контексте неумолимого роста значимости результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в капитале современного предпринимателя проблема нарушения интеллектуальных прав в сети «Интернет» стала новым вызовом, вызывающим существенные имущественные потери и издержки.

Предпосылки к урегулированию ответственности информационных посредников обнаруживаются в основном в социальной сфере — феномен

цифрового пиратства, начавшийся с появлением персональных компьютеров, стриминговых платформ и торрент-треккеров.

В Российской Федерации законодательный ответ последовал в 2013 г., с принятием «антипиратского» Федерального закона от 02.06.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях»¹. В основу указанного нормативного правового акта была положена в том числе позиция Высшего Арбитражного Суда РФ, выраженная в постановлении Президиума от 01.11.2011 № 6672/11². В постановлении отмечается необходимость учитывать степень вовлечение провайдера в процессы передачи, хранения и обработки информации и контента, а также возможность провайдера контролировать и изменять содержание информации. Отдельно высшая судебная инстанция отмечает невозможность применения мер гражданско-правовой ответственности к субъекту, который не иницирует передачу информации, не выбирает ее получателя, не влияет на целостность информации и принимает превентивные меры по предотвращению нарушения. Аналогичные положения были закреплены и в статье 1253.1 Гражданского кодекса РФ, в которой предусмотрено следующее:

1. Информационным посредником является лицо, которое: 1) осуществляет передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, 2) предоставляет возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, 3) предоставляет возможность доступа к материалу в этой сети.

2. Информационный посредник 1) освобождается от мер гражданско-правовой ответственности в случаях, когда он: не является инициатором этой передачи и не определяет получателя указанного материала; не изменяет указанный материал при оказании услуг связи, за исключением изменений, осуществляемых для обеспечения технологического процесса передачи материала; не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующих результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицом, инициировавшим передачу материала, содержащего соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, является неправомерным.

3. Информационный посредник 2) освобождается от мер гражданско-правовой ответственности в случаях, когда он: не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующих результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, содержащихся в таком материале, является неправомерным; в случае получения в письменной форме заявления правообладателя о нарушении интеллектуальных прав с указанием страницы сайта и (или) сетевого адреса в сети «Интернет», на которых размещен такой материал, своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав.

¹ Федеральный закон от 02.06.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2024).

² Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 01.11.2011 № 6672/11 по делу № А40-75669/08-110-609 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 2.

4. Информационный посредник 3) также освобождается от гражданско-правовой ответственности за нарушение интеллектуальных прав на условиях, изложенных в статье 1253.1 Гражданского кодекса РФ, при его соответствии одному из двух ранее упомянутых оснований.

Исследовательское внимание вызывает правовое регулирование ответственности информационных посредников в Казахстане. Прямое регулирование правового статуса данного субъекта в Казахстане отсутствует, однако некоторые положения закреплены, например, в Соглашении о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Казахстан, с другой стороны 2015 г.¹:

1. Лица, передающие информацию в сети «Интернет» или предоставляющие доступ к сети «Интернет», не несут ответственность за нарушение интеллектуальных прав, если: 1) не иницируют передачу контента; 2) не выбирают его получателя; 3) не выбирают или не изменяют контент.

2. Лица, основной деятельностью которых является кэширование, не несут ответственность за нарушение интеллектуальных прав, если: 1) не изменяют контент; 2) соблюдают условия доступа; 3) соблюдают правила относительно обновления информации, которые имеют широкое признание и используются в отрасли; 4) не мешают правомерному использованию технологий, имеющих широкое признание и используемых в данной отрасли, для получения данных об использовании информации; 5) оперативно действуют для удаления контента и прекращения доступа к нему после получения акта компетентного органа.

3. Лица, основной деятельностью которых является хранение информации, не несут ответственность за нарушение интеллектуальных прав, если: 1) не имеют реальных сведений о незаконности контента; 2) после получения сведений о незаконности контента, оперативно удаляют контент и прекращают к нему доступ.

Особенно примечателен вывод, сформулированный в судебной практике Казахстана, что за нарушение интеллектуальных прав в сети «Интернет» ответственность должна возлагаться на то лицо, которое непосредственно использовало результат интеллектуальной деятельности, а операторы связи в данном случае являются ненадлежащими ответчиками².

Разумеется, в российской модели правового регулирования исключается возможность взыскания компенсации за нарушение исключительного права с информационного посредника, и в делах данной категории он, действительно, будет считаться ненадлежащим ответчиком. Вместе с тем даже в делах, в которых применению подлежат меры ответственности, определенные статьей 1253.1 Гражданского кодекса РФ, для информационного посредника возникают соответствующие издержки, например, по возмещению расходов на уплату государственной пошлины и иных судебных расходов³, а количе-

¹ Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Казахстан, с другой стороны (Астана, 21 декабря 2015 г.) // СПС «Юрист» (дата обращения: 13.12.2024).

² Постановление Апелляционной судебной коллегии по гражданским делам Алматинского городского суда по делу № 2а-5285/2018 от 30.07.2018 // СПС «Юрист» (дата обращения: 18.12.2024). См. также: Калашникова И. А. Пособие по составлению судебных решений по спорам о защите интеллектуальной собственности. Нур-Султан, 2020. С. 87.

³ Решение Московского городского суда по делу № 3-1075/2024 от 05.06.2024 // Официальный сайт судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/5cc348b0-27c4-11ef-a4a3-c7f5762e450e> (дата обращения: 14.12.2024).

ство таких дел может достигать более ста в год. Например, в период с 2016 по декабрь 2024 гг. в отношении общества с ограниченной ответственностью «Юкоз Медиа» (конструктор сайтов и хостинг-провайдер) было подано более 1 150 исковых заявлений по исследуемой категории дел¹, т.е. в среднем больше 10 исковых заявлений в месяц. При условии, что до внесения изменений в статью 333.19 Налогового кодекса РФ государственная пошлина при подаче исковых заявлений по данной категории дел составляла 6 000 руб., то издержки организации составляют более 6 900 000 руб. (без учета возможности взыскания иных составляющих элементов судебных расходов), в то время как в настоящий момент актуальная редакция указанной статьи Налогового кодекса РФ обязывает истца оплатить государственную пошлину в большем размере (20 000 руб.).

Вместе с тем законодательство Казахстана не содержит определенности относительно «оперативности» реализации мер по блокировке контента, что в Российской Федерации урегулировано положениями статьи 15.6 Федерального закона от 27.07.2007 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»². Так, в течение суток с момента получения требования от соответствующего государственного органа, информационный посредник обязан ограничить доступ к соответствующему сайту в сети «Интернет».

Учитывая вышеизложенное, представляется, что существующий подход к регулированию правового статуса информационного посредника нуждается в дополнительной проработке с учетом опыта зарубежных правовых порядков, социальных предпосылок возникновения данного субъекта и сугубо технической функции в процессе предотвращения нарушения.

Ковалева Диана Вадимовна

студент,

МГУ имени М.В.Ломоносова

Россия, г. Москва

kovalevadiana016@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГИПЕРССЫЛОК НА КОНТЕНТ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ ИЛИ ПРАВОМЕРНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Аннотация: статья посвящена правовым аспектам использования гиперссылок в Интернете. В ней обосновывается важность определения юридического статуса гиперссылок в контексте охраны авторских прав, что на сегодняшний день является актуальной темой в условиях цифровизации и технологического развития. Автор поднимает вопрос о том, признается ли использование гиперссылок на контент нарушением авторских прав, и, если ответ — да, то в каких случаях. Автор статьи акцентирует, что есть необходимость разработать четкие стандарты и критерии для оценки законности

¹ Официальный сайт судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 14.12.2024).

² Федеральный закон от 27.07.2007 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2024).

использования гиперссылок, что могло бы помочь в разрешении судебных споров между участниками процесса и обеспечении сбалансированного подхода между интересами правообладателей и пользователей.

Ключевые слова: гиперссылка, сеть Интернет, контент, фреймовые (framing), встроенные (inline), простые (surface links, deep links) гиперссылки, Европейский Суд, средство переадресации.

При размещении в сети «Интернет» каких-либо заимствований, публикаций отдельных частей произведений третьих лиц нужно соблюдать определенные правила. Например, использовать так называемые «гиперссылки». Легального определения «гиперссылки» мы нигде не найдем. Однако данный термин давно уже укоренился в сознании простых граждан, используется повсеместно как в сети Интернет, так и в устной речи. Что же представляет собой гиперссылка? В российской правовой доктрине гиперссылкой называют «сообщение информации о месте размещения ресурса»¹. Также под «гиперссылкой» понимается указание на смысловую связь фрагмента одного документа с другим документом². Известным синонимом гиперссылки в современном интернет-пространстве является «репост». В ходе развития Интернета и частого использования возникли разного рода гиперссылки, которые отличаются своей структурой и содержанием. На сегодняшний день мы можем назвать простые (surface links, deep links), встроенные (inline), фреймовые (frames) гиперссылки³.

Юридическая квалификация использования гиперссылок (гиперлинкинга), в том числе простых гиперссылок, framing и embed, как способов использования объектов интеллектуальной собственности (а именно объектов авторских прав), считается дискуссионной: признавать ли гиперссылки в качестве использования произведения или считать гиперссылку обычным средством переадресации. Разные страны по-разному регулируют вопрос использования гиперссылок, в одних случаях признавая эти действия нарушениями авторских прав, а в других — нет. В российской правоприменительной практике также нет единого подхода в данном вопросе.

Представляется вполне разумным считать, что размещение простой гиперссылки на материал автора и (или) правообладателя само по себе не является использованием объекта авторского права. В данном случае лицо, осуществляющее репост или же оформляющее ссылку на объект авторского права, лишь «показывает путь» к контенту⁴. В любом случае полностью с работой пользователь сможет ознакомиться лишь перейдя на сайт, где произведение опубликовано самим правообладателем, а не на сайте «репостщика»⁵.

Но нарушение авторских прав при использовании гиперссылок всё же возможно. Оно может быть в тех случаях, когда, во-первых, лицо разместило

¹ Протокол № 16 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 28.04.2017 // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 16. С. 13–29.

² Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. С. 15.

³ Мухалин А. Р. Использование гиперссылок (в том числе embed и framing) в сети «Интернет» // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 19. С. 6.

⁴ Ворожевич А. С. Ссылки на чужие произведения в Интернете: нарушение или нет? // URL: <https://legal-support.ru/information/blog/ip-daizhest/ssylki-na-chuzhie-proizvedeniya-v-internete-narusenie-ili-net/> (дата обращения: 30.12.2024).

⁵ Nils Svensson and others v. Retriever Sverige AB // URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-466/12> (дата обращения: 30.12.2024).

ссылки на контент, который по своей сути является незаконным (например, на ресурсы, которые содержат пиратские копии музыкального произведения, текста, фильмов и т.д.), т.е. гиперссылка напрямую связана с материалами, которые были опубликованы с нарушением авторских прав и на распространение которых разрешения никто не давал. Эти действия в данном случае (применение гиперссылки) могут считаться доведением до всеобщего сведения. Во-вторых, нарушением также может являться использование гиперссылки в обход установленных правообладателем технических мер защиты (это правило работает в отношении встроенных или фреймовых гиперссылок).

При этом четких критериев определения нарушающих авторские права гиперссылок российская судебная практика не дает, зато практика ЕС более богата в этом вопросе¹. Так, Европейский Суд выделил основные условия, которые должны выполняться, чтобы признать использование гиперссылки нарушением: 1) цель извлечения прибыли, 2) ограниченность доступа к ресурсу, а также 3) знание публикатора ссылки (информационного посредника) о том, что контент на странице, ссылку на которую он (или, если мы говорим об информационном посреднике, то его пользователи) оставляет, оформлен с нарушениями авторских прав. Если все критерии наличествуют, то такую гиперссылку можно признать как нарушающую авторские права. Однако предложенные Европейским Судом критерии многими критикуются, как «необоснованно расширяющие права правообладателей в ущерб прав пользователей»².

Всё же обычные гиперссылки, как уже было выявлено ранее, в большинстве своем не признаются нарушением авторских прав, т.к. являются лишь «проводником» к контенту, что подтверждается судебной практикой³, и только в ряде случаев могут быть признаны нарушением. Однако много вопросов возникает относительно такого вида гиперссылок, как фреймовые гиперссылки, а также встроенные ссылки, которые предоставляют доступ к контенту без перехода на другой сайт, в таком случае пользователь остается на первоначальной странице. С одной стороны, можно признать такого рода ссылку правомерной, т.к. она «лишь определяет локацию контента, который уже был доступен интернет-пользователям»⁴. С другой стороны, отличием той же фреймовой ссылки от обычной гиперссылки является выведение объекта авторских прав на страницу пользователя, что всё же может быть признано доведением до всеобщего сведения⁵, поэтому в иностранной практике возникают споры о нарушении авторских прав посредством framing. Относительно встроенных ссылок есть российская практика, где суд квалифицировал такой вид ссылки как способ использования произведения, а значит, лицом, использовавшим

¹ GS Media BV v. Sanoma Media Netherlands BV, Playboy Enterprises International Inc., Britt Geertruida Dekker (case 160/15) // URL: https://www.dekuzu.com/en/docs/C-160-15_GS_Media_v_Sanoma_&_Playboy_court_decision.pdf (дата обращения: 30.12.2024).

² Глонина В. Н. Использование гиперссылок на контент, размещенный в сети Интернет в нарушение норм авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 9. С. 16.

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18.01.2024 № C01-2590/2023 по делу № A23-9402/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.12.2024).

⁴ Ворожевич А. С. Использование объектов авторских прав в личных целях // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 5. С. 7.

⁵ Ворожевич А. С. Указ. соч.

данную ссылку, было нарушено авторское право правообладателя контента¹. И всё же представляется, что и такие гиперссылки не нарушают авторских прав, ведь суть гиперссылки — адресация на сторонний сайт, указание на место, где размещен объект авторских прав, кроме того, «само по себе размещение гиперссылки на информационном ресурсе в сети «Интернет» не приводит к появлению копии объекта авторского права»², что подтверждает иностранная судебная практика. Использование таких гиперссылок может быть признано нарушением авторских прав, если они были применены в обход установленных правообладателем технических мер защиты.

Таким образом, правовая регламентация гиперссылок находится в стадии развития. Международное сообщество по-разному относится к их использованию в сети Интернет: в одних случаях признавая нарушением авторских прав, а в других — нет. Несмотря на критику относительно критериев, сформулированных Европейским Судом, всё же идея разработки определенных стандартов является вполне оправданной. Так, были выявлены критерии правомерного использования гиперссылок, которые могли бы быть использованы в дальнейшем при разрешении судебных споров: 1) ограниченность или общедоступность контента, к которому перенаправляет гиперссылка (возможно ли привлечение новой публики, на которую не рассчитывал автор); 2) знало ли лицо, использующее ссылку, о том, что объект авторских прав размещен неправомерно; 3) коммерческая цель использования ссылки. Это позволило бы обеспечить баланс интересов правообладателей и пользователей, а также сформировать правовую определенность в судебной практике относительно данного вопроса.

Коверченко Иван,
практикующий юрист, ассистент кафедры
Волгоградского института управления —
филиала РАНХиГС
Россия, г. Волгоград
vankover@rambler.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОМИНАТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ

Аннотация: в статье рассматриваются правовые проблемы номинативного использования товарных знаков на цифровых платформах. В частности, были рассмотрены особенности использования товарных знаков на современных цифровых платформах, специфика номинативного использования в целом и приведено обоснование недопустимости применения общей модели защиты в отношении средств индивидуализации на примере номинативного использования товарных знаков.

Ключевые слова: цифровая платформа, товарный знак, номинативное использование, общая модель защиты.

¹ Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 22.07.2015 по делу № А12-21407/2015 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FKTEhLbN5Gxg/?ysclid=luy2iuir6w925005120> (дата обращения: 14.01.2025)

² Мухалин А. Р. указ. соч.

Закономерное развитие в цифровом поле вариаций продажи товаров, оказания услуг, и в особенности цифровых платформ, посредством которых они осуществляются, привели к значительному росту популярности и повсеместному распространению последних. Цифровые платформы прочно заняли свое место в отношениях купли-продажи, однако особенности их правового регулирования всё еще свежи и имеют немало дискуссионных моментов. В частности, можно отметить ряд вопросов, касающихся защиты исключительных прав на средства индивидуализации при их использовании на цифровых платформах, и в особенности товарных знаков.

Существующие виды средств индивидуализации, помимо распространенного использования в доменных именах, также могут быть использованы пользователями для продвижения своих услуг. Например, пользователь занимается перепродажей товаров определенного бренда. Для его продажи, он должен показать потребителю что-то, что укажет на принадлежность товара конкретному правообладателю, например товарный знак. Для этого он регистрирует на цифровой платформе свою группу, в названии которой содержится товарный знак, загружает соответствующие фотографии, устанавливает индивидуальный элемент адреса, в котором также содержится средство индивидуализации. Например, платформа «ВКонтакте» предоставляет возможность выбрать свой адрес страницы не только для личного профиля, но и для группы, в рамках которой можно вести предпринимательскую деятельность. Более того, платформой предусмотрена процедура подачи запросов на передачу адреса страницы в случае наличия у правообладателя соответствующего товарного знака¹.

Подобные ситуации иллюстрируют проблематику номинативного использования товарных знаков. Данный подход предполагает возможность свободного и добросовестного использования товарного знака другого правообладателя, а именно при необходимости ссылки на такого правообладателя, его товары, услуги или деятельность при осуществлении собственной предпринимательской деятельности. Обязательными условиями при таком использовании являются:

1. Недопустимость выдачи своих товаров или услуг за таковые правообладателя;
2. Запрет на формирование у потребителя предположений об официальном сотрудничестве предпринимателя и правообладателя².

В то же время в судебной практике номинативное использование допускается на основании положений ст. 1477 и 1484 ГК РФ. При этом особенностью именно российской доктрины отмечается отсутствие четких разграничений между доктринами добросовестного описательного и номинативного использования, благодаря чему такое использование имеет место³. В свою

¹ Хочу присвоить занятый короткий адрес сообществу; у меня есть соответствующий товарный знак // Официальная страница поддержки «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/faq19040> (дата обращения: 05.01.2025).

² Ворожевич А. С. Добросовестное использование чужих товарных знаков: исследование вопроса на примере логотипов, нанесенных на масштабные модели автомобилей // Официальный сайт журнала Суда по интеллектуальным правам. URL: <http://ipcmagazine.ru/asp/fair-use-of-other-people-s-trademarks-study-of-the-issue-using-example-logos-applied-to-scale-models-cars> (дата обращения: 25.12.2024).

³ Ворожевич А. С. Добросовестное использование чужих товарных знаков.

очередь, номинативное использование в зарубежной судебной практике прошло достаточно непростой путь.

Началу номинативного использования в доктрине послужил ряд кейсов, в рамках которых ответчиков пытались привлечь к ответственности за использование товарного знака без разрешения правообладателя. Например, в деле *Volkswagenwerk Aktiengesellschaft v. Church* автомобильная компания Volkswagen подала иск к владельцу авторемонтного бизнеса, который специализировался на ремонте машин Volkswagen и Porsche, в связи с чем использовал в процессе своей деятельности торговую марку «Modern Volkswagen Porsche Service». После ряда жалоб от правообладателя, владелец поменял ее на «Modern specialist». В то же время предыдущее наименование автосервис продолжал использовать в рекламе, наносил его на спичечные коробки, карандаши и пр., пока после очередного иска не поменял название на «Independent Volkswagen Porsche Service». Именно слово «Independent» (англ. независимый) позволило ответчику выиграть этот кейс, поскольку судом было установлено, такое указание позволяет потребителям понимать разницу между изначальным правообладателем и неофициальным автосервисом¹.

Таким образом, особенностью номинативного использования товарного знака является отсутствие цели вызвать у потребителя ассоциацию о какой-либо связи с правообладателем товарного знака. Более того, основной аудиторией, прибегающей к такому использованию, являются посредники в рамках осуществления купли-продажи товаров. Как уже указывалось ранее, учитывая распространение разнообразных цифровых платформ, посредством которых происходит реализация товаров, количество таких посредников на сегодняшний момент крайне велико. При этом правовые проблемы защиты исключительных прав на товарные знаки всё еще остаются и, более того, набирают новые обороты с появлением новых потенциальных способов их нарушения. Отсюда появляется необходимость модернизации существующих подходов к защите прав на товарные знаки, но при этом такая модернизация должна отвечать требованию соблюдения баланса интересов.

Следует заметить, что общего, универсального механизма защиты для средств индивидуализации в цифровом пространстве на сегодняшний день не существует. Это обусловлено как техническими особенностями большинства цифровых платформ, так и только развивающимися подходами в законодательстве. В связи с этим в научных кругах ведутся дискуссии о применении положений общей модели защиты объектов авторских и смежных прав в отношении средств индивидуализации. Однако следует понимать, что распространение данной модели защиты на средства индивидуализации может быть нецелесообразно, и это можно обосновать как раз на примере номинативного использования товарных знаков.

Так, в случае применения общей концепции защиты исключительных прав, номинативное использование видится практически невозможным. При этом, как уже говорилось ранее, само по себе номинативное использование на данный момент крайне распространено на цифровых платформах, поскольку зачастую это является ключевым фактором для привлечения

¹ Volkswagenwerk Aktiengesellschaft v. Church, 411 F.2d 350 (9th Cir. 1969) // Casetext. URL: <https://casetext.com/case/volkswagenwerk-aktiengesellschaft-v-church-3> (дата обращения: 02.01.2025).

потенциальных потребителей в рамках продажи товаров или оказания услуг на платформах. Особенно следует подчеркнуть нарушение баланса интересов — так, правообладатель получит возможность предъявлять иски почти на любое упоминание своего средства индивидуализации без анализа цели и способа его использования.

Подводя итог, можно заключить, что в настоящий момент номинативное использование товарного знака хотя и допускается на уровне доктрины и судебной практики, но всё же имеет ряд особенностей. В частности, при таком использовании необходимо соблюдение четких критериев, чтобы не допустить выхода за рамки добросовестного использования товарного знака. Цифровые платформы дают огромные возможности для развития номинативного использования, однако вместе с тем они являются катализатором новых способов нарушения исключительных прав. В свою очередь, в контексте защиты исключительных прав следует строго следить за соблюдением баланса интересов. В особенности это касается параллельно развивающихся дискуссий о модернизации способов защиты средств индивидуализации на цифровых платформах, вплоть до использования общей модели защиты исключительных прав.

Крыгин Артем,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

arty.krygin0904@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА БАЗЫ ДАННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности правового режима баз данных в сети Интернет. Будет произведен анализ основных проблем, связанных с изготовлением, использованием и распространением баз данных в информационно-телекоммуникационных сетях, а также исследование правовых норм, регулирующих этот процесс. Особое внимание будет уделено вопросам реализации авторских прав, конфиденциальности данных.

Ключевые слова: база данных, персональные данные, распространение информации, лицензионный договор, договор возмездного оказания услуг.

В современных реалиях для российской и мировой экономики использование баз данных в сети Интернет становится всё более актуальным. Они влияют на развитие электронной коммерции. В связи со стремительным ростом рынка электронной коммерции, объем интернет-торговли в России за девять месяцев 2024 г. вырос на 43 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. и составил 6,2 трлн руб. Об этом сообщили ТАСС в Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ)¹, базы данных становятся незаменимым инструментом для управления интернет-магазинами и маркетплейсами. Они позволяют автоматизировать процессы обработки заказов, управле-

¹ АКИТ оценила рост объема интернет-торговли в РФ за девять месяцев в 43 % // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22427635> (дата обращения: 29.12.2024).

ния складом и логистики, улучшать качество обслуживания клиентов, что способствует развитию электронной коммерции и увеличению объемов онлайн-продаж.

Также базы данных способствуют технологическому развитию и внедрению инноваций по всему миру. Например, некоторые крупные компании (Toyota Motor, Intel, Ericsson, Denso NTT и DoCoMo) создали консорциум, который при помощи использования экосистемы распределенных баз данных выстроил структуру управления беспилотными автомобилями: создание карт в реальном времени и дистанционных технологий помощи водителям¹.

Таким образом, в связи с повсеместным ростом числа как правообладателей, так и пользователей баз данных в сети Интернет для научного сообщества будет актуально детально изучить и рассмотреть ряд ее особенностей: доступность информации большому количеству лиц (произошло изменение характера использования базы данных: сместился интерес от самой структуры базы данных к временному использованию информацией, содержащейся в ней), возможность использовать большие массивы информации из разных, в том числе непроверенных источников и связывать их вместе, а также отсутствие ограничений для передачи информации между разными юрисдикциями.

При изготовлении базы данных, находящейся в сети Интернет, возникает ряд сложностей:

Во-первых, установление подлинности информации, включенной в базу данных. Данную проблему можно охарактеризовать как общую для всех массивов данных. Однако в Интернете теряется цепочка источников, откуда информация была взята и использована на определенном информационном ресурсе либо базе данных. В сети информация гораздо труднее поддается верификации. Так, формирование базы данных о недобросовестном поведении определенных лиц (например, работодателей) на основе информации из Интернета создает для правообладателя существенные риски в случае ее публичного использования. Ведь информация может оказаться ложной и владелец базы данных будет привлечен к гражданской (ст. 152 ГК РФ) или даже уголовной (ст. 128.1 УК РФ) ответственности за вероятное порочение чести, достоинства и деловой репутации. В этой связи для владельца базы данных важно заранее продумать механизм проверки включаемой в базу данных информации, а также ограничение возможности других лиц вносить изменения в базу данных по своему усмотрению².

Во-вторых, проблема различных законодательных требований к сбору и защите персональных данных в разных юрисдикциях. Интернет — глобальная сеть, что приводит к риску нарушения норм о процедуре сбора и хранения информации законодательства различных стран. Соответственно, на правообладателя базы данных в сети Интернет накладывается дополнительное бремя проверки допустимости конкретных действий в определенной стране: например, получение письменного согласия субъекта информации, регистрации оператора данных.

¹ Toyota, Intel и другие компании формируют консорциум, который будет заниматься большими данными подключенных автомобилей // IXBT.com. URL: <https://www.ixbt.com/news/2017/08/12/toyota-intel-i-drugie-kompanii-formirujut-konsorcium-kotoryj-budet-zanimatsja-bolshimi-dannymi-podkljuchennyh.html> (дата обращения: 29.12.2024).

² Калятин В. О. Право в сфере Интернета. М., 2004. С. 87–107.

Для владельца базы данных в сети Интернет важно также проверить, что такие национальные нормы не нарушены не только в стране, где находится лицо, осуществляющее сбор отдельных единиц реестра, но и в странах, гражданами которых являются лица, информация о которых собирается. Правообладатель также должен следить за тем, не осуществляется ли трансграничная передача информации о субъекте, в стране нахождения которого запрещен трансфер персональных данных в другие юрисдикции. Например, в Директиве Евросоюза сказано: «Поскольку с другой стороны должна быть запрещена передача персональных данных в третью страну, которая не обеспечивает достаточный уровень их защиты»¹.

В-третьих, проблема выстраивания системы прав на базу данных, особенно если она распределенная. В связи с особенностями свойств базы данных как результата интеллектуальной деятельности, права автора базы данных, так и права ее изготовителя в большинстве случаев не зависят от количества лиц, участвующих в ее создании. Это связано с тем, что авторским правом защищается исключительно структура базы данных, а не ее содержание. У указанных выше лиц специфическая роль — автор создает структуру базы данных, а изготовитель организует работу по ее созданию. Поэтому, сколько бы лиц ни участвовало в наполнении базы данных, они не смогут претендовать на права автора или ее изготовителя (что, конечно, не исключает возможности выступления на стороне автора или изготовителя нескольких лиц)².

В научном сообществе мнения о целях использования базы данных в сети Интернет разделились. Есть точка зрения, которой придерживается ученый В. О. Калятин, что если лицо размещает базу данных в Интернете, то оно явно подразумевает предоставление широкого (публичного) доступа к нему³. Однако мы не согласны с этой точкой зрения и придерживаемся позиции Ю. Е. Донникова, которая выражена в том, что размещение базы данных в сети Интернет несет в себе цель увеличения коммерческой выгоды. В том числе на практике мы всё чаще видим, что лицензионный договор присоединения (абз. 2 и 3, п. 5, ст. 1286 ГК РФ) замещается договором об оказании информационных услуг по доступу к базе данных⁴. Это связано с общим правилом о возмездности этих договоров. В первом случае он безвозмездный, если в договоре не указано иное, во втором — всегда возмездный.

Пользователям баз данных нужен сейчас уже не столько сам реестр целиком, а материалы, данные, информация, содержащиеся в нем. Поэтому, реализуя возможность работы с базами данных посредством Интернета, правообладатели, по сути, предоставляют не сами базы данных, а возможность доступа к ним с целью извлечение выгоды из материалов, которые в них содержатся.

Конструкция договора возмездного оказания услуг позволяет оформить доступ к базе данных в качестве информационной услуги. А. Ю. Галаев в

¹ Директива ЕС № 95/46/EC от 24.12.1995 // URL: https://www.edps.europa.eu/data-protection/our-work/publications/legislation/directive-9546ec_en (дата обращения: 29.12.2024).

² Калятин В. О. Право интеллектуальной собственности. Правовое регулирование баз данных : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2024. С. 186.

³ Калятин В. О. Право интеллектуальной собственности. С. 187.

⁴ Донников Ю. Е. Правовое регулирование создания и использования баз данных : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2020. С. 129.

своей работе дал определение: «информационная услуга — это получение и предоставление в распоряжение пользователя информационных продуктов»¹. В отношении нашего объекта РИД такой информационный продукт будет представлять собой не только саму базу данных как таковую, но и программное обеспечение для взаимодействия с ней, например, для поиска информации и ориентированию в реестре. Данное программное обеспечение будет представлять собой интерфейс, встроенный в соответствующий сайт в Интернете (например, «КонсультантПлюс»), и всё это в совокупности будет информационным продуктом.

Стоит отметить, что такая практика законодательно закреплена в иностранных юрисдикциях. Так, в Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков (МКТУ)² «Обеспечение доступа к базам данных» относится к Классу 38 «Услуги». Отчасти сходный подход в законе об авторском праве и смежных правах ФРГ от 09.09.1965 в редакции от 01.10.2013 параграф 87е именуется как «Договоры об использовании базы данных»³.

В нашей судебной практике договор, по которому предоставляется доступ к базе данных, но который не оформлен как лицензионный договор присоединения, суды квалифицируют как договор возмездного оказания услуг. Основывается правоприменитель на принципе свободы договора (ст. 421 ГК РФ и п. 5 ПП ВАС РФ от 14.03.2014 «О свободе договора и ее пределах»⁴, пример из судебной практики — постановление 8ААС по делу № А46-7655/2018 от 08.11.2018).

Таким образом, правообладателю при создании базы данных нужно учитывать несколько обстоятельств: информационное загрязнение Интернет-сети, различные нормы регулирования передачи и хранения персональных данных в разных иностранных юрисдикциях, а также каким образом будут распределяться права на базу данных при множественности субъектов-наполнителей.

Правомочие распоряжения исключительным правом в сложившейся российской и зарубежной практике осуществляется с использованием конструкции договора возмездного оказания услуг и обуславливается современным развитием информационных технологий. Так, пользователям нет необходимости приобретать всю базу данных на отдельном носителе, переживая о том, что она потеряет актуальность. Теперь достаточно иметь возможность работы с базой данных в виде получения доступа в режиме онлайн. В сложившейся в РФ судебной практике, договор об оказании услуг по предоставлению доступа к базе данных не квалифицируют как лицензионный договор и рассматривают как заключенный в рамках принципа свободы договора.

¹ Галаев А. Ю. Предмет договора возмездного оказания информационных услуг // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 2. С. 91.

² Международная классификация товаров и услуг для регистрации знаков (МКТУ) (Одиннадцатая редакция, изд. 2-е) (принята в г. Ницце 15.06.1957) (с изм. и доп. от 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.01.2025).

³ Германские законы в области права интеллектуальной собственности = Deutsche Gesetze zum geistigen Eigentum; пер. с нем. / [В. Бергман, введ., сост.]; науч. ред. Т. Ф. Яковлева. М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 70.

⁴ Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 14.03.2014 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.01.2025).

Кузнецова Вероника,

студент,

Університет імені О.Е. Кутафіна (МГЮА)

Росія, г. Москва

KuznetsovaVA808@yandex.ru

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В СЕТИ: РОЛЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОСРЕДНИКОВ

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с защитой интеллектуальных прав в сети «Интернет». Автор акцентирует свое внимание на том, в каких случаях информационный посредник может считаться осведомленным о нарушении и какие меры защиты должны быть достаточными и необходимыми в соответствии с действующим российским законодательством. Также раскрывается содержание статуса информационного посредника у администратора домена, регистратора и поисковой системы в сети «Интернет». Автором анализируются положения, связанные с фиксацией доказательств нарушения авторских прав в сети, и выдвигаются предложения для совершенствования законодательства.

Ключевые слова: нарушение прав в сети «Интернет», авторское право, «пиратство», информационный посредник, администратор доменного имени, регистратор домена, поисковая система.

С развитием цифровых технологий и Интернета возникли новые вызовы для защиты интеллектуальной собственности. Информационные посредники, такие как платформы для обмена контентом, социальные сети и другие онлайн-сервисы, играют ключевую роль в распространении информации в современном мире. Однако их деятельность также ставит под угрозу права авторов и владельцев объектов интеллектуальной собственности.

Действительно, активное развитие цифровых технологий и сети «Интернет» создает новые вызовы для защиты интеллектуальных прав в цифровой среде. В условиях глобальной сети традиционные механизмы защиты сталкиваются с трудностями, связанными с анонимностью пользователей, масштабом распространения информации и скоростью ее передачи. Они становятся неэффективными и не работают на практике при нарушении прав пользователей сети.

Статья 1253.1 Гражданского кодекса РФ¹, регулирует ответственность информационных посредников, таких как хостинг-провайдеры, платформы для размещения контента и другие профессиональные участники сети. Основное внимание в этой статье уделяется тому, при каких условиях информационные посредники могут быть освобождены от ответственности за нарушение авторских прав, если они не являются инициаторами нарушения и не имеют фактической возможности предотвратить его.

Вопросы, касающиеся ответственности информационных посредников, являются сложными и требуют детального юридического анализа. Вышеупомянутая статья 1253.1 ГК РФ действительно устанавливает особый режим ответственности для таких субъектов, который отличается от общего правила о безвиновной ответственности субъектов.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

Информационные посредники, такие как YouTube, Facebook, Instagram и другие, выступают в качестве платформ для публикации и распространения контента. Они обеспечивают доступ к огромному количеству информации и творческих произведений, однако также создают риски для защиты интеллектуальных прав.

Основными аспектами, требующими внимания, являются:

1. Виновные начала: информационные посредники отвечают на виновных началах, что означает, что для привлечения их к ответственности необходимо доказать наличие вины. Это может быть, как умысел, так и неосторожность. В отличие от других предпринимателей, которые могут нести ответственность независимо от вины, информационные посредники подвергаются более строгим требованиям.

2. Условия освобождения от ответственности: в соответствии со статьей 1253.1 ГК РФ, информационный посредник может быть освобожден от ответственности, если:

- он не знал и не мог знать о нарушении;
- он незамедлительно удалил или заблокировал доступ к контенту после получения уведомления о нарушении.

3. Неоднозначность формулировок: определение того, кто именно является информационным посредником, может быть неоднозначным. Законодательство не всегда четко определяет границы между различными видами платформ и услуг, что может привести к правовым спорам и затруднениям в применении норм на практике.

4. Практические аспекты применения: на практике, соблюдение условий освобождения от ответственности может требовать от информационных посредников разработки внутренних процедур для обработки уведомлений о нарушениях, что добавляет дополнительные затраты и сложности в их деятельность. Следовательно, наличие данных процедур существенно осложняет процесс привлечения виновных к ответственности и накладывает дополнительные бременения на владельцев интернет-платформ.

Вопрос о том, может ли посредник считаться осведомленным о неправомерности использования объектов интеллектуальной собственности с момента размещения (передачи) ими неправомерного материала в сети «Интернет», требует отрицательного ответа. С точки зрения автора, справедливым является подход, согласно которому информационный посредник считается знающим о нарушении с момента получения письменной претензии. Например, в деле, где ответчиком выступал известный маркетплейс «Вайлдберриз»¹, признанный информационным посредником, Суд по интеллектуальным правам сделал вывод, что «за обществу «Вайлдберриз» не закреплена обязанность по проверке товаров, реализуемых продавцами, а также обязанность по предварительной проверке (модерации) размещаемой информации о товарах». Аналогичный вывод можно встретить и в зарубежной практике².

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 14.04.2022 по делу № А41-73925/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.01.2025).

² Scarlet Extended SA v. Société belge des auteurs, compositeurs et éditeurs SCRL (SABAM) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62010CJ0070> (дата обращения: 07.01.2025).

Следовательно, информационные посредники фактически не имеют физической возможности отслеживать все материалы, размещаемые на интернет-порталах и анализировать наличие или отсутствие в размещаемой информации признаков нарушений.

Автор обращает внимание на зарубежный опыт в регулировании данного вопроса. В некоторых странах, таких как США, действуют принципы «безопасной гавани», согласно которым информационные посредники не несут ответственности за нарушения, совершенные пользователями, если они не знали о нарушении и быстро отреагировали на уведомления о нем. Это создает стимулы для платформы активно сотрудничать с правообладателями. В Европейском Союзе действуют более строгие правила, включая Директиву о авторском праве на едином цифровом рынке¹, которая требует от платформ активного участия в защите авторских прав.

При этом законодательными органами в России уже предприняты ряд мер, направленных на борьбу с «пиратскими» сайтами. Так, с 1 октября 2024 г. вступил в силу закон², упрощающий правовой механизм блокировки «зеркал» пиратских сайтов. Закон передает непосредственно Роскомнадзору полномочия по принятию решения о признании сайта «зеркалом» пиратского ресурса и направлению такого решения владельцу сайта-«зеркала». Такой подход позволит сократить процесс ограничения доступа к сайтам-«зеркалам» до двух суток. Кроме того, закон распространяет обязанности по прекращению выдачи сведений о сайте-«зеркале» на всех операторов поисковых систем, независимо от того, распространяют ли они рекламу, которая направлена на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, или нет.

Автору представляется верной позиция Суда по интеллектуальным правам в постановлении от 12.10.2020 № С01-1130/2020, где суд указал, что решение вопросов об отнесении лиц к категории информационных посредников зависит от характера их деятельности. Согласно мнению суда, в случае нарушения исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности только на сайте непосредственным нарушителем является пользователь, разместивший материал или владелец сайта.

Таким образом, защита интеллектуальных прав в сети представляет собой сложную задачу, требующую активного сотрудничества между информационными посредниками, правообладателями и пользователями. С одной стороны, информационные посредники играют важную роль в распространении контента и обеспечении доступа к информации, но с другой — они несут ответственность за соблюдение прав авторов и владельцев интеллектуальной собственности.

¹ Директива (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17.04.2019 об авторском праве и смежных правах в рамках единого цифрового рынка, дополняющая Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18927> (дата обращения: 07.01.2025).

² Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 11 и 15 Федерального закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406220017> (дата обращения: 07.01.2025).

Существующие механизмы защиты, такие как системы уведомлений и удаления, технологии защиты контента и судебные иски, помогают создать более безопасное цифровое пространство, однако они не лишены недостатков. Баланс между защитой прав и свободой слова, а также необходимость адаптации к быстро меняющимся технологиям остаются актуальными вызовами.

Автор выдвигает рекомендации по улучшению правового регулирования в данной области, в качестве которых можно рассмотреть возможность более четкого определения категорий информационных посредников, а также установление стандартов для уведомлений о нарушениях и процедур их обработки.

В будущем необходимо продолжать развивать и совершенствовать законодательство, регулирующее деятельность информационных посредников, а также внедрять новые технологии и подходы для более эффективной защиты интеллектуальной собственности. Только через совместные усилия всех участников цифровой экосистемы можно создать условия, способствующие уважению прав авторов и обеспечению справедливого использования контента в Интернете.

Лазарева Юлия,

магистрант

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

yulialazareva24@mail.ru

МАРКЕТПЛЕЙС КАК СУБЪЕКТ ОТНОШЕНИЙ ПО ЗАЩИТЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

Аннотация: в статье анализируется правовой статус маркетплейса как субъекта ответственности за нарушение исключительных прав. Изучается понятие владельца агрегатора информации о товарах и услугах, признаки информационного посредника. Рассматривается судебная практика по рассматриваемому вопросу и предлагаются пути совершенствования законодательства в названной сфере.

Ключевые слова: исключительные права, информационный посредник, владелец агрегатора информации, маркетплейс.

Развитие рынка электронной коммерции привело к резкому росту оборота нелегальных (контрафактных) товаров на онлайн-платформах.

По своему правовому статусу онлайн-платформы (маркетплейсы) являются агрегаторами информации о товарах (услугах).

Владелец агрегатора — это организация независимо от организационно-правовой формы либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи

(договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов¹. Так, товарный агрегатор, или маркетплейс, — информационный посредник между покупателями и продавцами, электронная торговая площадка, на которой продавцы выставляют информацию о продаваемом товаре, а покупатели, выбрав подходящий товар, заключают с продавцами договор купли-продажи (в электронной форме) и т.д.

Статус товарного агрегатора (владельца агрегатора информации о товарах) предполагает наличие трех неотъемлемых признаков в совокупности:

1. Владение приложением, сайтом (страницей сайта);
2. Предоставление потребителю возможности ознакомиться на сайте или в мобильном приложении с предложением продавца о заключении договора купли-продажи, а также заключить такой договор дистанционным способом;
3. Предоставление возможности произвести предварительную оплату товаров наличным или безналичным способом².

В настоящее время в Российской Федерации нет отдельного нормативного правового акта, который регулировал бы отношения по защите интеллектуальной собственности в онлайн-среде.

Основные положения об ответственности информационных посредников, статусом которых часто на практике наделяются товарные агрегаторы, за нарушение интеллектуальных прав содержатся в ст. 1253.1 ГК РФ («Особенности ответственности информационного посредника»).

Информационным посредником признается лицо:

- 1) осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в Интернете;
- 2) предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для их получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети;
- 3) предоставляющее возможность доступа к материалам в этой сети.

Информационный посредник, осуществляющий передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, не несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав, произошедшее в результате этой передачи, при одновременном соблюдении следующих условий:

- 1) он не является инициатором этой передачи и не определяет получателя указанного материала;
- 2) он не изменяет указанный материал при оказании услуг связи, за исключением изменений, осуществляемых для обеспечения технологического процесса передачи материала;
- 3) он не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующих результатов интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицом, инициировавшим передачу материала, содержащего

¹ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 05.12.2022) «О защите прав потребителей» // Российская газета. 07.04.1992. № 7.

² Исследование ключевых проблем правового регулирования рынка электронной коммерции // URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/issledovanie-klyuchevyh-problem-pravovogo-regulirovaniya-rynka-elektronnoj-kommercii/> (дата обращения: 03.01.2025).

соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, является неправомерным.

Информационный посредник не несет ответственность за размещение нарушающих интеллектуальную собственность материалов, если он не знал и не должен был знать о том, что размещение таких материалов было неправомерным, и в случае получения уведомления от правообладателя, посредник принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав. Перечень необходимых и достаточных мер и порядок их осуществления могут быть установлены законом.

Таким образом, информационные посредники и, следовательно, платформы электронной коммерции фактически признаются «вольными гаванями». Они освобождаются от ответственности за действия третьих лиц при использовании их сервисов, не несут обязанности по мониторингу контента на наличие нелегального сегмента при соответствии требованиям ст. 1253 ГК РФ. Тем не менее они должны блокировать либо удалять контент, нарушающий интеллектуальные права.

В деле № А40-296316/2019 (ИП Богданов К. А. и ООО «ТВОЕ») истцу принадлежали исключительные права на произведения изобразительного искусства — рисунки. ООО «ТВОЕ» производило и реализовывало футболки, на которых были напечатаны соответствующие изображения. Футболки продавались на платформах Wildberries и Ozon. Суд признал ООО «ТВОЕ» виновным в нарушении исключительных прав и обязал ответчика выплатить истцу компенсацию в размере 100 000 руб. Таким образом, ответственность за нарушение интеллектуальных прав на платформах электронной коммерции несут именно продавцы, а не информационные посредники, которыми в данном деле и были признаны торговые онлайн-площадки¹.

Однако в последнее время суды стали всё чаще отходить от изложенной позиции относительно статуса маркетплейсов при нарушении интеллектуальных прав.

В 2020 г. ООО «Комфортплюс» обратилось в суд с требованием о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак «Guosai» к ООО «Строй Материалы Холдинг» и ООО «Вайлдбериз». В обоснование требований Истец ссылается на то, что ответчиками на сайте www.wildberries.ru без его согласия размещены предложения о продаже товаров, индивидуализированных обозначениями, сходными с названным товарным знаком.

Суд по интеллектуальным правам, поддержав позицию судов первой и апелляционной инстанции, пришел к выводу, что торговая онлайн-площадка не является информационным посредником и должна нести ответственность наравне с продавцом, поскольку, согласно Правилам реализации товаров на сайте www.wildberries.ru, принимает на себя обязательства за вознаграждение совершать от имени продавца и за счет продавца сделки по реализации товаров, принадлежащих продавцу на праве собственности, организует доставку товаров до покупателя, от имени продавца рекламирует их и т.д.²

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.03.2021 по делу № А40-296316/2019 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6f477949-b4b7-4da3-b918-c8afa2862fac> (дата обращения: 03.01.2025).

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.06.2022 по делу № А41-85375/2020 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d164f2ba-5676-4bcb-ab70-fc54b670145d> (дата обращения: 03.01.2025).

На основании изложенного мы можем прийти к выводу о том, что правовой статус маркетплейсов не является столь однозначным. Требуется закрепление на законодательном уровне четких критериев, при которых они будут нести солидарную с продавцом ответственность за нарушение исключительных прав. Иными словами, необходимо определить, какие именно форматы участия онлайн-платформ в размещении контента и его модерации должны рассматриваться как выход за пределы статуса информационного посредника.

Левин Герман,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия г. Москва

s0144233@msal.edu.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ИДЕНТИФИКАЦИИ И ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСРЕДНИКА

Аннотация: в статье рассматривается проблематика защиты интеллектуальных прав в сети Интернет, связанная с их нарушением на ресурсах информационных посредников. Автором проводится рассмотрение неоднозначности сложившейся судебной практики, указывающей на отсутствие устоявшегося однозначного толкования существующих норм. В рамках исследования приводятся возможные пути решения указанной проблемы, актуальные для сложившейся правовой реальности.

Ключевые слова: информационный посредник, маркетплейсы, Интернет, интеллектуальная собственность, исключительные права, нарушение, ответственность, авторское право, контрафакт.

Нынешний уровень развития технологий позволил существенно увеличить информационные потоки и упростить взаимодействие между людьми и юридическими лицами. Подобное взаимодействие происходит в том числе и через информационно-коммуникационную сеть Интернет. Однако новая цифровая среда создает не только новые возможности, но и новые риски. Одним из таких рисков стало нарушение интеллектуальных прав. Обозначенная проблема существует уже довольно долгое время и государство уже успело предпринять определенные шаги, направленные на защиту интеллектуальных прав в цифровой среде.

Поскольку взаимодействие в сети Интернет осуществляется в основном через информационные ресурсы, находящиеся под управлением конкретных лиц, был предпринят вполне логичный шаг, по распределению ответственности за правонарушения на них. Агрегаторы подобных ресурсов были введены в правовую среду путем наделения их статуса информационных посредников. Для дальнейшего изучения стоит рассмотреть понятие «информационного посредника», сформированное в статье 1253.1 ГК РФ¹. Согласно ему, информационный посредник, это лицо, которое:

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Российская газета. 2006. № 289.

1. осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет,
2. лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети,
3. лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети, — информационный посредник.

И вот тут уже начинается закрадываться неопределенность. Кроме того, что перечислены только три приблизительных критерия отнесения субъекта к информационным посредникам, так еще и сами критерии не конкретизированы. Термин «материал», в отношении которого посредник осуществляет действия многозначителен и вполне закономерно может быть по-разному трактован как судом, так и остальными субъектами правоотношений, причем подобная проблема была освещена на заседании одной из групп Научно-консультативного совета при СИП¹.

В выпущенном позже постановлении Пленума указано, что вопрос об отнесении субъекта к информационным посредникам разрешается индивидуально, причем бремя доказывания лежит на самом субъекте². В случае же, если администратор сайта не докажет подобный статус, то будет презюмироваться, что он сам непосредственно использует РИД и средства индивидуализации. Разрешение же вопроса об отношении администратора сайта к информационному посреднику важно, поскольку лицо, обладающее статусом информационного посредника, не привлекается в ответственности за нарушение интеллектуальных прав при соблюдении определенных условий, поименованных в статье 1253.1.

Но и тут возникают закономерные вопросы. К примеру, файлообменники и торрент-трекеры будут подпадать и под условия отнесения к информационным посредникам, ведь они не будут предоставлять информацию, а будут лишь давать возможность размещения материала или информации необходимой для его получения. Тем не менее подобная передача общепризнанно считается незаконной и подобные файлообменники неоднократно блокировались на территории как РФ, так и за рубежом. Законодатель постарался дальше в статье уточнить и этот момент, установив, что даже к не подлежащим ответственности информационным посредникам можно обращать требования, связанные со статьями 1250, 1251, 1252 ГК РФ, в частности о принятии мер, устраняющих нарушение интеллектуальных прав, хотя опять же, не разъяснено какие меры могут считаться достаточными.

Разрешение указанных противоречий и пробелов, на наш взгляд, требует принятия отдельного единого Федерального закона, где будут четко урегулированы понятийный аппарат, правовые статусы субъектов и объектов правоотношений, а также очерчены возможные взаимодействия. Текущая система, состоящая из отдельных норм в ГК РФ, Федеральном законе «Об ин-

¹ Протокол № 10 заседания рабочей группы научно-консультативного совета при СИП от 22.04.2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.01.2025).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.01.2025).

формации», а также огромного количества ненормативных пояснений, в том числе письма ФНС, методическими рекомендациями ФАС¹, постановлений Пленума ВС РФ, иных судебных актов, к примеру решения АСГМ от 18.11.2013 по делу А40-54370/12, где приводятся примеры информационных посредников по всем трем типам, указанным в ГК, является слишком громоздкой и допускает неоднозначные толкования указанным норм.

В заключение хочется сказать, что существующая система правового регулирования в целом справляется с поставленными задачами и формируется соответствующая судебная практика. Однако регулирование отрасли не всегда должно быть догоняющим и стоит выпускать своевременные НПА, нацеленные на регулирования активно растущих сфер, каковой сейчас является сфера информационных посредников.

Лотарева Дарья,

студент,

НИУ ВШЭ,

Россия, г. Москва

Dvlotareva_1@edu.hse.ru

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ СМЕЖНЫХ ПРАВ НА МУЗЫКУ В ЦИФРОВЫХ МЕДИА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И ПЛАТФОРМ

Аннотация: *в связи с развитием социальных сетей и популяризацией коротких видеороликов возникает вопрос о правовом регулировании главной части такого контента. Медиапродукт, созданный пользователями, часто используется на платформах без должного учета смежных прав, что приводит к нарушениям авторских и исполнительских прав. В статье рассматриваются правовая проблема, связанная с защитой смежных прав в пользовательском контенте в социальных сетях и видеоплатформах, а также возможные механизмы регулирования и обеспечения справедливого возмещения для правообладателей.*

Ключевые слова: *социальные сети, медиа, контент, правообладатели, смежные права, авторское право, платформы.*

Введение

Социальные сети стремительно развиваются, и создатели платформ придумывают новые форматы для привлечения пользователей. В последние годы популярность набирают короткие ролики (например, VK-клипы, Reels), многие из которых набирают миллионы просмотров и приносят пользователям прибыль. Часто такой контент создается с использованием музыки, которая загружена на платформу, а также пользователи могут загружать музыку самостоятельно. Однако это часто происходит без лицензии правообладателей произведений — музыкантов или музыкальных лейблов. Возникает вопрос: кто должен нести ответственность — создатели платформ или сами пользователи за использование произведений без лицензии?

¹ ФАС России выпустила методичку по борьбе с продажей контрафакта на маркетплейсах // СПС «Гарант» (дата обращения: 16.01.2025).

Проблематика и вызовы правового регулирования

В странах с жестким законодательством в сфере авторских прав, таких как США и ЕС, платформы обязаны фильтровать контент с помощью систем защиты прав. К тому же страны активно соблюдают Бернскую конвенцию об авторском праве¹. Зарубежные платформы покупают права на музыку и фильтруют видео, если в них используется музыка без лицензионных прав. Так, в ЕС принята Директива 2019/790², которая заставляет платформы не только удалять нелегальные копии, но и предпринимать шаги для предотвращения их размещения. Как можно заметить, законодательство в сфере авторских прав в других странах строже, чем в России, это затрудняет борьбу с нарушениями в нашей стране. В качестве иллюстрации регулирования можно привести пример: платформа YouTube создала инструмент Content ID, который помогает отслеживать контент, нарушающий авторские права. Система работает следующим образом: если пользователь загружает видео, где используется аудио-произведение из каталога Universal Music, то оно автоматически удаляется или аудио заменяется на лицензионное, что позволяет правообладателю получать доход с таких видео.

В России ситуация с регулированием платформенных аудиопроизведений иная. Речь пойдет о социальной сети «ВКонтакте». По данным Mediascope она является первой по популярности у категории 25–34 и 35–44³. Также можно отметить, что месячная аудитория сервиса превышает 60 млн человек, что подтверждает ее популярность среди пользователей⁴. Главная проблема с музыкальными произведениями, находящимися в социальной сети, заключается в том, что пользователи могут самостоятельно загружать их в приложение не имея лицензии на произведения. Музыкальные произведения являются объектами исключительных смежных прав. Также к ним относят фонограммы, то есть звуковые записи исполнений или иных звуков либо их отображений⁵. К социальным сетям часто обращаются правообладатели контента через суды для защиты своих прав. Например, в 2015 г. компании Universal Music и Warner Music подали иск против «ВКонтакте» за нарушение авторских прав на музыкальные произведения. Суд отказал в удовлетворении иска в части компенсации, однако обязал компанию удалить контент, на который не заключена лицензия, и использовать систему удаления пиратских файлов. В итоге было определено, что «ВКонтакте» является информа-

¹ Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works // URL: <https://www.wipo.int/export/sites/www/treaties/en/docs/pdf/berne.pdf> (дата обращения: 06.01.2025).

² Директива (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17.04.2019 об авторском праве и смежных правах в рамках единого цифрового рынка, дополняющая Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС, Европейский Союз (ЕС).

³ Человек в смартфоне // Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/a88/93gub0npuaudd6zkn9gc5g2zijv1t2pb/Человек%20в%20смартфоне_Mediascope.pdf (дата обращения: 06.01.2025).

⁴ Сервис коротких видео «VK Клипы» впервые обошел TikTok по охвату аудитории // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2024/08/09/1054791-servis-korotkih> (дата обращения: 28.12.2024).

⁵ Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.12.2024).

ционным посредником и вне обязательств за отправляемые пользователями медиафайлы и иной контент. В связи с этим образуется дуалистическая ситуация¹. С одной стороны, «ВКонтакте» является информационным посредником и не несет ответственности за загруженные файлы, а значит, не может являться пиратским распространителем. С другой стороны, с учетом количества пользователей, которое достигает около 110 млн человек. Отслеживать действия каждого из них, и файлы, которые они загружают, невозможно². В России существует антипиратский меморандум, который дает возможность удалять ссылки на страницы с незаконными копиями своих произведений из поисковых систем без обращения в суд³. Такие ссылки передаются в Роскомнадзор. Согласно 1253.1 статье⁴ Гражданского кодекса РФ информационный посредник не несет ответственность за нарушение смежных прав при соблюдении нескольких условий, однако одно из них точно не будет соблюдаться: «оно не знало и не должно было знать о том, что использование соответствующих результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицом, инициировавшим передачу материала, содержащего соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, является неправомерным». Довольно сложно доказать, что платформа не замечает и не знает о нарушении авторских прав пользователями.

Проблема, обозначенная в статье, остается актуальной и требует вмешательства государства. В законе необходимо четко урегулировать, будет ли нести ответственность информационный посредник за распространение на его площадках контента без лицензии. Для эффективного отслеживания нелегального контента платформы должны не только удалять контент, нарушающий авторские права, но и усиливать системы фильтрации, чтобы предотвращать загрузку нелегальных материалов. Государственные органы должны разработать более строгие меры, направленные на улучшение сотрудничества между платформами и правообладателями. Одним из вариантов является создание рабочей группы, которая бы разработала эффективные решения для защиты интересов всех сторон и улучшила взаимодействие между пользователями, платформами и правообладателями. Подводя итог, блогеры, платформы, правообладатели и государство должны найти компромисс в своих отношениях, а государство должно изменить законодательство для защиты интересов всех сторон. Один из вариантов такого взаимодействия: создание рабочей группы, которая разработала решение данной проблемы и создало бы среду, в которой контент блогеров, контент правообладателей в равной степени охранялся законом.

¹ Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав.

² Суд объяснил, почему «ВКонтакте» — не пират // URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2015/10/08/611969-v-kontakte-ne-pirat?from=copy_text (дата обращения: 28.12.2024).

³ Правообладатели и интернет-компании подписали обновленную версию «антипиратского меморандума» // URL: <https://www.interfax.ru/russia/820704> (дата обращения: 04.01.2025).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.12.2024).

Мазаник Полина,
студент,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Россия, г. Москва
s2036976@edu.msal.ru

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОНТЕНТ В РЕКЛАМЕ: ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ПЛАГИАТОМ И ВДОХНОВЕНИЕМ

Аннотация: статья рассматривает проблему различия между художественным вдохновением и плагиатом в музыкальной индустрии. Автор анализирует, каким образом музыканты могут черпать идеи для создания новых композиций, используя существующие музыкальные произведения, и какие юридические последствия могут возникнуть при нарушении авторских прав. Особое внимание уделяется судебным делам, которые возникают в связи с обвинениями в плагиате. В статье также подчеркивается важность соблюдения границ между законным заимствованием и незаконным копированием, а также обсуждается влияние современных технологий на развитие музыкальных трендов и возможность возникновения непреднамеренного плагиата.

Ключевые слова: музыка, вдохновение, заимствование, плагиат, копирование, закона об интеллектуальных правах, авторские права, комбинация аккордов, музыкальный контекст, оригинальность.

Музыка является одним из ключевых инструментов, который помогает в продвижении товаров и услуг путем воздействуя на аудиторию. Именно поэтому многие продавцы, имея свой бренд, лейбл или узнаваемое название, стремятся использовать популярные мелодии или создавать оригинальные композиции, вдохновившись песней, которая у всех на устах. Возникает интересный вопрос, чем художественное вдохновение отличается от плагиата в музыкальном контексте. Этот вопрос становится всё более актуальным в связи со стремительным развитием технологий и распространением информации в сети Интернет.

Обратившись к словарям Ожегова, Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, под плагиатом понимается «выдача чужого произведения (идей, слов и т.д.) за свое собственное»¹. В широком смысле он связан с «воровством любых результатов любой интеллектуальной деятельности»². Из этого следует, что плагиатом будет нарушение авторских прав, которое влечет за собой незаконное заимствование элементов чужой музыки: мелодии, ритма, текста при условии отсутствия на это разрешения автора. Интересно упомянуть тот факт, что большинство судебных исков, касающиеся популярной музыки, были вызваны заявлениями о копировании творческой работы и выдаче ее как оригинала. В книге Луиса Найзера «Моя жизнь в суде» можно познакомиться с описанием успешного судебного процесса, возникшего в связи с нарушением песни, которая была защищена авторским правом, так называемое дело «рома и кока-колы» (Wagon v. Лео Файст).

Почему люди, связанные с музыкальной индустрией, прибегают к копированию чужого труда? Такое массовое распространение плагиата возникает

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 797.

² Левин В. И. Проблема плагиата в научно-образовательной сфере и общественной жизни России // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2014. № 6. С. 111–114.

из-за ограниченности ресурсов. Вы очень заблуждаетесь, если считаете, что существует бесконечное количество возможных комбинаций аккордов и нот, используемых при написании песен. Представим ситуацию, когда к творческому лицу — музыканту приходит вдохновение после прослушивания мюзикла или треков, которые находятся в топ чарте. И он решает сотворить что-то новое в своем репертуаре, но тут важно нащупать ту самую границу между легальным заимствованием и плагиатом, который может повлечь за собой ответственность.

Рассмотрим две композиции, которые в свое время вызвали огромные споры между авторами. Произведение под названием «My Sweet Lord», выпущенное в 1970 г. Джорджем Хариссоном, бывшим участником группы «Битлз» и хит 1962 г. «He's so Fine» группы The Chiffons. Прослушав данные произведения, даже мне, человеку без музыкального образования, показалось их сходство поразительным. Как уже говорилось ранее, многие дела о плагиате в музыке разрешаются в судебном порядке путем длительных процедур, где определяется случайность или преднамеренность плагиата. Данное дело разрешилось взысканием штрафа в размере около 600 000 долл. и покупкой прав на композицию «He's so Fine».

Предлагаю вернуться к обсуждению отличий между вдохновением и копированием и подробнее остановиться на первом, так как оно самопроизвольно может произойти по причине сходства комбинаций аккордов, используемых в популярных песнях. Главное, что стоит выделить при сравнении этих двух понятий — это законность объяснения музыкального сходства при заимствовании. Как уже говорилось ранее, зачастую артисты ищут вдохновение у своих коллег, так как творческому человеку сложно творить в абсолютной пустоте, иначе говоря, в вакууме. И здесь можно обратиться к альбому Adele «21», который она воплотила в жизнь, вдохновившись звучанием треков лейбла Motown Records, особенно такими артистами, как Дайана Росс и Смоки Робинсон. Но стоит отметить, что даже при условии, что альбом включает элементы классического соул-звучания, он остается современным и уникальным благодаря мощному голосу Adele и ее личной интерпретации.

Сравнив заимствование и плагиат, я пришла к определенным заключениям, как избежать обвинения в незаконном копировании музыкального контента. На мой взгляд, артистам следует более тщательно перерабатывать существующие музыкальные элементы, использовать оригинальные идеи, при необходимости заимствования фрагмента чужой композиции, обязательно получать лицензию у правообладателя и, конечно же, упоминать в своих материалах авторов, если вы воспользовались его творческими трудами.

Таким образом, выделим главные критерии различия между этими двумя понятиями. Для начала скажем об индивидуальности и новизне, которые сохраняются при художественном вдохновении, тогда как плагиат предполагает полное или частичное копирование чужого творчества. Во-вторых, вдохновленные работы зачастую сопровождаются признанием источников влияния, в то время как плагиаторы скрывают источник происхождения. В-третьих, заимствование не нарушает авторских прав, а плагиат напротив является нарушением закона об интеллектуальных правах. Важно помнить, что креативность и уважение к труду других авторов являются ключевыми аспектами успешного создания музыкального контента в сети Интернет.

Махмудова Аиша,
студент,
МГУ имени М.В.Ломоносова
Россия, г. Москва
aisha.makhmudova.01@mail.ru

ПУБЛИЧНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ И ОТКРЫТАЯ ЛИЦЕНЗИЯ КАК СПОСОБЫ РАСПОРЯЖЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация: технологические особенности сети Интернет диктуют необходимость выработки эффективных правовых инструментов распоряжения исключительными правами на размещенные в ней объекты интеллектуальной собственности. Таким инструментом выступили известные из зарубежного законопорядка свободные лицензии, при имплементации которых в российское законодательство возникли институты публичной лицензии и открытой лицензии.

Ключевые слова: публичная лицензия, самоограничение права, открытая лицензия, лицензионный договор.

В соответствии с положениями ст. 1229 Гражданского кодекса РФ правообладатель может распоряжаться принадлежащим ему исключительным правом. С технологическим развитием и появлением информационно-телекоммуникационных сетей, стало востребованным распоряжение исключительными правами в сети Интернет, которое поставило перед правом ряд вопросов.

За счет экстерриториальности, высокой скорости передачи информации, а также цифровой формы выражения размещаемых в Интернете объектов¹, становится технически возможным предоставлять неограниченному кругу лиц доступ к определенному объекту интеллектуальной собственности. Оформление данных отношений с помощью заключения «традиционного» договора является затруднительным, что требует выработки более эффективного инструмента распоряжения исключительным правом, позволяющим правообладателю одним волеизъявлением предоставить неопределенному кругу лиц право использовать принадлежащий ему объект интеллектуальной собственности. Таким инструментом выступили свободные лицензии.

В настоящее время свободные лицензии широко применяются в российской юрисдикции, в частности официальные сайты органов государственной власти предоставляют свои материалы на условиях данных лицензий. Вместе с тем полноценное использование свободных лицензий было бы невозможным без реформирования гражданского законодательства, по итогам которого было предусмотрено два механизма имплементации свободных лицензий в российское право², закрепленных п. 5 ст. 1233 ГК РФ и ст. 1286.1 ГК РФ, которые явились результатом двух противоположных точек зрения относительно природы рассматриваемых отношений, а

¹ Павлова Е. А. Актуальные проблемы совершенствования части четвертой ГК РФ // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 4.

² Матвеев А. Г. Создание правовых основ так называемых свободных лицензий в Гражданском кодексе Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». 2014. Вып. № 3 (25). С. 128.

именно вопроса о допустимости договорной квалификации свободных лицензий.

Первый механизм, предусмотренный пунктом 5 ст. 1233 ГК РФ, представляет собой публичное заявление правообладателя о предоставлении любым лицам возможности безвозмездно использовать объекты авторских и смежных прав на определенных им условиях и в течение указанного им срока. Данный институт, известный также как «публичная лицензия»¹, по своей правовой природе является односторонней сделкой по самоограничению права, заключаемой в особом порядке: путем размещения соответствующего заявления на официальном сайте Роспатента в сети Интернет. Несмотря на то что данный институт является воплощением позиции противников договорной квалификации рассматриваемых отношений, тем не менее п. 5 ст. 1233 ГК РФ воспроизводит диспозитивные нормы, регулирующие лицензионные договоры, а именно нормы о том, что при отсутствии соответствующего указания правообладателя срок действия самоограничения составляет пять лет и ограничивается территорией Российской Федерации².

Вторым же механизмом является открытая лицензия (ст. 1286.1 ГК РФ — применительно к объектам авторских прав, п. 2 ст. 1308 ГК РФ — применительно к объектам смежных прав), которая представляет собой договор неисключительной лицензии, заключаемый в упрощенном порядке. По своей форме данный институт в большей степени соответствует природе свободных лицензий, в отличие от ранее упомянутого механизма п. 5 ст. 1233 ГК РФ, и является более удобным как для правообладателей, так и для пользователей, которые будут проинформированы об условиях использования соответствующего объекта без необходимости предпринимать собственные активные действия. Представляется, что именно осложненность процедуры реализации публичной лицензии препятствует широкому применению института самоограничения права, который уступает открытой лицензии в востребованности.

Таким образом, российским правом было выработано два института, функционально соответствующих известным зарубежному правопорядку свободным лицензиям: институт открытой лицензии и институт самоограничения права (публичной лицензии). Последний не заменяет свободные лицензии, но выступает дополнительным к свободным лицензиям механизмом, позволяющим достичь тех же целей — возможность правообладателя предоставить неопределенному кругу лиц право использовать объект интеллектуальной собственности в определенных им пределах, при обеспечении интересов правообладателя и пользователей³.

¹ Рузакова О. А. Договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами : учебно-практическое пособие для магистров. М., 2021. С. 70.

² Савельев А. И. Комментарии на предлагаемую в проект изменений в часть 4 ГК РФ концепцию регулирования отношений, возникающих в связи со свободным использованием и распространением объектов авторских прав // URL: https://m-logos.ru/mlogos_publication/kruglyi_stol_rshchp_po teme_svobodnye_licenzii_ili_samoogranichenie_prava_19_maya_2011_g/ (дата обращения: 18.12.2024).

³ Калятин В. О. Возможны ли свободные лицензии в российском праве? // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2011. № 12. С. 21.

Медведев Андрей,
студент,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Россия, г. Москва
ASMedwedew04@gmail.com

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА АВТОРСКОГО ПРАВА НА ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Аннотация: в докладе раскрыта главная причина нарушения авторского права на фотографии в Интернете. Приведено предложение по ее устранению. Установлен предмет доказывания, а также перечень доказательств по данной категории дел.

Ключевые слова: фотографическое произведение, Интернет, нарушение авторского права, доказательства.

Многие люди ошибочно полагают, что если фотография опубликована в Интернете и на ней не указан автор, то это значит, что она «находится в свободном доступе с возможностью копирования без согласия правообладателя и без выплаты вознаграждения»¹. В результате по делам, связанным с нарушением авторского права на фотографические произведения, сложилась обширная судебная практика.

Производство часто возбуждалось по иску ООО «Восьмая заповедь» (далее — Общество). За последние 2 года (2023–24 гг.) вынесено 1 118 решений арбитражных судов первой инстанции по делам с его участием². Суммарная цена исков — сотни миллионов рублей³. При этом судами удовлетворяется более 96 % исков⁴.

В. И. Еременко считает Общество порождением «несовершенства российского законодательства», говорит об использовании авторами, которые никак не обозначают свое авторство на фотографии и размещают ее в Интернете, «фотоловушек», расставляемых с целью «обогащения»⁵.

Ученый предлагает обязать авторов фотографий указывать на них свое имя, как этого требовал ГК РСФСР 1964 г. В случае несоблюдения этого требования авторских прав на фотографию не возникнет, следовательно, не будет возможности защититься от ее незаконного использования. Это обоснованное предложение, которое поможет снизить количество нарушений.

Многие люди знают, что авторское право на фотографию возникает с момента ее создания, но просто не хотят платить автору. Для судебной защиты от таких лиц нужно собрать доказательную базу, которая будет реально учитываться

¹ Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2024).

² Банк решений арбитражных судов // URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.12.2024).

³ Контур.Фокус // URL: <https://focus.kontur.ru/kad?query=1163443072484&type=Petitioner> (дата обращения: 30.12.2024).

⁴ Восьмая заповедь // URL: <https://vosmaya-zapoved.ru/> (дата обращения: 02.01.2025).

⁵ Еременко В. И. Особенности защиты исключительного права на фотографическое произведение в сети Интернет // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 5. С. 40.

судом. В этом поможет изучение практики с участием Общества, обобщенной в этом докладе.

Для обоснования своих требований Общество доказывает, что:

а) лицо, интересы которого оно представляет, является автором (в совокупности об этом могут свидетельствовать:

— водяные знаки либо иное указание автора на самой фотографии;

— метаданные файла, если в них указан автор фотографии (отображение автора можно включить в настройках камеры — в этом случае при создании новой фотографии сведения о ее авторе будут доступны в свойствах файла по умолчанию).

— наличие фотографии в формате RAW — «сырого», необработанного файла, непригодного для печати (в судебной практике предоставление фотографии в этом формате неоднократно называлось «бесспорным доказательством авторства»)¹

— наличие фотографии в высоком разрешении (если нет фотографии в формате RAW, это альтернатива для подтверждения авторства²).

б) автор передал Обществу право представлять его интересы (для этого заключается либо договор доверительного управления исключительными правами, либо договор на оказание юридических услуг, подкрепленный доверенностью)

в) ответчик нарушил авторские права (подтверждается нотариальным протоколом осмотра интернет-страницы)

г) сайт или аккаунт в социальных сетях, где неправомерно размещены авторские фотографии, принадлежит ответчику (это подтверждается скриншотом страницы сайта или группы в социальных сетях, на которой указаны сведения о его владельце)

д) требуемый размер компенсации обоснован (Общество ссылается на наличие в деле обстоятельств, способных его увеличить³. Например, рекламирование туристической фирмой своих услуг путем использования чужих фотографий является «существенной частью хозяйственной деятельности». Суд счел это «отягчающим фактором», что отразилось на итоговом размере компенсации⁴).

Таким образом, на примере судебной практики с участием ООО «ВОСЬМАЯ ЗАПОВЕДЬ» было установлено, каким образом автор опубликованной в Интернете фотографии может защитить свои нарушенные права в суде: определен предмет доказывания и перечень доказательств, которые учи-

¹ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2022 № 07АП-6065/2021(2) по делу № А45-8252/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).

² Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.09.2024 № 18АП-9121/2024 по делу № А07-32989/2023 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/17602627-9879-48de-9e47-0f12bbf4f0d3/aaaeda19-1ee0-4e09-8e30-02fdf2da41d3/A07-32989-2023_20240913_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 03.01.2025).

³ П. 62 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ Решение Арбитражного суда Вологодской области от 18.12.2024 по делу № А13-11884/2024 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6460d511-dff2-494b-934b-74fb805b4e7f/50cdadd9-232b-466c-9865-73edeb4f15b4/A13-11884-2024_20241218_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 04.01.2025).

тываются судами при принятии решения. Широкий взгляд на деятельность Общества позволил прийти к выводу, что его успешность во многом является следствием проблем в действующем законодательстве об авторском праве.

Милуцкая Анастасия,
аспирант,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

Milutskaya@gmail.com

НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ БЕЗДЕЙСТВИЕ ВЛАДЕЛЬЦЕВ САЙТОВ-СКЛАДЧИН

Аннотация: в статье освещена проблема сайтов-складчин. Автор дает краткую характеристику сайтов-складчин, приводит статистические данные, свидетельствующие о росте количества нарушений авторских прав в сети «Интернет». Предложен способ, позволяющий снизить количество нарушений авторских прав в сети «Интернет».

Ключевые слова: сайт-складчина, информационный посредник, недобросовестное поведение, судебная практика.

Внесение денег или продуктов несколькими участниками для совместного пользования, на общее дело — не новое явление. Однако в современной действительности под складчинами часто понимаются многостраничные сайты, нарушающие авторские права.

Количество нарушений авторских прав в сети «Интернет» увеличивается с каждым годом, о чем свидетельствует статистика Московского городского суда: с 2014 г. Московским городским судом зарегистрировано 3 356 дел категории «175 — О защите авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет». Вместе с тем более 1 000 дел были зарегистрированы в 2024 г.¹ При этом большинство дел такой категории связаны именно с блокировкой складчин.

Сайт-складчина, как правило, является многостраничным сайтом, заведомо созданным с целью перепродажи результатов интеллектуальной деятельности либо сбора денежных средств пользователями для их дальнейшего приобретения. Один такой сайт может нарушать права сотен правообладателей.

Установить конечного распространителя далеко не всегда представляется возможным. В таком случае закон предоставляет лицу, право которого нарушено, предъявить иск к хостинг-провайдеру, при этом хостинг-провайдер является информационным посредником и не несет ответственность при условии, что он не является инициатором этой передачи, не изменяет указанный материал, не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующих результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицом, инициировавшим передачу материала, содер-

¹ Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 03.01.2025).

жащего соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, является неправомерным (п. 2 ст. 1253 ГК РФ). Такая мера является справедливой по отношению к хостинг-провайдеру, поскольку, как отмечает Е. А. Войниканис, провайдеры передачи данных, по аналогии с перевозчиками или почтальонами, лишь передают информацию, исходящую от третьих лиц¹.

Между тем в таком случае по обращению правообладателя будет заблокирована только одна страница многостраничного сайта-складчины. Сам по себе ресурс продолжит свое существование, создавая условия, нарушающие права сотен других правообладателей, каждый из которых должен самостоятельно обратиться в суд для того, чтобы было прекращено создание технических условий, обеспечивающих размещение, распространение объекта авторских прав. Более того, на этом же многостраничном сайте пользователями может быть создан новый сбор с перепродажей того же результата интеллектуальной деятельности.

Здесь стоит обратить внимание на фигуру владельца сайта-складчины. Владелец такого многостраничного сайта не является распространителем (напомним, что распространителями являются пользователи сайта), не организывает сбор денежных средств, не приобретает и не перепродает материалы. Тем не менее представляется крайне сомнительным, что лицо, являясь владельцем такого сайта, не знает и не осознает, что такой ресурс нарушает авторские права. Само по себе существование такого ресурса уже является недобросовестным поведением владельца сайта, выраженным в форме бездействия: «не распространяю сам, но предоставляю возможность другим, несмотря на то, что знаю, что так нельзя».

Е. Е. Богданова дифференцирует недобросовестное поведение на извинительную недобросовестность и неизвинительную недобросовестность². Извинительная недобросовестность не представляет для общества особой злостности³, неизвинительная недобросовестность характерна для злоупотребления.

Полагаем, что действия владельцев сайтов-складчин являются неизвинительной недобросовестностью, а потому при наличии у многостраничного сайта признаков сайта-складчины должен существовать механизм блокировки всего многостраничного сайта, а не его отдельной страницы. Это будет справедливой мерой по отношению к владельцу сайта-складчины, учитывая, что такой сайт создавался заведомо в целях нарушения авторских прав.

Такая мера, во-первых, значительно сократит число нарушений авторских прав, во-вторых, предотвратит большее количество возможных нарушений, в-третьих, сократит количество судебных дел по данной категории, что также является важным в условиях высокой нагрузки на суды и необходимости процессуальной экономии.

¹ Войниканис Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М. : Юриспруденция, 2013. С. 17.

² Богданова Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2010. С. 12.

³ Богданова Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав. С. 158.

Михалченков Константин,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

mihkosta2006@gmail.com

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПИРАТСТВУ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ПОЗИЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

Аннотация: статья посвящена проблеме пиратства в цифровой среде. Рассматриваются нормы, защищающие авторские права и меры ответственности за их нарушение.

Ключевые слова: пиратство, интеллектуальные права, ГК, УК, КоАП.

В мире творчества авторы нередко сталкиваются с угрозой недобросовестного использования результатов своих работ, что становится всё более актуальной проблемой в условиях стремительно развивающегося процесса цифровизации общества.

Тех, кто присваивает результаты чужого интеллектуального труда без согласия правообладателя, в обществе принято называть «пиратами». Хотя этот термин не закреплён в законодательстве, он прочно вошёл в обиход и используется как определение круга лиц, незаконного использующих результаты интеллектуальной собственности, исчерпывающий перечень которых приведён в ст. 1225 ГК РФ.

Под «пиратством» же следует понимать незаконный сбыт копий результатов интеллектуальной деятельности с целью извлечения выгоды. Термин также используется в более широком смысле, охватывая любые случаи нарушения авторских прав.

Важно не отождествлять два сходных друг с другом понятия — понятие плагиат и понятие «пиратство», так как плагиат нацелен на незаконное распоряжение материалом, составляющим чью-то интеллектуальную собственность, а «пиратство» ставит задачей извлечение выгоды посредством сбыта копий чужих результатов интеллектуального труда в одном случае и минимизации финансовых затрат путем приобретения «пиратской» продукции в другом.

Защита интеллектуальных прав в России осуществляется на государственном уровне и регулируется целым рядом нормативных актов, включая ГК, КоАП и УК, в зависимости от степени причиненного ущерба.

Гражданская ответственность за нарушение интеллектуальных прав наступает в соответствии с положениями четвертой части ГК РФ, которая посвящена вопросам интеллектуальной собственности.

В пункте 1 ст. 1229 ГК РФ содержится понятие «правообладатель», под которым понимается «гражданин или юридическое лицо, обладающие исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации»¹. Там же указано, что правообладатель может разрешать или запрещать использование результатов своей интеллектуальной деятельности, однако отсутствие запрета не считается согласием на таковое.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Российская газета. 22.12.2006. № 289.

Таким образом, скачивание условного фильма с сайта, не имеющего прав на распространение данного контента, нарушает исключительное право автора или правообладателя, установленные в пункте 2 ст. 1270 ГК РФ.

В статье 1252 ГК РФ отмечается, что защита исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности осуществляется путем предъявления требований о признании права; о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; о возмещении убытков; об изъятии материального носителя; о публикации решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя.

В случае если виновником неоднократного или грубого нарушения исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности предстает юридическое лицо, то в соответствии с положениями ст. 1253 ГК суд по требованию прокурора может принять решение о ликвидации такой организации при условии установления вины; если аналогичные нарушения совершены индивидуальным предпринимателем, суд вправе прекратить его деятельность при наличии доказанной вины.

Однако если было нарушено исключительное право на произведение, правообладатель способен требовать от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации. Размеры компенсаций установлены статьей 1301 ГК РФ и составляют от 10 000 до 5 000 000 руб., либо двукратный размер контрафактных экземпляров произведения, либо двукратный размер права использования произведений.

Таким образом, основное отличие заключается в том, что статья 1252 ГК РФ касается защиты исключительного права в целом, а статья 1301 ГК РФ — ответственности за нарушение исключительного права на произведение.

Административная ответственность за нарушение авторских прав предусмотрена статьей 7.12 КоАП РФ¹. В ней обозначены меры ответственности за незаконное использование экземпляров произведений или фонограмм с целью получения дохода. В случае если такие экземпляры являются контрафактными или содержат недостоверные сведения об изготовителях, месте производства, а также о правообладателях авторских и смежных прав, на граждан-правонарушителей налагаются штрафы в размерах от 1 500 до 2 000 руб., на должностных лиц — от 10 000 до 20 000 руб., на юридических лиц — от 30 000 до 40 000 руб. Помимо штрафа, правонарушитель претерпит процедуру конфискации контрафактных материалов, а также оборудования для их воспроизведения.

Пункт 2 ст. 14.33 предусматривает ответственность за недобросовестную конкуренцию, выразившуюся во введении в оборот товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности юридического лица, выражающуюся в наложении административного штрафа на должностных лиц в размере двадцати тысяч рублей либо дисквалификацию таковых на срок до трех лет; на юридических лиц — от одной сотой до пятнадцати сотых размера суммы выручки правонарушителя от реализации товара, на рынке которого совершено правонарушение, но не менее ста тысяч рублей.

Уголовная ответственность за плагиат, незаконное использование авторских прав, а также за приобретение, хранение или перевозку контрафакта с

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.

целью сбыта наступит по ст. 146 УК РФ¹. Наказание будет включать штраф до 200 000 руб., исправительные или обязательные работы. Максимальное наказание за плагиат — до полугода ареста, за незаконное использование и контрафакт — до двух лет колонии. Под УК подпадают только случаи, причинившие крупный ущерб автору или правообладателю. Крупный ущерб определяется судом на основе обстоятельств дела, включая реальный ущерб, упущенную выгоду и доходы нарушителя².

Палевич Валерий,
студент,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, г. Брянск
valera.palevich@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПРАВОМЕРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИРОТСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о правомерном использовании авторских и смежных прав в отношении сиротских произведений. Обсуждаются особенности защиты и использования таких произведений в цифровую эпоху, где возможность копирования и распространения контента значительно увеличивается. Проводится анализ существующих подходов к защите авторских прав на сиротские произведения и предлагаемых методов, и рекомендаций для более эффективной реализации авторских прав в современном цифровом мире.

Ключевые слова: сиротские произведения, национальная электронная библиотека, интеллектуальная собственность, авторское право, российское авторское сообщество, цифровая эпоха.

Согласно статье 1270 Гражданского кодекса РФ, автору произведения или иному правообладателю принадлежит исключительное право использования своего труда в любой форме, не противоречащей законодательству Российской Федерации³. Автор может запрещать или разрешать использовать результат своей интеллектуальной деятельности другим лицам. Но в случае с сиротскими произведениями правоотношения обстоят несколько другим образом, так как данные произведения не закреплены за определенным автором, иными словами, правообладатель произведения не установлен или не обнаружен. Можно сказать, что, нелегальное использование сиротских произведений порождает большое количество правовых споров, ведь те лица, которые каким-либо образом используют их, должны нести ответственность,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Российская газета. № 95. 05.05.2007.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Российская газета. 22.12.2006. № 289.

предусмотренную законом, в частности описанную в главе 70 Гражданского кодекса РФ, посвященную авторскому праву.

Стоит сказать, что 21 октября 2024 г. вступили в силу поправки к Гражданскому кодексу Российской Федерации, которые впервые урегулировали в российском законодательстве использование сиротских произведений¹. Ранее закон не уточнял определение сиротских произведений и не регулировал взаимодействие с ними — это вносило неясность в работу бизнеса. Например, если предприниматель хотел использовать в рекламе музыку или картинку, правообладателя которой не мог найти, приходилось либо отказываться от использования, либо рисковать. На данный момент можно получить право на использование сиротского произведения через организации по коллективному управлению правами — ОКУП. Самая известная из них в России — Российское авторское общество, или РАО. Но перед обращением в организации по коллективному управлению тот, кто хочет воспользоваться произведением, должен самостоятельно попробовать найти его автора или правообладателя — через открытые источники, библиотеки, архивы и организации по коллективному управлению.

Также стоит отменить свободное использование объектов авторских прав, в том числе и сиротских произведений, библиотеками и архивами. Данные правоотношения регулируются статьей 1275 ГК РФ. В статье отмечается, что свободное использование допускается только при условии того, если библиотека или архив являются общедоступными и доступ к ним неограничен. Помимо этого, указывается, что использование объектов авторских прав будет неправомерно в том случае если, они будут использованы в качестве извлечения прибыли. Это говорит о том, что коммерческие или электронные библиотеки не смогут свободно использовать данную интеллектуальную собственность. Общедоступные библиотеки могут создавать единичные копии, в случае необходимости обеспечения сохранности или замены утраченных экземпляров произведения. Также в пункте 1 статьи 1275 ГК РФ отмечается, что библиотеки вправе предоставлять доступ к электронным копиям произведений только в помещении библиотеки, обеспечивая отсутствие у пользователя возможности создания новой электронной копии. Гражданской кодекс Российской Федерации позволяет публичным библиотекам и архивам оцифровывать произведения. Однако доступ к электронным копиям предоставляется на определенных условиях и не может быть распространен на широкую аудиторию. Это ограничение также распространяется на сиротские произведения, копии которых находятся в библиотеках и архивах. Для решения проблемы оцифровки книг в России была создана Национальная электронная библиотека². Ее цель — сохранить историческое, научное и культурное наследие и обеспечить к нему доступ. В рамках НЭБ хранятся электронные копии печатных экземпляров произведений из библиотек. Пользовательское соглашение НЭБ позволяет использовать произведения только в личных, информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с законодательством РФ³.

¹ Федеральный закон от 22.07.2024 № 190-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).

² Статья о Национальной электронной библиотеке // URL: <https://rusneb.ru/about/> (дата обращения: 02.01.2025).

³ Пользовательское соглашение о предоставлении доступа к Национальной электронной библиотеке // URL: <https://нэб.рф/user-agreement/> (дата обращения: 01.01.2025).

Это означает что использование произведений в Национально электронное библиотеке, не является свободным¹. Стоит сказать, что НЭБ является важным механизмом, для урегулирования прав на использование сиротских произведений, путем поддержки исследования в области сиротских произведений, предоставляя доступ к необходимым данным и ресурсам для ученых и исследователей. Также НЭБ может сотрудничать с библиотеками, архивами и другими организациями для обмена информацией о сиротских произведениях и совместного решения проблем, связанных с их правовой защитой. НЭБ может применять современные технологии, такие как блокчейн, для отслеживания прав на произведения и упрощения процесса их идентификации. Это может помочь в создании прозрачной системы управления правами.

В заключение хочется сказать, что в цифровую эпоху проблема правомерного использования сиротских произведений в Российской Федерации остается актуальной и требует дальнейших усилий по ее решению. Внесения поправок в часть четвертую Гражданского кодекса, внесли вклад в развитие института защиты подобных произведений, но данная область авторских и смежных прав всё же требует более объемного регулирования. Необходимо предпринять меры по защите самих произведений от главной опасности приобретения ими сиротского статуса, решением может послужить упрощение процесса их регистрации. Это может включать автоматизированные системы для проверки авторских прав. Также, учитывая тот факт, что правовое регулирование сиротских произведений появилось лишь 21 октября 2024 г., следует проводить образовательные программы для авторов, издателей и пользователей, таким образом, количество сиротских произведений значительно уменьшится. Это послужит более объемному регулированию прав на сиротские произведения, а также усилит правовую культуру, благодаря которой подобных произведений станет на много меньше. Данное обстоятельство, уменьшит количество судебных споров и разбирательств относительно сиротских произведений и поможет законным авторам иметь право на свободное использование результатов своей интеллектуальной деятельности.

Пасканный Матвей,
студент

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

paskannyy.matvey@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ КОНТЕНТА В ЭПОХУ СТРИМИНГА И ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: в условиях стремительного роста стриминговых сервисов и платформенной экономики лицензирование цифрового контента претерпевает значительные изменения. В статье рассматриваются основные тенденции в эволюции лицензионных моделей, включая переход от традиционных договоров к гибким лицензиям, появление новых типов соглашений для цифровых платформ, а также влияние технологических

¹ Федеральный закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.01.2025).

изменений, таких как искусственный интеллект и блокчейн, на правовые механизмы. Особое внимание уделено проблемам защиты авторских и смежных прав в контексте глобальной доступности контента и растущего числа трансграничных сделок.

Ключевые слова: лицензирование контента, стриминг, платформенная экономика, цифровой контент, интеллектуальная собственность, авторские права, смежные права, блокчейн, искусственный интеллект, трансграничное регулирование.

Развитие цифровых технологий и распространение стриминговых платформ существенно изменили способы лицензирования контента¹. Традиционные подходы уступают место более гибким моделям, способным учитывать трансграничный характер цифрового рынка, разнообразие форматов и динамику потребления. Однако эти изменения порождают новые правовые вызовы, требующие адаптации законодательства и судебной практики.

Традиционно лицензирование контента ограничивалось территориальными рамками, сроками действия и конкретными формами использования (например, телевидение, кинотеатры, носители). Однако цифровизация контента и появление стриминговых платформ потребовали разработки новых подходов, которые учитывают качественно новые особенности. Во-первых, наличие глобального доступа. Контент на стриминговых платформах доступен пользователям из разных стран, что вызывает сложность в регулировании трансграничных правоотношений. Во-вторых, гибкость использования, благодаря которой пользователи ожидают возможности потребления контента в удобное время, на разных устройствах, что стимулирует разработку универсальных лицензионных моделей. Наконец, динамическое ценообразование в виде внедрения новых критериев учета и отчетности, ведь лицензионные соглашения часто базируются на просмотрах, загрузках или популярности контента, что требует внедрения новых критериев учета и отчетности.

Российское законодательство, в частности Гражданский кодекс РФ (часть 4), устанавливает основы правового регулирования авторских и смежных прав. Статья 1235 ГК РФ определяет лицензионный договор как соглашение, предоставляющее право использования произведения в установленных договором пределах. В содержание договора могут быть включены положения о способах использования, территории, сроке действия и порядке выплаты вознаграждения. Что касается понятия использования произведения, закрепленного в статье 1270 ГК РФ, то стоит обратить внимание на установленные возможности публичного исполнения и доведения произведения до всеобщего сведения, что особенно актуально для стриминга. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10/22 разъясняет особенности применения норм части 4 ГК РФ в цифровой среде. В частности, подчеркивается необходимость указания в договоре специфики цифрового использования, включая трансляцию через Интернет.

Международные нормы также играют важнейшую роль в регулировании лицензионных отношений в цифровой среде. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (1886 г.) устанавливает принцип автоматической охраны авторских прав и регулирует права на трансляцию и доведение до всеобщего сведения. Конвенция является осно-

¹ Миннебаева Р. А., Миннебаев Р. А. Анализ рынка стриминговых сервисов // Форум молодых ученых. 2018. № 19. С. 1480–1487.

вополагающим международным документом в сфере авторского права. Она охватывает широкий спектр произведений, включая литературные, музыкальные, художественные и аудиовизуальные. Конвенция вводит несколько ключевых принципов: принцип автоматической охраны, национальный режим охраны и права на публичное исполнение и трансляцию: статья 11bis устанавливает, что авторы имеют исключительное право разрешать или запрещать трансляцию своих произведений, их публичное исполнение через радио, телевидение или другие средства. С появлением Интернета это положение интерпретируется как охватывающее стриминг и доведение произведений до всеобщего сведения. Таким образом, Бернская конвенция сыграла важную роль в развитии правового регулирования стриминга, так как ее положения адаптируются к новым технологиям через последующие международные соглашения. Следующим важным документом является договор ВОИС по авторскому праву (1996 г.), который адаптирует авторское право к цифровой эпохе, вводя концепцию «прав на доведение до всеобщего сведения», согласно которой у авторы наделены исключительным правом контролировать доведение своих произведений до широкой аудитории, включая их размещение в Интернете. Это положение специально учитывает возможности цифровой эпохи, когда произведения становятся доступными глобально через стриминг или загрузку. И последний, но не по значению, международный нормативный правовой акт — европейская директива об авторском праве на цифровом рынке (2019 г.). Директива направлена на адаптацию авторского права к новым технологиям и экономическим реалиям. Например, документ вводит ответственность платформ за контент. В статье 17 Директивы устанавливается, что цифровые платформы, такие как YouTube или Facebook, несут ответственность за использование произведений, размещенных их пользователями. Это означает, что платформы обязаны заключать лицензионные соглашения с правообладателями для легального использования контента. Примером реализации этой директивы является судебное дело компании YouTube против Германии, где немецкий суд обязал платформу внедрить дополнительные меры для предотвращения загрузки нелицензированного контента.

В деле ООО «Кинопоиск» против правообладателей российский суд рассматривал сложный вопрос о правовой природе использования контента в стриминговой модели. Суть дела заключалась в том, что правообладатели обвинили ООО «Кинопоиск» в нарушении лицензионного договора. Ключевым моментом спора стало определение, охватывают ли лицензии, выданные для телетрансляций, право на трансляцию контента через интернет-платформу. Суд пришел к выводу, что стриминг является отдельным способом использования произведения, который требует оформления специального лицензионного соглашения. Это решение подтвердило важность четкого разграничения прав, предоставляемых в различных медиаформатах, и указало на необходимость пересмотра условий лицензионных договоров в эпоху цифровой экономики¹.

¹ Постановление Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-98195/2021-147-702 от 25.08.2021 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c565aacc-55b0-4446-ac7a-f12e77ef3002> (дата обращения: 12.12.2024).

Другое российское дело, связанное с нарушением авторских прав, рассматривалось между Роспатентом и онлайн-платформой, использовавшей музыкальные произведения в качестве фонового сопровождения без согласования с правообладателями. Суд квалифицировал это как нарушение авторских прав, подчеркивая, что использование произведений в стриминговых сервисах требует четко определенных лицензионных условий. Это дело стало прецедентом для отечественной практики, обозначившим необходимость ужесточения требований к оформлению договоров на использование контента в цифровой среде.

В международной практике важным примером является дело Village Roadshow Films против Warner Bros., которое продемонстрировало необходимость адаптации лицензионных соглашений к условиям стримингового рынка. Спор возник из-за того, что Warner Bros. решили выпустить фильм «Матрица: Воскрешение» одновременно в кинотеатрах и на стриминговом сервисе HBO Max. Иск касался вопросов, связанных с нарушением условий соглашения и потенциальным ущербом от одновременного релиза. Суд постановил, что новые форматы потребления требуют обновления лицензионных соглашений и оформления дополнительных прав для совершения подобных действий. Это решение подтвердило, что стриминг, как динамично развивающаяся модель распространения контента, требует гибкости в правовом регулировании¹.

Отсюда мы видим, что как российская, так и зарубежная судебная практика подтверждают необходимость пересмотра традиционных подходов к лицензионным соглашениям. Стриминг, будучи уникальным способом распространения контента, предъявляет новые требования к правоприменению. Судебные решения подчеркивают важность разработки более детализированных договоров, которые охватывают специфические аспекты цифрового распространения произведений, такие как трансграничное использование, офлайн-доступ и мультиплатформенность. Эти изменения требуют как адаптации законодательства, так и развития юридической практики в соответствии с вызовами современной экономики.

Появление новых моделей лицензирования контента, сопровождаемое быстрым развитием цифровых платформ, безусловно, выдвигает значительные вызовы как для национальных, так и для международных правовых систем. Основная сложность заключается в необходимости регулирования процессов, связанных с трансграничным характером распространения контента, внедрением инновационных технологий и сложными механизмами монетизации². В эпоху глобального цифрового рынка правоприменение сталкивается с конфликтами юрисдикций. Контент, доступный в одной стране, может быть заблокирован в другой из-за отсутствия необходимых лицензий или различий в законодательстве. Такой подход создает правовые и административные барьеры для платформ и правообладателей, требуя разработки согласованных и унифицированных норм.

¹ Ben Pearson «The Village Roadshow VS Warner Bros. Case Explained: Or How I Learned To Stop Worrying And Love The Lawsuit» // URL: <https://www.slashfilm.com/765112/the-village-roadshow-vs-warner-bros-case-explained-or-how-i-learned-to-stop-worrying-and-love-the-lawsuit/> (дата обращения: 06.01.2025).

² Бабына Д. А. Развитие стриминговых сервисов в условиях цифровых трансформаций медиасистемы России // Меди@льманах. 2023. № 6 (119). С. 11.

Технологические инновации, в свою очередь, открывают новые перспективы для управления лицензионными соглашениями. Например, блокчейн-технологии позволяют внедрять прозрачные и автоматизированные системы лицензирования, способные регистрировать просмотры и упрощать процесс выплаты вознаграждений. Однако их правовой статус остается неопределенным, что создает трудности для их масштабного внедрения. Кроме того, современные лицензионные соглашения становятся всё более сложными, включая условия монетизации, зависящие от количества просмотров, загрузок или популярности контента. Это требует от платформ внедрения аналитических систем, соответствующих законодательным требованиям и способных обеспечить прозрачность финансовых расчетов.

Для эффективного решения возникающих вызовов требуется применить комплексный подход. В первую очередь, по примеру многих европейских государств, необходимо адаптировать законодательную базу к реалиям цифрового рынка. Включение отдельных положений о стриминге и цифровых платформах в Гражданский кодекс РФ может повысить правовую определенность и упростить урегулирование споров, связанных с использованием контента в Интернете. Введение практики применения блокчейн-технологий в процессах учета просмотров и автоматизации лицензионных выплат позволит обеспечить прозрачность финансовых операций и минимизировать случаи нарушения прав правообладателей. Также требуется поддерживать международное сотрудничество, направленное на разработку унифицированных подходов к трансграничному лицензированию. Участие России в международных инициативах, таких как Бернская конвенция, может способствовать интеграции национального законодательства в глобальную правовую систему.

Эволюция лицензионных моделей в условиях стриминга и платформенной экономики требует пересмотра традиционных подходов к управлению авторскими правами. Развитие технологий и изменение форматов потребления контента создают как новые возможности, так и значительные вызовы для всех участников процесса — правообладателей, цифровых платформ и пользователей. Адаптация нормативной базы, внедрение современных технологий и международное сотрудничество могут стать основой для гармонизации интересов и эффективного регулирования цифрового рынка. Эти меры позволят не только сохранить баланс между защитой авторских прав и доступностью контента, но и способствовать развитию инновационных подходов к управлению интеллектуальной собственностью.

Пенкина Валерия,

студент,

Пензенский государственный университет

Россия, г. Пенза

valeriapenkina0601@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация: статья посвящена анализу проблем, связанных с защитой и нарушением интеллектуальных прав в Интернете. В условиях стремительного развития

цифровых технологий и глобализации информационного пространства вопросы охраны авторских прав, патентов и товарных знаков становятся всё более актуальными. Рассматриваются основные виды нарушений, такие как пиратство, плагиат и незаконное использование интеллектуальной собственности, а также обсуждаются существующие правовые механизмы защиты прав авторов и правообладателей. Особое внимание уделено международным аспектам регулирования и перспективам совершенствования законодательства в этой области.

Ключевые слова: интеллектуальные права, авторские права, патенты, товарные знаки, пиратство, плагиат, защита интеллектуальной собственности, правовые механизмы, международное регулирование, законодательство.

Интернет значительно изменил способы создания, распространения и использования информации, а также усилил взаимодействие между людьми. Однако это также создало новые вызовы для защиты интеллектуальной собственности. В данной статье рассматриваются проблемы защиты авторских прав, патентов и товарных знаков в условиях глобальной сети Интернет¹.

Российский сегмент Интернета регулируется рядом нормативных актов, основным из которых является часть четвертая Гражданского кодекса РФ. Она устанавливает правовые нормы относительно авторских прав, патентного права и прав на средства индивидуализации товаров. К объектам интеллектуальной собственности, согласно статье 1225 ГК РФ, относятся произведения науки, литературы и искусства, программы для ЭВМ, изобретения и товарные знаки².

Защита авторских прав в Интернете осуществляется через исключительное право автора на использование своего произведения, закрепленное в статье 1270 ГК РФ. Несанкционированное размещение произведения в сети может рассматриваться как нарушение авторских прав. Важным инструментом защиты являются технические меры, предусмотренные статьей 1299 ГК РФ, такие как цифровые водяные знаки и системы управления правами доступа.

Борьба с пиратством также является ключевым направлением, что предусмотрено Федеральным законом от 02.07.2013 № 187-ФЗ³. Этот закон позволяет блокировать интернет-ресурсы, нарушающие авторские права, и устанавливает процедуру досудебного урегулирования споров. Несмотря на широкий спектр инструментов для защиты интеллектуальных прав в Интернете, их применение требует дальнейшего совершенствования в быстро меняющихся технологических условиях.

Авторское право обеспечивает защиту оригинальных произведений, позволяя авторам контролировать их использование. С развитием Интернета появилось множество проблем, таких как пиратство и нелегальное распространение контента, что усугубляется доступностью сайтов с торрентами, позволяющих обмениваться защищенными авторским правом материалами⁴.

¹ Зенин И. А. Право интеллектуальной собственности : учебник для вузов. 12-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 317.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

³ Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

⁴ Дмитриева А. Авторское право в Интернете: конфликты, распределение ответственности и варианты регулирования. СПб., 2011.

Пиратство — это незаконное копирование и распространение охраняемых авторским правом материалов без согласия правообладателя, проявляющееся в Интернете через загрузку фильмов, музыки, книг и программного обеспечения. Оно приводит к значительным финансовым потерям для правообладателей и подрывает экономическое стимулирование творчества¹.

Для борьбы с пиратством используются технологические средства защиты, такие как цифровые водяные знаки и системы управления правами цифрового контента (DRM), которые ограничивают использование файлов. Однако эффективность этих мер часто оказывается ограниченной, так как злоумышленники разрабатывают способы обхода защиты, а строгие ограничения могут вызвать недовольство у легальных пользователей².

Многие страны принимают законы для регулирования авторских прав в Интернете. В США действует Закон об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA), предлагающий процедуру уведомления и удаления незаконно размещенных материалов, что также стоит внедрить в России. В Европе принята Директива о защите авторских прав, обязывающая интернет-платформы фильтровать контент и выплачивать компенсации правообладателям.

Патентное право защищает инновации, предоставляя эксклюзивные права на коммерческое использование изобретений. В условиях глобальной экономики защита патентов становится критически важной, особенно в сфере ИТ. Однако границы патентоспособности программного обеспечения остаются предметом споров, что создает неопределенность для разработчиков.

Патентные тролли, покупающие патенты для предъявления исков, становятся особенно опасными в Интернете, так как могут атаковать стартапы и небольшие компании, не имеющие ресурсов для длительной юридической борьбы. Это создает дополнительные сложности в защите патентов в условиях стирания границ между национальными рынками³.

Судебная практика по защите интеллектуальных прав в России включает множество интересных решений. Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих подходы российских судов.

Одним из знаковых дел стало блокирование торрент-трекера RuTracker.org⁴. В 2015 г. Мосгорсуд принял решение о вечной блокировке сайта по иску Российского союза правообладателей (РСП), признав его систематические нарушения авторских прав. Это решение стало прецедентом для других аналогичных дел.

В 2018 г. Московский городской суд рассмотрел иск продюсерского центра группы «Ленинград», который требовал компенсацию за незаконное размещение их музыкальных произведений на интернет-сайте⁵. Суд удовлетворил

¹ Сурайкин И. И. Проблема «интернет-пиратства» // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 512–519.

² Гайдук В. П. Эволюция права интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 72–84.

³ Худынина М. А. Интеллектуальная собственность в Интернете Д. Е. Самойленко // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 6 (57). С. 211–215.

⁴ Постановление Московского городского суда от 09.11.2015 по делу № 33-24060/15 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).

⁵ Решение Московского городского суда от 20.06.2018 по делу № 2-2356/18 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2025).

иск, подчеркнув важность соблюдения авторских прав даже для небольших фрагментов контента.

В 2019 г. Арбитражный суд Москвы вынес решение по делу компании «1С», признав незаконным использование их программного обеспечения без лицензии¹. Суд обязал ответчика выплатить компенсацию, демонстрируя активную защиту прав разработчиков ПО.

В 2020 г. Арбитражный суд Московской области рассмотрел дело о товарном знаке «Adidas», установив факт продажи контрафактной продукции и обязав ответчика прекратить продажу поддельных товаров и выплатить компенсацию².

Для упрощения патентования и защиты прав в Интернете необходимо унифицировать национальные правовые нормы. Международные соглашения, такие как Договор о патентном праве и Соглашение TRIPS, требуют дополнительных усилий для реализации. Внедрение электронных систем подачи заявок может ускорить процесс получения патента. Законодательные реформы могут ограничить деятельность патентных троллей, как это было сделано в США с принятием Закона о реформе американского изобретательства.

Товарные знаки защищают уникальные обозначения товаров и услуг, позволяя потребителям отличать продукцию разных компаний. В Интернете возникают проблемы, когда недобросовестные пользователи регистрируют домены с известными брендами для мошенничества или продажи контрафактной продукции, что приводит к захвату доменов (cybersquatting).

Использование товарных знаков конкурентов в контекстной рекламе может вызвать юридические споры, так как это нарушает права владельца и вводит потребителей в заблуждение. Легкость доступа к подделкам наносит ущерб репутации брендов, и борьба с контрафактом требует совместных усилий правоохранительных органов, платформ электронной коммерции и правообладателей.

Платформы внедряют механизмы мониторинга и удаления контента, нарушающего права на товарные знаки. Повышение осведомленности потребителей о рисках покупки подделок может снизить спрос на контрафактную продукцию³.

Совместные усилия всех заинтересованных сторон, включая международные соглашения, необходимы для эффективной защиты интеллектуальной собственности в Интернете. Развитие технологий, таких как блокчейн и искусственный интеллект, открывает новые возможности для улучшения защиты прав.

Однако одних технических решений недостаточно; требуется совершенствование законодательства и повышение осведомленности среди пользователей. Активное участие государства и гражданского общества в образовательных программах поможет сформировать культуру уважения к правам на интеллектуальную собственность.

¹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 17.09.2019 по делу № А40-168423/19 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).

² Решение Арбитражного суда Московской области от 23.10.2020 по делу № А41-64651/20 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).

³ Архипов В. В. Интернет-право : учебник для вузов 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 132.

Решение проблем защиты интеллектуальной собственности в Интернете требует комплексного подхода, сочетая технологические и правовые меры с активным участием всех заинтересованных сторон.

Поздняков Александр,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

alex.a.pozdnyakov@gmail.com

«ВЕРТИКАЛЬНЫЙ» И «ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ» КОНТЕНТ В КОНТЕКСТЕ СВОБОДНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОРЕАКЦИЙ

Аннотация: в статье рассматриваются практические проблемы регулирования свободного использования видеореакций исходя из деления производимого контента на «вертикальный» и «горизонтальный». Анализируются подходы к свободному использованию данных произведений и выделяется проблематика предоставления расширенного права использования в ущерб правообладателям. В статье также приводится альтернатива в виде развития института лицензирования.

Ключевые слова: гражданское право, авторское право, свободное использование, исключительное право, видеореакция, доктрина *fair use*.

В последние годы существенно набрал популярность такой формат контента, как видеореакции. Учитывая отсутствие определения видеореакции в законодательстве и российской правоприменительной практике, следует обратиться к доктринальным исследованиям. По мнению Дж. Фогеле: «Видеореакции являются ответом лица на некий раздражитель, такой как эпизод телевизионного шоу или клип из фильма»¹. Видится, что с точки зрения авторского права подобное произведение стоит рассматривать как аудиовизуальное произведение.

Проблема применения свободного использования видится в отсутствии подобной практики в российском правовом поле. Зарубежные правовые порядки несколько опережают отечественное право. С точки зрения юристов-практиков из Японии, подобное использование произведения представляет собой способ цитирования². Ссылаются они в свою очередь, на статью 32 Японского закона об авторском праве: «Допускается использование опубликованного произведения в форме цитирования. В таком случае произведение должно использоваться добросовестно, а также в пределах, оправданных целями в сфере освещения новостей, критики, учебы или иных сферах, где используется цитата»³.

¹ Voge, Jessica (2017) Where's the Fair Use? The Takedown of Let's Play and Reaction Videos on YouTube and the Need for Comprehensive DMCA Reform // *Touro Law Review*. Vol. 33. No. 2. Article 13. P. 4.

² Legal Issues with Popular Reaction Videos on YouTube: Do They Not Infringe Copyright? // URL: https://monolith.law/en/internet/youtube-reaction-copyright-infringement#About_the_Quotation_Requirement (дата обращения: 10.12.2024).

³ Copyright Act (Act No. 48 of 1970) // URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3379> (дата обращения: 10.12.2024).

Несмотря на определенную степень несогласия японскими коллегами, допускаем, что в российском правовом порядке данный подход также применим. Исходя из понятия цитирования из подп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ, а также Обзором судебной практики Верховного Суда РФ, определим: «могут быть свободно использованы без согласия автора и выплаты вознаграждения при наличии четырех условий: использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях; с обязательным указанием автора; источника заимствования и в объеме, оправданном целью цитирования»¹.

Однако представляется, что всеобщее введение свободного использования с целью производства видеореакций очень сильно перевесит баланс сторон, поставив под удар авторов оригинального контента. Стоит обратить внимание на деление современного контента на «вертикальный» и «горизонтальный».

В основе данного деления лежит формат видео, выкладываемого в Интернет. Привычные нам аудиовизуальные произведения (включая ролики на видеохостингах) чаще всего являются «горизонтальными». Такие видео ориентированы на просмотр на большом экране, имеют больший хронометраж, и, чаще всего, на их производство уходит больше времени. «Вертикальные» видео же создаются для просмотра на смартфонах, в большинстве своем имеют хронометраж от 15 до 60 секунд и не превышают 5 минут². Для создания таких роликов не требуется технических знаний в сфере монтажа, так как хостинги (например: Tiktok, YouTube) содержат свой инструментарий, позволяющий наложить эффекты, музыку, и т.д. При этом оборот таких роликов гораздо более динамичный, учитывая, что на просмотр подобного контента чаще всего тратится не более 20 секунд.

В отношении «вертикального» контента свободное использование выглядит не совсем обоснованным. Одно лицо в день может создавать десятки видеореакций с использованием чужих музыкальных, аудиовизуальных и иных произведений, при этом далеко не всегда реакция или комментарий будут значительно дополнять оригинальное произведение. Такой подход может привести к злоупотреблению свободным использованием со стороны людей, создающих видеореакции. В доктринальных исследованиях отмечается, что гораздо более подходящим способом обеспечения правомерности такого использования является развитие механизма открытых лицензий. В частности, речь идет про лицензии Creative Commons³.

Таким образом, мы считаем, что нынешний правовой порядок не позволяет в полной мере урегулировать вопросы свободного использования произведений, содержащих деление на «вертикальный» и «горизонтальный» контент. Данные вопросы могут быть разрешены доктринально, а также с помощью правоприменительной практики. Необходимость же внесения дополнительных изменений в законодательство неочевидна, а потому требует дальнейших теоретических разработок.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).

² Yiting Wang, *Multimodal Analysis: Researching Short-Form Videos and the Theatrical Practices* (2021), URL: <http://hdl.handle.net/10125/76003> (дата обращения: 18.12.2024).

³ Chang, Cheng-Chi. *The Creative Commons Solution: Protecting Copyright in Short-Form. Videos on Social Media Platforms* // *International Journal of Law Management and Humanities*. 2023. Vol. 6, Iss. 3. P. 599.

Покровская Анна,
аспирант, стажер-исследователь
Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы
Россия, г. Москва
pokrovskaya_anvl@pfur.ru

ПРОДАЖА КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ: ОПЫТ ЕС

Аннотация: стремительный рост онлайн-платформ способствовал распространению товаров и информации, но также привел к увеличению числа нарушений прав интеллектуальной собственности (ИС), таких как контрафактная продукция и неправомерное использование авторских прав. Для решения этих проблем ЕС ввел в действие такие нормативные акты, как Директива 2000/31/ЕС и Директива 2019/790, чтобы сбалансировать защиту ИС и ответственность платформ. В статье рассматриваются ключевые судебные дела, в том числе с участием Amazon и Christian Louboutin, которые разъясняют ответственность платформ электронной коммерции за контрафактную продукцию. В ней подчеркивается необходимость надежного регулирования для защиты правообладателей, борьбы с контрафактом и обеспечения доверия на цифровом рынке.

Ключевые слова: электронная коммерция, онлайн-платформы, контрафакт, цифровизация, ответственность платформ

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00567, <https://rscf.ru/project/24-28-00567/>.

Развитие онлайн-платформ позволило быстро распространять информацию и товары, принадлежащие к различным секторам, что, соответственно, усложнило контроль и защиту продуктов, доступных в Интернете¹. Благодаря распространению онлайн-платформ и сайтов электронной коммерции увеличивается число возможных нарушений прав интеллектуальной собственности, что наносит моральный и экономический ущерб не только правообладателям, но и конечным потребителям, которые рискуют быть введенными в заблуждение. Сложившаяся ситуация выявила необходимость дисциплины и последующей гармонизации со стороны национальных и европейских законодателей по двум важным направлениям не препятствовать развитию единого европейского рынка во избежание фрагментации регулирования в условиях ликвидности и безграничности Интернета необходимо обеспечить единообразное регулирование цифровой экономики. Законодатели ЕС фактически вмешались в эту ситуацию путем регулирования электронной коммерции и онлайн-платформ.

Мир электронной коммерции был урегулирован на уровне ЕС Директивой 2000/31/ЕС², введенной в действие в Италии Законодательным декретом № 70 от 09.04.2003. Основными целями директивы, перенесенными в итальянское законодательство, являются содействие свободному перемещению

¹ Atzori L., Iera, A., & Morabito, G. Understanding the Internet of Things: definition, potentials, and societal role of a fast evolving paradigm // Ad Hoc Networks. 2017. № 56. P. 138.

² Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce) [2000] // OJ L178/1. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/6393> (дата обращения: 12.12.2024).

услуг информационного общества, включая электронную коммерцию; регулирование правового положения поставщика услуг и его информационные обязательства. Однако чрезвычайная легкость доступа к электронной коммерции приводит к тому, что на онлайн-платформах всё чаще появляются поддельные товары, предназначенные для продажи. Это наносит значительный ущерб продавцам, вызывая падение продаж и ущерб корпоративной репутации, но в то же время приводит к состоянию замешательства потребителей, которые теряют доверие к соответствующему бренду из-за мошенничества, которому подвергаются при покупке поддельной продукции. Для того чтобы эффективно противостоять контрафакту, необходимо защитить свою продукцию/произведения с помощью зарегистрированных товарных знаков, патентов, дизайна и авторских прав.

Директива ЕС 2019/790¹, введенная в действие в Италии законодательным декретом № 177 от 08.11.2021, представляет собой важную точку соприкосновения между дисциплиной авторского права и дисциплиной онлайн-платформ. Директива, в частности, направлена на установление баланса между интересами провайдеров услуг по обмену онлайн-контентом (например, социальных сетей) и авторов творческих произведений, размещенных на онлайн-платформах². Таким образом, основная цель законодателя заключается в предоставлении большей защиты авторам/создателям контента, которые рискуют пострадать в результате ненадлежащего использования и распространения их произведений в сети в нарушение закона об авторском праве. Основные аспекты законодательства касаются: введения режима ответственности для онлайн-платформ, позволяющих загружать и распространять контент, защищенный законом об авторском праве; обеспечения повторного использования журналистских публикаций в Интернете при условии предоставления автору «адекватного вознаграждения»; адекватного вознаграждения авторам, пропорциональное экономической стоимости лицензированных или переданных прав; обязательство прозрачности поставщика услуг в отношении использования произведений автора; право на отзыв лицензированных или переданных автором прав.

На данный момент онлайн-платформы могут быть привлечены к прямой ответственности за продажу через них контрафактных товаров третьими лицами³. Именно такое решение принял Европейский Суд по правам, предоставленным владельцу европейского товарного знака соответствующим регламентом (2017/1001)⁴. Решение было вынесено по результатам двух отдельных судебных разбирательств, возбужденных против Amazon Кри-

¹ Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC [2019] // OJ L130/92. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj/eng/pdf> (дата обращения: 12.12.2024).

² Geiger C., Jütte, B. J. Platform liability Under art. 17 of the copyright in the digital single market directive, automated filtering and fundamental rights: an impossible match // GRUR international. 2021. № 70 (6). P. 529.

³ Lefouili Y., Madio, L. The economics of platform liability // European Journal of Law and Economics. 2022. № 53 (3). P. 329.

⁴ Regulation (EU) 2017/1001 of the European Parliament and of the Council of 14 June 2017 on the European Union trademark (codification) [2017] // OJ L 154/1. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2017/1001/oj/eng/pdf> (дата обращения: 19.12.2024).

стианом Лубутеном, известным французским дизайнером, который сделал красную подошву, характерную для многих моделей своей обуви, своим отличительным знаком, зарегистрировав ее в качестве товарного знака ЕС¹. По мнению Лубутена, несанкционированное присутствие его товарного знака в рекламе стороннего продавца на Amazon представляет собой нарушение интеллектуальной собственности, за которое американский гигант должен нести прямую ответственность.

Рассматривая дело по существу, судьи отметили, что Amazon публикует рекламу собственных товаров, ничем не отличающуюся от рекламы сторонних продавцов, поскольку на ней также присутствует логотип платформы. Кроме того, Amazon предлагает продавцам дополнительные услуги, такие как хранение и доставка товаров. Таким образом, у потребителей создается впечатление, что платформа является фактическим продавцом заказанного товара. Учитывая то, как Amazon использует товарный знак Louboutin, национальные суды задаются вопросом, применимо ли в данном случае положение Регламента ЕС 2017/1001, которое признает право владельца товарного знака запрещать третьим лицам использовать товарный знак, идентичный его собственному, ранее зарегистрированному, в отношении идентичных товаров и услуг. Суд в этом предварительном решении развеял сомнения национальных судов, заявив, что использование товарного знака оператором платформы электронной торговли может быть запрещено владельцем товарного знака в соответствии с Регламентом ЕС о товарных знаках 2017/1001 при условии, что деятельность оператора платформы приводит обычно информированного и внимательного потребителя платформы к установлению связи между услугами оператора и соответствующим товарным знаком. По мнению суда, это особенно актуально, когда у потребителя создается впечатление, что оператор платформы сам продает товары с товарным знаком от своего имени. Данное решение, по всей видимости, является отменой решения Верховного суда, который ранее исключил ответственность платформы за сбыт контрафактной продукции, сочтя, что она лишь предоставляет технические средства, необходимые для продажи. Однако в данном случае Amazon не выступает в роли простой витрины, а, складывая и отправляя товары третьих лиц, которые рекламирует неотличимо от своих собственных, становится активным участником маркетинга вплоть до того, что потребители идентифицируют его как фактического продавца.

Таким образом, стремительный рост онлайн-платформ изменил процесс распространения товаров и информации, обеспечив беспрецедентное удобство и доступность. Однако это расширение одновременно создало благодатную почву для распространения контрафактной продукции и нарушения прав интеллектуальной собственности. Чтобы устранить риски, связанные с контрафактной продукцией, и усилить защиту ИС, необходим единый подход законодателей, онлайн-платформ и владельцев ИС. Законодатели должны стремиться к разработке единого международного законодательства, которое бы эффективно решало проблему продажи контрафактной продукции и устанавливало более четкие положения о подотчетности платформ. Это

¹ Judgment of the Court (Grand Chamber) of 22 December 2022 — Christian Louboutin v. Amazon Europe Core Sàrl and Others (Joined Cases C-148/21 and C-184/21) // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/1703> (дата обращения: 19.12.2024).

включает в себя введение более строгих санкций для платформ, которые не могут обнаружить или предотвратить контрафактную деятельность, и обеспечение того, чтобы нормативная база развивалась в соответствии со всё более сложной цифровой практикой.

Реут Полина,
студент,

Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой
Беларусь, г. Новополоцк
rpolina244@gmail.com

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНФОПРОДУКТОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: возникновение в цифровом пространстве новых форм предоставления информации, обусловили становление множества самостоятельных правовых объектов, требующих от современной юридической доктрины выработки комплексного системного подхода к совершенствованию правового режима инфопродуктов. Особенно остро стоит вопрос выработки понятийного аппарата, который бы соответствовал всему видовому разнообразию инфопродуктов на современном этапе.

Ключевые слова: инфопродукт, мультимедийное произведение, вебинар, онлайн-курс, пользовательское соглашение, чек-лист, гайд.

С развитием информационных технологий перечень предоставляемых услуг значительно расширился, порождая возникновение новых форм образовательной среды. На современном этапе инфопродукты играют ключевую роль в формировании доступа к широкопрофильному, экспертному и доступному образованию, в свою очередь, являясь неотъемлемой частью информационного бизнеса. Параллельно с этой трансформацией стали подниматься вопросы касательно режима правовой охраны данных продуктов, их легального определения, а также защиты прав потребителей.

В связи с обсуждением нового правового явления возникновение и становление инфопродуктов, в доктрине отдельные исследователи предпринимали попытки сформулировать универсальное определение «инфопродукт» А. Н. Хоминок, Н. П. Кононова, Е. В. Блинкова и Е. О. Ананьева и предложить свою классификацию М. А. Панская, К. А. Королева, Е. А. Костикова. Несмотря на наличие большого числа исследований в науке, единообразного подхода к понятию, классификации и правовому режиму инфопродуктов в доктрине не выработано.

По мнению Е. В. Блинковой, Е. О. Ананьевой, инфопродукты представляют собой «различные виды информации, которые могут быть проданы или куплены в виде комплекса книг, видеоуроков, онлайн-курсов, аудиокниг и мн. др.»¹. В практике Российской Федерации инфопродукт определяется как: «знания и умения, упакованные в товар в виде вебинара, видео- или

¹ Блинкова Е. В., Ананьева, Е. О. Правовой режим оборота информации // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4 (28). С. 575.

аудиокурса, книги, чек-листа и т.д., которые способны закрыть определенные потребности покупателей»¹. Согласно позиции Н. П. Кононовой инфопродукты — это результат преобразования информации в ценность для пользователей, в свою очередь, являющийся результатом интеллектуальной деятельности².

Анализ судебной практики Российской Федерации демонстрирует, что к числу инфопродуктов относят: обучающие онлайн-курсы, онлайн-тренинги, видеоуроки, онлайн-коучинг, гайды, чек-листы, вебинары и других продукты³.

В законодательстве Республики Беларусь термин «онлайн-курс» не раскрывается. Правообладатели по-разному определяют его содержание: «структурированный набор видеозаписей, текстовых материалов и проверочных заданий к ним, исключительное право или право на использование которых принадлежит на момент их размещения на Сайте Исполнителю»⁴; «определенная часть информации, содержащейся в Платформе, доступ к которой передается путем предоставления Заказчику определенных данных и команд, состоящая из совокупности взаимосвязанных занятий и материалов (тексты, фото- и видеоматериалы, иные объекты интеллектуальных прав), объединенных единой темой, расположенных в определенной последовательности»⁵.

Онлайн-курс — это курс, содержащий образовательные материалы и реализующийся дистанционно⁶. Онлайн-курс может включать несколько объектов права интеллектуальной собственности. Например, инфопродукт — курс «Продающее резюме» включает в себя: видеолекцию, ее запись и бонусные материалы: рабочая тетрадь для практических заданий, гайд по работе над резюме с конкретными примерами, шаблоны трех видов резюме на двух языках, советы по улучшению резюме⁷.

В отношении правового режима онлайн-курсов можно выделить три точки зрения, доминирующие в доктрине: онлайн-курс, является компьютерной программой; онлайн-курс является составным произведением; онлайн-курс является мультимедийным произведением.

По нашему мнению, в зависимости от структуры и наполнения, онлайн-курс может представлять собой составное произведение, аудиовизуальное произведение или мультимедийное произведение. При определении онлайн-курсов как составного произведения необходимо выявить, является ли информа-

¹ Решение Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 21.07.2023 по заявке № 2021768141/33 // URL: <https://ivo.garant.ru/#/startpage:4> (дата обращения: 24.12.2024).

² Кононова Н. П., Кононов Э. Д. Специфика информационного продукта и информационного рынка // Омский научный вестник. 2006. № 5 (39). С. 150–153.

³ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2024 № 13АП-14592/24 по делу № А56-91978/2023 // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ Stepik: Пользовательское соглашение Санкт-Петербурга, 2024 // URL: <https://welcome.stepik.org/ru/terms> (дата обращения: 13.12.2024).

⁵ Hexlet: Пользовательское соглашение // URL: <https://ru.hexlet.io/pages/offer> (дата обращения: 14.11.2024).

⁶ Савицкая К. Д. Правовой режим массовых открытых онлайн-курсов // Трансформация механизма государства в период становления и развития инновационного электронного государства : сборник статей межд. круглого стола, г. Минск, 27 окт. 2023 г. / Мин. образ. Респ. Беларусь, Белорусский государственный экономический университет ; редкол.: О. В. Бодакова [и др.]. Минск : БГЭУ, 2024. С. 209.

⁷ Garant: О регистрации товарного знака (знака обслуживания) от 21 июля. 2023 г. № 2021768141/33.

ция курсов совокупностью подобранных и структурированных в цифровой форме материалов. В свою очередь, лицензионные соглашения различных онлайн-курсов («Skillbox», «Tilda.school»¹, «Loftschool»², «Lerna»³, «SkillFactory CS»⁴) определяют их правовой режим как мультимедийное произведение, основными признаками которого являются: сложность; наличие в структуре компьютерной программы; интерактивность; цифровая форма выражения.

Легальное определение вебинара как отдельного объекта авторского права в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. Согласно постановлению «Об утверждении Положения об обучающих курсах дополнительного образования взрослых», вебинар — это «образовательное мероприятие, проводимое посредством информационно-коммуникационных технологий в режиме реального времени»⁵. Таким образом, законодатель в дефиниции подчеркнул отличие вебинара от других информационных продуктов: проведение в режиме реального времени. Формат вебинара предоставляет возможность докладчику передавать информацию участникам семинара, находящимся на расстоянии друг от друга, позволяя им слышать и видеть друг друга.

Вебинары отнесены законодателем к числу обучающих курсов — образовательных мероприятий, направленных на удовлетворение познавательных потребностей слушателей в определенной сфере профессиональной деятельности или области знаний (п. 3 Положение об обучающих курсах дополнительного образования взрослых). С юридической точки зрения вебинар представляет собой разновидность семинара, который, в свою очередь, может быть видом обучающих курсов или обучения в организации.

В доктрине не выработано единообразное определение термина «вебинар». По мнению Ю. А. Фадеева, вебинар — разновидность видеоконференции, онлайн-встречи или презентации, проводимой через Интернет⁶.

В пользовательских соглашениях правообладатели по-разному определяют вебинар:

1) мероприятие (онлайн-мероприятие), сочетающее в себе элементы совещания, презентации, дистанционных лекций или семинаров и подобных им мероприятий информационного и обучающего формата для группы от нескольких человек до максимально допустимой конфигурацией ПО единовременной аудитории онлайн-мероприятия, проводимое через сеть TCP/IP (или Интернет) в режиме реального времени (онлайн)⁷;

¹ Tilda.school: публичная оферта о заключении договора об оказании услуг // URL: <https://tilda.school/oferta-rf-r> (дата обращения: 17.12.2024).

² Loftschool: Публичный договор-оферта на оказание информационно-консультационных услуг // URL: <https://loftschool.ru/documents/oferta.pdf> (дата обращения: 14.12.2024).

³ Lerna: публичный договор возмездного оказания услуг // URL: <https://www.lerna.by/oferta.pdf> (дата обращения: 14.12.2024).

⁴ SkillFactory: оферта на заключение договора возмездного оказания услуг для физических лиц // URL: <https://skillfactory.ru/dogovor-oferta-for-individuals> (дата обращения: 18.12.2024).

⁵ Постановление Министерства образования Республики Беларусь, 9 сент. 2022 г., № 296 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22238857&p1=1> (дата обращения: 15.12.2024).

⁶ Фадеева Ю. А. Использование вебинаров и видеоконференций в образовательном процессе // Вестник Науки и образования. 2021. № 1–2 (104). С. 66–68.

⁷ Лицензионный договор на использование ПО // URL: <https://mts-link.ru/legal/license-agreement.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).

2) занятие, транслируемое в режиме реального времени (онлайн)¹;

3) общее название вида рекламно-информационных и обучающих Мероприятий, проводимых через сеть Интернет в режиме реального времени — встреч, презентаций, дистанционных семинаров и подобных им².

На основании исследования доктринальных источников и пользовательских соглашений, можно констатировать, что существует несколько позиций в отношении правового режима вебинаров: вебинары являются аудиовизуальными произведениями; вебинары являются сложным произведением.

Анализ белорусского законодательства демонстрирует отсутствие термина «марафон». Данный объект не встречается в списке объектов авторского права. В пользовательских соглашениях правообладатели определяют марафон как: «система взаимоотношений между Организаторами Марафона, его Участниками и лицами, задействованными в Марафоне, основанная на принципах добровольности, возмездности и равенства»³; «рабочие, информационно-методические, а также специальные материалы и любая другая информация, предоставляемая Заказчику, в том числе материалы интеллектуальной собственности, принадлежащие Исполнителю»; авторский курс обучения. Приведенные определения не позволяют определить правовой режим марафона, а также не содержат отличительных особенностей марафона как объекта авторского права. Марафон представляет собой совокупность объектов авторского права (видеолекции, вебинары, чек-листы, трекеры привычек, презентации, задания, медитации и пр.). По нашему мнению, марафон может охраняться как составное произведение или сложный объект.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Понятие и правовой режим инфопродуктов в законодательстве Республики Беларусь не определен. Анализ лицензионных и пользовательских соглашений позволяет заключить, что каждый правообладатель по-своему понимает значение термина «инфопродукт». Указанные обстоятельства создают правовую неопределенность для разработчиков и потребителей инфопродуктов.

2. На данный момент такие виды инфопродуктов, как онлайн-курс, вебинар, чек-листы, подкасты, регулируются в рамках общей правовой системы. На наш взгляд, необходимо ввести единую классификацию инфопродуктов с перечнем составляющих, которые они могут в себе содержать. Предлагаем ввести акредитацию и сертификацию продуктов инфобизнеса, если они позиционируются как официальное или дополнительное образование. Ввести обязательное ведение отчетности по доходам и расходам, связанным с продажей инфопродуктов, а также контроль за налогообложением при реализации таких продуктов. Разработать требования к использованию технологий защиты контента (например, DRM — управление цифровыми правами), которые позволят предотвратить несанкционированное копирование и распространение инфопродуктов. Установить правила защиты

¹ Пользовательское соглашение: Нетология // URL: <https://netology.ru/legal/6> (дата обращения: 20.12.2024).

² Пользовательское соглашение: Pruffme // URL: <https://pruffme.com/pages/agreement/> (дата обращения: 20.12.2024).

³ Пользовательское соглашение: Марафон «Я — женщина» // URL: <https://rus-publishing.ru/polzovatelskoe-soglasenie-marafon-ya-zhenshhina/> (дата обращения: 20.12.2024).

авторских прав на инфопродукты, включая механизмы регистрации и защиты интеллектуальной собственности, такие как создание единого реестра и возможность применения различных лицензий.

Рязанцева Татьяна,

магистрант,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

Racoon.cookie@yandex.ru

ПРИМЕНИМ ЛИ ПРИНЦИП ИСЧЕРПАНИЯ ПРАВА К РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЦИФРОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И КАК МОЖЕТ ПОМОЧЬ ДОКТРИНА ПОДРАЗУМЕВАЕМОГО СОГЛАСИЯ?

Аннотация: *в работе затрагивается вопрос о применении принципа исчерпания права к цифровым произведениям и о возможности имплементации зарубежного опыта по применению доктрины подразумеваемого согласия, пока что не воспринятой российской судебной практикой. Данная доктрина, по мнению автора, может послужить инструментом обеспечения баланса интересов в области авторского права в цифровой среде, в частности, доступа пользователей к цифровому контенту. На основе анализа зарубежной литературы и судебной практики, предлагаются критерии для выявления признаков наличия подразумеваемого согласия на последующее отчуждение цифрового произведения.*

Ключевые слова: *авторское право, доктрина подразумеваемого согласия, принцип исчерпания прав, цифровой контент, цифровая среда.*

В условиях цифровизации начала проявляться потенциальная проблема соблюдения баланса прав и законных интересов между правообладателями охраняемых объектов авторского и смежных прав, а также между правообладателями и пользователями таких объектов, ввиду значительного упрощения получения доступа к произведениям, размещенных на просторах Сети.

Пользователи вынуждены соглашаться на условный и непостоянный доступ к цифровому контенту, который некоторые исследователи называют «концом владения»¹.

Несмотря на повсеместное упрощение процесса заключения лицензионных договоров, определить, действительно ли пользователь владеет копией, становится все труднее.

Согласно Директиве ЕС № 2001/29/ЕС², правовая защита авторских прав предусматривает исключительное право контроля за распространением результатов авторской деятельности, содержащихся на вещественных носителях. Продажа правообладателем либо с его согласия оригинала работы или ее копий внутри Сообщества влечет прекращение права на осуществление контроля за перепродажей объекта внутри Сообщества.

¹ Perzanowski A, Schultz J. The end of ownership: Personal property in the digital economy // MIT Press Cambridge, Massachusetts. 2018. № 2. P. 18.

² Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2001/29/ЕС от 22.05.2001 «О гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе» (принята в г. Брюсселе 22.05.2001) // URL: <https://base.garant.ru/2568231/> (дата обращения: 18.12.2024).

Так, Директива, как и национальные законодательства многих правопорядков, допускают только одно ограничение исключительных прав авторов произведений по контролю за отчуждением РИД, воплощенных в материальной форме, как исчерпание прав (правило первой продажи).

В качестве ключевого кейса, иллюстрирующего обозначенную проблему, можно привести дело № C-263/18 *Nederlands Uitgeversverbond, Groep Algemene Uitgevers v. Tom Kabinet Internet BV*¹, при рассмотрении которого Суд ЕС признал, что принцип исчерпания права не распространяется на деятельность по перепродаже электронных книг в онлайн-библиотеках. Суд ЕС сделал вывод, что выражения «копии» и «оригинал и копии», являющиеся предметом права на распространение и права проката в соответствии со статьями 6 и 7 Договора ВОИС об авторском праве, касаются исключительно фиксированных копий, которые могут быть введены в обращение в качестве материальных объектов. Статья 6 Договора ВОИС по авторскому праву не может охватывать распространение нематериальных произведений, включая электронные книги. Бумажные и электронные книги не являются эквивалентными с экономической и функциональной точек зрения.

Американские суды, в большинстве своем, как и суды ЕС, признают доктрину первой продажи неприменимой к цифровой среде².

Но не противоречит ли такой запрет доступа общественности к цифровому контенту тому же принципу свободы на информацию?

Полагаем, что вектором к разрешению насущного вопроса обеспечения баланса интересов авторов (создателей) РИД и пользователей (конечных или промежуточных правообладателей произведений (если допускать возможность неоднократного отчуждения от пользователя к третьим лицам)) может послужить применение судами доктрины подразумеваемых согласий, как института *sui generis*. Такая необходимость, по нашему мнению, обусловлена нарастающей потребностью общества «в потреблении» цифрового контента, и, безусловно, стремительным ростом числа способов облегчения доступа к нему.

В деле *Vorschaubilder I*³ Суд установил, что если изображение загружается в Интернет без каких-либо технических препятствий со стороны правообладателя, это приравнивается к косвенному согласию правообладателя на его воспроизведение предполагаемым нарушителем.

Интерес вызывает и вопрос распространения принципа исчерпания права к таким цифровым произведениям, как DAW (Digital Art Work). Так, Галерея Уффици во Флоренции превращает известнейшие по всему произведения из своей коллекции в NFT («невзаимозаменяемые токены») и выставляет их на продажу. DAW имеют размеры оригинала и, как заявляет сам производитель, полностью уникальны и защищены от кражи. Токен NFT создается в блокчейне для каждой конкретной DAW с сертифицированным правом собственности. Кроме того, все произведения, сделанные в Cinello (компани-

¹ *Nederlands Uitgeversverbond, Groep Algemene Uitgevers v. Tom Kabinet Internet BV* // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/SV/TXT/?uri=CELEX:62018CJ0263> (дата обращения: 16.12.2024).

² *Capitol Records, LLC v. ReDigi Inc.*, No. 16-2321 (2d Cir. 2018) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca2/16-2321/16-2321-2018-12-12.html> (дата обращения: 16.12.2024).

³ *Vorschaubilder I* // URL: <https://www.aufrecht.de/urteile/urheberrecht/bgh-vorschaubilder-i-die-frage-der-haftung-von-suchmaschinen-fuer-vorschaubilder-thumbnails> (дата обращения: 03.01.2025).

ей-правообладателем, запатентовавшей способ создания подобных факсимиле известных картин) для галереи Уффици, сопровождаются сертификатом подлинности, подписанным директором музея. Что вопрос о применимости принципа исчерпания в отношении DAW на картины должен быть разрешен в пользу авторов соответствующих произведений.

И здесь возникает ряд не совсем однозначных моментов: что в данном случае понимается под «правом собственности»? Над каким объектом покупатель будет осуществлять свое господство: непосредственно над цифровым активом? Или же только над образом физического актива, переведенного в цифровую среду? Или только над экраном, на котором будет отображаться произведение? Полагаем, что подобные вопросы могут возникать применительно к ситуациям отчуждения любого произведения, выраженного в цифровой форме.

Примерные критерии, которыми могли бы руководствоваться суды для определения признаков наличия подразумеваемого согласия на последующее отчуждение цифрового произведения, представим следующим образом:

1. Стороны (правообладатель и пользователь) были связаны договорными отношениями (лицензионный договор);

2. В договоре не конкретизированы исчерпывающим образом способы использования РИД;

3. Сам РИД не был защищен правообладателем техническими средствами, которые могли бы воспрепятствовать его несанкционированному отчуждению.

Резюмируя, применительно к случаям отчуждения интеллектуальных прав на цифровые произведения, представляется правильным опираться на широкое определение подразумеваемых лицензий, базирующееся на «традиционном методе толкования договора, который используется для отслеживания невысказанного намерения договаривающихся сторон дополнить соглашение»¹. При этом не следует отождествлять подразумеваемые согласия с разрешением автора на использование произведения неограниченным кругом лиц. Полагаем, что решение о применении доктрины подразумеваемых согласий должно приниматься судами дискреционно, исходя из досконального изучения конкретных обстоятельств дела.

Сайфутдинова Венера,

старший преподаватель,

Уфимский университет науки и технологий

Россия, Уфа

venera-svm@mail.ru

ЗАЩИТА ПРАВ АВТОРОВ ПРИ СОЗДАНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: автор рассматривает вопросы, связанные с защитой интеллектуальной собственности в случае создания произведений с использованием технологии искусственного интеллекта. В статье проанализированы подходы к пониманию правосубъектности искусственного интеллекта и правомерности использования источников для развития

¹ Georgia Jenkins. An extended doctrine of implied consent — a digital mediator? // International Review of Intellectual Property and Competition Law 2021. IIC 2021. № 52 (6). P. 723.

и обучения искусственного интеллекта. Автором сделаны выводы о требуемом дальнейшем совершенствовании законодательной базы в этой сфере.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правосубъектность искусственного интеллекта, правообладатель, результаты интеллектуальной деятельности.*

Защита интеллектуальных прав авторов в информационном обществе не только является актуальной проблемой в современном мире, но и с течением времени, под влиянием новых технических и технологических научных открытий и трансформаций, ставит перед юридическим сообществом новые вопросы, на которые не всегда сразу находят ответы в виде принятых правовых норм, регулирующих данную сферу.

Особого внимания требует регулирование использования новейших технологий в творческом процессе, использование результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет. Распространение создания произведений с помощью технологии искусственного интеллекта вызывает в науке самые многочисленные обсуждения, а правовое регулирование применения данной технологии фактически находится на стадии становления. В России также формируется правовая база, направленная на регламентацию данных правоотношений¹.

Применение искусственного интеллекта (ИИ) при создании произведений — это использование суперсовременных технологий. При этом гражданское законодательство России наделяет правосубъектностью только физическое лицо, которое может быть автором этого произведения, что установлено в ст. 1257 Гражданского кодекса РФ².

Европейский парламент в Резолюции от 20.01.2021³ рекомендовал предоставлять права на произведение, созданное искусственным интеллектом, только физическому лицу. Европарламент призвал Европейскую Комиссию и государства — членов Европейского Союза укреплять сотрудничество с иными странами и международными организациями, развивать диалог для решения проблем, возникающих в связи с развитием ИИ, обмениваться опытом и исследованиями.

Во Франции Высший совет по литературной и художественной собственности предложил создать «специальное авторское право» или применять режим смежных прав, что перекликается с итальянской доктриной о применении в отношении произведений, созданных искусственным интеллектом, правового режима охраны «*sui generis*», аналогичного к содержимому баз данных⁴.

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года); Указ Президента РФ от 15.02.2024 № 124 «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом»; Федеральный проект «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

³ Европарламент принял резолюцию по использованию искусственного интеллекта в военных и мирных целях // URL: <https://rdc.grfc.ru/2021/02/european-parliament-resolution-of-20-january-2021-on-artificial-intelligence/> (дата обращения: 06.01.2025).

⁴ Ерохина Е. Авторские права на произведения, созданные искусственным интеллектом // URL: https://zakon.ru/blog/2024/5/25/avtorskie_prava_na_proizvedeniya_sozdannye_iskusstvennym_intellektom (дата обращения: 05.01.2025).

В науке зарубежной и российской также активно обсуждается правовая природа и сущность искусственного интеллекта¹, так одна из позиций сводится к мнению, что ИИ претендует на правовой статус электронного субъекта права, — это программно-техническое средство, которое обладает биологическими способностями, включающими способность обучаться, заниматься творчеством, проходить тестирование и накапливать опыт. И. В. Понкин и А. И. Редькина² дали классическое определение искусственному интеллекту как искусственной сложной кибернетической компьютерно-программно-аппаратной системе с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия.

На наш взгляд, искусственный интеллект — это, конечно, система, технология. Однако многогранность, способность к развитию, обучению и широта применения технологии искусственного интеллекта вызывают не только положительные оценки от его повсеместного применения, но опасения о результатах, созданного ИИ и это прежде всего сфера интеллектуальной собственности. Творчество человека, в том числе создавшего технологию ИИ, сталкивается с «творчеством» этого же ИИ, а результат такой деятельности с каждым усовершенствованием ИИ становится всё более оригинальным и обладающим новизной.

Например, в Китае Пекинский интернет-суд (BIC) признал защиту авторских прав на изображения, созданные искусственным интеллектом, аргументировав это тем, что изображения соответствуют требованиям оригинальности и отражают инвестиции человека в интеллектуальную собственность³. Данное разбирательство было инициировано истцом по имени Ли, использовавшем программу Stable Diffusion американского стартапа StabilityAI для создания изображения, а затем разместившим его на китайской платформе социальных сетей Xiaohongshu. Ли обвинил блоггера Лю в использовании без разрешения этого изображения на платформе обмена контентом Baijiahao. Ли выиграл, изображение, созданное ИИ, было признано произведением искусства, так как при создании им внесён постоянный человеческий вклад в подсказки и корректировки параметров, что отражает «эстетический выбор и индивидуальное суждение». Отметим, что данное решение имеет под собой и экономическое обоснование: прогнозы показывают, что к 2035 г. китайская индустрия генеративного искусственного интеллекта принесет 30 трлн юаней экономической стоимости, это одна треть от прогнозируемой глобальной стоимости отрасли в 90 трлн юаней.

В свою очередь, Бюро по авторским правам США не обнаружило творческого вклада автора — художника К. Каштановой на изображения, созданные при помощи нейросети Midjourney для комикса «Заря рассвета». Бюро закрепило за ней право на авторство текста комикса и порядок расположения картинок на страницах, фактически это относится к составному произведе-

¹ Кирилова Е. А., Зульфугарзаде Т. Э. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 4. С. 76–80.

² Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2018. Т. 22. № 1. С. 93.

³ Китайский суд признал авторские права на изображение, сгенерированное нейросетью // URL: <https://www.computerra.ru/290743/iskusstvennyj-intellekt-v-kitae-poluchil-avtorskie-prava-na-izobrazhenie/> (дата обращения: 05.01.2025).

нию. А вот изображения не получили защиту авторским правом и их может свободно использовать¹.

Таким образом, общепризнанное правило, что ключевым критерием для признания результатом авторского труда является критерий творческого вклада человека было применено, хотя и по-разному, и в этих двух ситуациях.

Кроме вопроса о признании ИИ автором результата интеллектуальной деятельности, серьезную проблему из-за широкого использования ИИ представляет вопрос о правомерном использовании охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (РИД) и, соответственно, вознаграждении за использование произведений, авторам на чьих материалах обучается этот искусственный интеллект, а затем распространяет созданное в информационном пространстве.

Например, с нарушением авторских прав, без согласия правообладателей, использовался массив данных с извлеченными субтитрами для обучения ИИ, которыми пользовались компании Apple, Nvidia, Salesforce и Anthropic². В базе данных были субтитры 173 536 видео с видеохостинга YouTube, выгруженные с более чем 48 тыс. каналов и эти данные могли использоваться при обучении таких продуктов Apple, как Intelligence и OpenELM, представленных в апреле 2024 г.

Группа исследователей в области искусственного интеллекта в своем исследовании утверждает³, что при нынешних темпах развития искусственного интеллекта, общедоступные данные, которые не требуют при использовании согласия правообладателей, закончатся с 2026 по 2032 г. И тогда естественным образом встанет вопрос о ресурсах для дальнейшего обучения и развития ИИ.

Несмотря на то что и сам ИИ создает новые результаты, все-таки основными источниками для его обучения становятся в первую очередь охраняемые РИД. Компании и сейчас, как мы видим, используют охраняемые материалы без согласия правообладателей, поэтому данный вопрос требует скорейшего законодательного регулирования.

Вопрос об урегулировании проблемы использования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности обсуждается и в российском парламенте. В. И. Матвиенко, Председатель Совета Федерации, привела в пример компанию Google, использующую данные из российского цифрового сегмента в целях переработки и дальнейшей перепродажи полученных результатов другим компаниям. Также ChatGPT, «который буквально «говорит» на русском языке, воспроизводит фрагменты произведений классических и современных авторов, не сообщая ни их имен, ни источника заимствования»⁴. Поэтому на уровне Межпарламентской Ассамблеи СНГ были приняты Рекомендации, направленные на выработку единых правовых и этических

¹ В США отменили защиту авторских прав на комикс, созданный с помощью нейросетей // URL: <https://www.securitylab.ru/news/536617.php> (дата обращения: 05.01.2025).

² Национальное бюро экспертизы интеллектуальной собственности // URL: <https://www.national-expertise.ru> (дата обращения: 05.01.2025).

³ Национальное бюро экспертизы интеллектуальной собственности // URL: <https://www.national-expertise.ru> (дата обращения: 05.01.2025).

⁴ В Совфеде обсудили защиту авторских прав и искусственный интеллект // URL: <https://rg.ru/2024/11/25/rossijskij-ii-obuchat-na-otechestvennyh-dannyh.html> (дата обращения: 03.01.2025).

норм при использовании искусственного интеллекта в странах Содружества. В 2025 г. планируется завершение работы над модельным законом «О технологиях искусственного интеллекта».

Таким образом, необходимость защиты правообладателей, чьи произведения использует искусственный интеллект, требует четкого нормативного регулирования. При этом необходимо согласиться с Е. В. Гюльбасаровой, которая обосновывает необходимость разработки специальных механизмов, с помощью которых, с одной стороны, будет обеспечено соблюдение интеллектуальных прав авторов (правообладателей) объектов авторского и смежного права, а с другой стороны, не будут созданы серьезные барьеры для развития технологий искусственного интеллекта¹.

На наш взгляд, первоочередными мерами, на базе уже принятых действующих норм права, должны быть меры, направленные на профилактику, контроль и санкции за неправомерное использование авторского контента со стороны крупных игроков в цифровом пространстве, то есть тех, кто обладает ресурсами для создания ИИ и его обучения. Дальнейшими действиями должны быть действия законодателя по совершенствованию законодательной базы в данной сфере, в том числе и выплаты вознаграждений правообладателям за использование их охраняемых РИД.

Севастьянова Мария,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

mari.seva.chel@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос об особенностях защиты авторских прав в социальных сетях. Автором приведены меры, которые нужно предпринять, чтобы защитить авторские права на блог в социальной сети. Кроме того, рассмотрены последствия, наступающие в случае нарушения пользователями авторских прав.

Ключевые слова: социальные сети, блог, защита авторских прав, объекты авторских прав, регистрация, водяные знаки, депонирование, гражданская ответственность.

Чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к понятию социальные сети. Согласно определению, социальные сети — это «сетевые услуги, которые позволяют частным лицам: 1) строить общественные или полуофициальные профили в пределах ограничений, наложенных системой; 2) определять список других пользователей, с которыми они могут общаться и делиться информацией; 3) просматривать и связывать их список контактов с другими, созданными пользователями внутри системы»². В настоящее время активное развитие получили блоги, которые представляют собой особый вид социальных сетей. Отличительной особенностью блогов является не-

¹ Гюльбасарова Е. В. Обеспечение охраны интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 19 (10). С. 81–89.

² Boyd D. M. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship / D. M. Boyd, N. B. Ellison // Journal of Computer-Mediated Communication. 2008. № 13. P. 210–230.

обходимость наличия у пользователя особых навыков: умение работать с аудио-, видео- и графическим материалом в другом контексте, нежели это делается в социальных сетях общего доступа.

Блоги в социальных сетях давно стали частью нашей жизни. Однако в последнее время пользователи всё чаще сталкиваются с нарушением авторских прав. Так, А. Н. Шишанова отмечает, что контент, который создают блогеры, имеет определенные особенности, так как необходимо различать объекты авторского права и неохранные объекты. К объектам авторского права относятся тексты, фото, музыка, являющиеся результатом творческого труда, а к неохранным относятся объекты, не имеющие признаков творческого характера¹. Таким образом, использование контента, который представляет собой объект авторских прав, характеризуется определенными особенностями.

В первую очередь, рассматривая данную проблему, необходимо выяснить о каких объектах с точки зрения классификации идет речь? Так, обращаясь к статье 1225 ГК РФ, страницу в социальной сети можно отнести к следующим видам результатов интеллектуальной деятельности: произведение науки, литературы и искусства; база данных².

С одной стороны, страницу можно отнести к произведениям. В таком случае она будет классифицирована как вторичное произведение, или как составное произведение согласно пп. 2 п. 2 ст. 1259 ГК РФ, или как сложный объект согласно ст. 1240 ГК РФ. Рассматривая защиту авторских прав относительно составного произведения, нужно установить, что страница блога представляет собой не обособленные ссылки, файлы, фотографии, а материалы, которые были в особом порядке подобраны и упорядочены. Если же рассматривать страницу с точки зрения сложного объекта, то в таком случае определенные элементы будут самостоятельными объектами авторских прав.

Возвращаясь к классификации, стоит отметить, что защита авторских прав на блоги в социальных сетях может осуществляться и в той ситуации, когда их относят к базам данных. Так, согласно п. 2 ст. 1260 ГК РФ базой данных является представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины. Из данного определения можно сделать вывод, что материалы должны быть систематизированы особым образом, например, с помощью проставления в материалах специальных тегов³.

Для того чтобы защитить авторские права на блог в социальной сети необходимо принять определенные меры. Во-первых, осуществить регистрацию

¹ Шишанова А. Н. Законы блогосферы. Как и кем регулируются авторские права в Сети // URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/zakony-blogosfery-kak-i-kem-reguliruyutsya-avtorskie-prava-v-seti> (дата обращения: 10.12.2024).

² Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.12.2024).

³ Погуляев В. Н. Электронные границы авторского права. Цифровое копирование и пределы свободного использования произведений // URL: <https://media/id/5b713df3654a8700a889c500/avtorskoepраво-i-socialnye-seti-60b75109ab10d057bbb99f95> (дата обращения: 17.12.2024).

авторского права в Роспатенте. Это могут сделать создатели базы данных путем подачи заявления с приложенными к нему материалами, которые позволяют идентифицировать объект регистрации.

Во-вторых, в целях защиты авторских прав установить на изображениях, видео, макетах водяные знаки, которые помогут предотвратить заимствование чужого материала.

В-третьих, произвести депонирование произведения, под которым понимается определенный процесс, когда копия произведения — файл, архив или исходный код — передается на хранение в специальную организацию, а вам выдается свидетельство. Данный документ содержит информацию об авторе и дате передачи материалов, а также является подтверждением того факта, что этот контент существовал на определенную дату и его автором является конкретный человек. Депонирование является одним из самых эффективных и универсальных способов защиты авторских прав, так как этот способ подходит для контента практически любого типа: фото, музыка, видео, тексты, картинки, программы. Данная процедура занимает несколько часов и проходит онлайн. В случае дальнейшего разбирательства в суде свидетельство о депонировании может быть использовано в качестве доказательства.

Если пользователи нарушают авторские права, то несут гражданскую ответственность, которая подразделяется на имущественную и неимущественную. Под имущественной ответственностью понимается возмещение убытков или выплата компенсации, а неимущественная ответственность выражается в восстановлении репутации.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что авторское право представляет собой право на произведение, созданное творческим и интеллектуальным трудом человека, с помощью которого можно защитить материалы от незаконного копирования. В целях защиты авторских прав в социальных сетях стоит помнить о мерах, которые необходимо предпринять для того, чтобы избежать неприятных последствий.

*Слизовская Милана,
студент,*

*Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Россия, г. Москва
ma.slizovskaia@yandex.ru*

ДИЗАЙН ВЕБ-САЙТОВ КАК ОХРАНЯЕМЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: дизайн веб-сайтов как уникальный результат интеллектуальной деятельности требует особого внимания с точки зрения правовой охраны. В статье рассматриваются особенности правового статуса дизайнера веб-сайта как производителя дизайна (объекта авторского права) и дизайнерского решения (объекта патентного права), анализируются ключевые элементы веб-дизайна, а также актуальные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются правообладатели.

Ключевые слова: дизайн веб-сайта, веб-сайт, авторское право, промышленный образец, патент, результат интеллектуальной деятельности.

Веб-дизайн стал неотъемлемой частью современного цифрового мира, и его правовая защита в контексте права интеллектуальной собственности становится всё более актуальной. С развитием Интернета и ростом числа веб-сайтов дизайн этих ресурсов стал важным элементом не только с функциональной, но и эстетической точки зрения. Веб-дизайн включает в себя множество компонентов: графические элементы, шрифты, расположение страниц, цветовые схемы, кликабельные кнопки, фоновые изображения, цветовые комбинации и др. Указанные элементы являются охраноспособными, их правовой статус требует тщательного анализа.

Применительно к дизайну веб-сайтов необходимо отметить, что действующее российское законодательство в сфере интеллектуальной собственности предоставляет различные возможности их правовой охраны: в частности, он может охраняться:

- 1) как произведение дизайна;
- 2) как дизайнерское решение.

Отнесение произведений дизайна к числу объектов авторских прав позволяет сделать вывод о том, что дизайн веб-сайта получает авторско-правовую охрану как произведение с момента его создания.

Авторско-правовая охрана в качестве произведения дизайна предоставляется внешнему виду сайта в целом (интерфейс), без выделения отдельных элементов. В качестве произведения дизайна рассматривается общая визуальная составляющая страницы сайта, отражаемая в восприятии пользователями сети Интернет¹.

Вместе с тем авторско-правовая охрана дизайна веб-сайта вовсе не предполагает самостоятельную охрану каждого составного элемента интерфейса сайта — шрифта, графических объектов и др. Некоторые из указанных элементов становятся самостоятельными объектами интеллектуальных прав, в то время как другие не получают правовой охраны².

Верховный Суд РФ в недавнем Обзоре судебной практики указал: «Дизайн сайта в сети «Интернет» может быть отнесен к объектам авторского права, если судом установлено, что эта форма выражения информации является результатом творческого труда автора»³. Общество требовало запретить использование веб-страницы, которая была выполнена в виде зеркального дизайна: использовались одни и те же графические схемы, шрифты, информация, графические изображения. Даже расположение этих элементов на страницах сайтов является аналогичным, указал истец.

Три судебные инстанции в удовлетворении исковых требований отказали. Так, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что дизайн двух сайтов сходен, но не полностью идентичен. Суд не усмотрел нарушений прав истца также ввиду непредставления достаточных доказательств того, что дизайн сайта ответчика является переработкой, а не творчески самостоятельным,

¹ Право интеллектуальной собственности : учебник / М. А. Рожкова, Л. А. Новоселова, В. С. Ламбина [и др.]. М., 2018. С. 48.

² Рожкова М. А., Исаева О. В. Понятие сайта (веб-сайта) для целей права // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2021. № 2 (32). С. 50.

³ Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.12.2024).

хотя и похожим произведением. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с решениями и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ВС РФ разъяснил, что суду для правильного разрешения спора надлежало установить, что именно истец полагал объектом авторского права, подлежащего защите, действительно ли это является объектом авторского права, принадлежит ли право на него истцу. «В силу общепринятого подхода объект, который удовлетворяет условию оригинальности (то есть не заимствованный, созданный самим автором), может получить авторско-правовую охрану, даже если его реализация была обусловлена техническими соображениями, при условии, что это не мешает автору отражать свою личность в этом объекте, осуществляя свою свободную волю, выбор; когда компоненты объекта характеризуются только своей технической функцией, критерий оригинальности не соблюдается», — указал ВС РФ.

Следовательно, для разрешения вопроса о предоставлении правовой охраны объекту необходимо было установить, проявил ли его автор выбором формы продукта свои творческие способности оригинальным способом, сделав свободный и творческий выбор и моделирование продукта таким образом, чтобы отразить его личность. ВС РФ отметил, что эти вопросы в данном случае требовали специальных знаний, в связи с чем суду надлежало обсудить вопрос о назначении экспертизы, чего сделано не было.

Вместе с тем дизайн веб-сайта может получить правовую охрану в качестве объекта патентных прав. Пунктом 1 ст. 1352 ГК РФ устанавливается патентно-правовая охрана промышленных образцов, в качестве которых охраняются решения внешнего вида изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства. Патентно-правовая охрана устанавливается не с момента создания результата интеллектуальной деятельности — для этого необходимо получить патент¹.

Промышленному образцу предоставляется охрана, если по своим существенным признакам он является новым и оригинальным. К существенным признакам промышленного образца, учитываемым при предоставлении правовой охраны, в соответствии с абз. 3 п. 1 ст. 1352 ГК РФ относятся признаки, определяющие эстетические особенности внешнего вида изделия, в частности форма, конфигурация, орнамент, сочетание цветов, линий, контуры изделия, текстура или фактура материала изделия. Признаки внешнего вида изделия, обусловленные исключительно технической функцией изделия, не являются охраняемыми признаками промышленного образца². Право на промышленный образец удостоверяется патентом на основании государственной регистрации. Охрана интеллектуальных прав на промышленный образец предоставляется в объеме, определяемом совокупностью существенных признаков промышленного образца, нашедших отражение на изображениях внешнего вида изделия, содержащихся в патенте на промышленный образец (п. 3 ст. 1354 ГК РФ).

¹ Гринь Е. С. К вопросу об основных категориях стандартизации процедур распределения интеллектуальных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 5. С. 70–73.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.12.2024).

Патентно-правовая охрана, в отличие от авторско-правовой, может быть предоставлена дизайнерскому решению (решению внешнего вида) как в целом общей визуальной «картинке» сайта, так и отдельно его составным элементам — к примеру, используемому на сайте шрифту.

Следует обратить внимание на то, что составляющие дизайнерского решения интерфейса веб-сайта могут охраняться и в качестве иных объектов интеллектуальных прав — цветовое решение сайта может основываться на сочетании цветов, получивших правовую охрану в качестве товарного знака.

Таким образом, авторско-правовую охрану в качестве произведения дизайна получает общая визуальная составляющая страницы сайта, в то время как патентно-правовая охрана в качестве дизайнерского решения может быть предоставлена как внешнему виду страницы сайта в целом, так и его составным элементам.

Дизайн веб-сайта представляет собой сложный объект, который требует внимательного анализа и понимания как юридических норм, так и творческих процессов. С учетом быстрого развития технологий, в том числе искусственного интеллекта, необходимо продолжать исследования в этой области и адаптировать законодательство к новым реалиям и вызовам цифрового пространства.

Стебаев Александр,
аспирант,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Россия, г. Москва
tvoyiurist@mail.ru

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ДОГОВОРА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ УДАЛЕННОГО ДОСТУПА К ФУНКЦИОНАЛУ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ

Аннотация: современный рынок предлагает пользователям компьютерных устройств широкий ассортимент программных продуктов предназначенных для решения различных задач, которые предоставляются пользователям для использования по различным вариантам оформления соответствующих отношений. Помимо предоставления программного продукта по лицензии или продажи его экземпляра широкое распространение получила модель «Software as a Service» (или «программное обеспечение как услуга»), при которой пользователю предоставляется не сам экземпляр программы для ЭВМ, а лишь удаленный доступ к ее функционалу. Обозначенная особенность создает почву для дискуссий о правовой природе соответствующих отношений и подлежащих применению к ним правовых норм.

Ключевые слова: лицензионный договор, программы для ЭВМ, удаленный доступ, программа как услуга, облачные услуги.

Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ при квалификации договора для решения вопроса о применении к нему правил об отдельных видах договоров (пункты 2 и 3 статьи 421 ГК РФ) необходимо прежде всего учитывать существо законодательного регулирования соответствующего вида обязательств и признаки договоров, предусмотренных законом или иным правовым актом¹. Поскольку договор о предоставлении удаленного досту-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).

па к функционалу программы для ЭВМ в законе как самостоятельный вид договора на сегодняшний день не поименован, говорить о существовании законодательно установленных признаках такого договора не приходится. В этой связи подлежащие применению к соответствующим отношениям правовые нормы, необходимо определять исходя из существа отношений, возникающих в связи с его заключением.

Договор о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ заключается по поводу соответствующего результата интеллектуальной деятельности — программы для ЭВМ. Результаты интеллектуальной деятельности представляют собой особого рода объекты гражданского права, в отношении которых существуют интеллектуальные права (в том числе исключительное право), а не право собственности, которое возникает в отношении таких объектов гражданского права, как вещи и иное имущество. Данное обстоятельство предопределило внедрение особых форм договоров по поводу результатов интеллектуальной деятельности, регламентированных положениями четвертой части Гражданского кодекса РФ. Одним из таких договоров является лицензионный договор, по которому одна сторона (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования результата интеллектуальной деятельности в предусмотренных договором пределах (пункт 1 статьи 1235 ГК РФ).

В качестве квалифицирующего признака лицензионного договора О. А. Рузакова выделяет его направленность на предоставление лицензиату права использования предусмотренного договором результата интеллектуальной деятельности в определенных пределах¹. В случае с программой для ЭВМ в качестве соответствующих пределов представляется необходимым рассматривать два типа показателей: качественные, то есть конкретные способы использования программы для ЭВМ (например, воспроизведение, распространение) и количественные (например, количество устройств на которых одновременно может быть запущена программа для ЭВМ, количество пользователей).

Представляется, что указанное выше в полной мере справедливо и для договора о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ. Однако стоит признать, что вопрос о квалификации соответствующих отношений в юридической науке до сих пор является достаточно дискуссионным. Например, А. И. Савельев квалифицирует отношения по предоставлению удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ в качестве договора возмездного оказания услуг², а В. В. Видьма в качестве лицензионного договора³.

Отпуская дискуссии по поводу правовой природы исследуемых отношений, необходимо сделать акцент на том, что для пользователя ключевым является возможность использовать программу для ЭВМ по ее функциональному назначению. Соответствующее намерение выступает в качестве

¹ Рузакова О. А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 302.

² Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М. : Статут, 2014. С. 358–359.

³ Видьма В. В. Особенности договоров о распоряжении исключительными авторскими правами : дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск., 2017. С. 133–134.

причины заключения договора о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ. Таким образом, в качестве ключевого квалифицирующего признака обозначенного договора, следует определить его направленность на предоставление пользователю удаленной возможности использовать функционал программы для ЭВМ в предусмотренных договором пределах. Отсутствие у пользователя непосредственного доступа к самому экземпляру программы для ЭВМ, в данном случае выступает лишь в качестве особенности таких отношений, обуславливающей дополнительные обязательства «облачного» провайдера по обеспечению надлежащего доступа пользователя к функционалу программы для ЭВМ и, возможно, оказанию каких-либо дополнительных «облачных» услуг.

С учетом вышесказанного можно сделать вывод о том, что нормы о лицензионном договоре будут применимы и к отношениям из договора о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ в части, не противоречащей особенностям данных отношений, связанных с отсутствием у пользователя непосредственного доступа к экземпляру программы для ЭВМ. Вместе с тем в части дополнительных обязательств «облачного» провайдера перед пользователем, справедливым будет применение отдельных правовых норм о договоре возмездного оказания услуг без ущерба основной (лицензионной) составляющей возникших между пользователем и «облачным» провайдером договорных отношений.

Супруненко Владлена
практикующий юрист,
ООО «Мистраль Трейдинг»
Россия, г. Москва
yu.suprunenko@yandex.ru

ПРЕСЕЧЕНИЕ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОВАРНОГО ЗНАКА В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Аннотация: в статье рассматриваются основные аспекты защиты прав на товарные знаки, используемые в доменных именах, включая характеристику нарушений, существующие правовые механизмы защиты прав, разновидности способов пресечения нарушений и особенности субъектного состава «доменных» отношений для целей определения надлежащего ответчика.

Ключевые слова: использование товарного знака в доменном имени, доменные споры, недобросовестная конкуренция путем регистрации доменного имени, пресечение нарушений прав на товарные знаки.

Ситуации незаконного использования товарного знака в сети «Интернет» достаточно разнообразны. Нарушитель может осуществлять продажу контрафактного товара посредством интернет-сайта, на котором размещаются изображения брендированных товаров. В целях переадресации потребителей на сайт недобросовестного продавца часто чужой товарный знак используется в доменном имени. Кроме того, в целях продвижения сайта с помощью контекстной рекламы, словесный товарный знак используется в качестве ключевого слова при настройке рекламных объявлений. В рамках данной

статьи будут рассмотрены основные аспекты незаконного использования товарного знака в доменном имени¹.

Проблематика споров, связанных с доменными именами, в наибольшей степени раскрывается в позициях высших судебных инстанций. Так, Пленум Верховного Суда РФ раскрывает следующие случаи неправомерного использования товарного знака в доменном имени: 1) использование доменного имени, тождественного или сходного до степени смешения с товарным знаком, осуществляется в отношении товаров, однородных тем, для которых предоставлена правовая охрана этому товарному знаку; 2) недобросовестная регистрация доменного имени². Вторая разновидность нарушения может иметь место в так называемых случаях «киберсквоттинга», которые заключаются в намеренной регистрации в качестве доменного имени уже существующего товарного знака для целей дальнейшей перепродажи такого домена правообладателю по завышенной цене. В силу того, что правовая охрана товарного знака ограничена перечнем товаров, в отношении которых осуществлена регистрация знака, правообладатель не сможет защитить знак, если на сайте под спорным доменом будут предлагаться к продаже неоднородные товары. Так, в деле № А45-15457/2020 истцу было отказано в запрете использования товарного знака в доменном имени, так как истец не доказал факт использования ответчиком спорного домена для осуществления деятельности в отношении товаров, для которых зарегистрирован товарный знак истца. Запрет на использование товарного знака может касаться только конкретных товаров или (и) услуг, в отношении которых судом установлено нарушение исключительного права³. Однако существует исключение в отношении общеизвестных товарных знаков, так как их правовая охрана распространяется на неоднородные товары. В подобной ситуации правообладателю следует выстраивать стратегию защиты по направлению признания регистрации доменного имени актом недобросовестной конкуренции, который способен вызвать смешение товаров правообладателя с товарами конкурента.

Существуют различные механизмы защиты правообладателей. В первую очередь следует использовать досудебный порядок урегулирования спора путем направления претензии владельцу сайта о прекращении нарушений прав. В рамках юрисдикционных форм защиты правообладатель может обратиться как в суд, так и в компетентный административный орган с целью признания неправомерных действий актом недобросовестной конкуренции. Административный порядок разрешения спора позволит упростить процесс доказывания правонарушения. Если антимонопольный орган признает изложенные в заявлении обстоятельства обоснованными для возбуждения антимонопольного дела, то в последующем сбором дока-

¹ Право интеллектуальной собственности : учебник / Л. А. Новоселова, А. И. Балашова, В. В. Голофаев [и др.]. (3-е изд., пер. и доп) М., 2023. С. 47.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.11.2024).

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.05.2021 № С01-717/2021 по делу № А45-15457/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.11.2024).

зательств будет заниматься именно уполномоченный орган. В дальнейшем материала дела могут быть использованы в гражданском процессе для применения мер гражданско-правовой ответственности к нарушителю. Также имеет смысл воспользоваться вспомогательным механизмом защиты в виде обеспечительных мер, которые являться ускоренным средством судебной защиты, направленным на обеспечение исполнения будущего судебного решения либо сохранение существующего состояния отношений между сторонами спорных правоотношений во избежание причинения ущерба заявителю (сохранения статус-кво в отношениях сторон) до момента разрешения спора¹. Например, правообладатель может подать в суд заявление о принятии обеспечительных мер в виде запрета администратору совершать какие-либо действия, направленные на отказ или передачу прав администрирования спорных доменных имен, включая смену регистратора, аннулирование доменного имени и передачу права администрирования другому лицу. Достаточным основанием для удовлетворения подобного ходатайства является представление заявителем доказательств наличия у него права на товарный знак, а также его нарушения и обоснования причины обращения с требованием о применении обеспечительных мер². Альтернативный порядок установления ограничений на действия с доменными именами, зарегистрированных в национальной зоне РФ, предусмотрен Положением Координационного центра³. При возникновении доменного спора специализированная организация по заявлению правообладателя может устанавливать ограничения на действия с доменными именами как на досудебной стадии, так и после возбуждения судебного производства (в качестве срочных мер при отсутствии судебного акта об обеспечении иска на срок до 90 календарных дней, либо на основании такого судебного акта).

Одним из способов защиты исключительных прав на товарный знак является предъявление требования о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (пп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ). Данный способ защиты имеет своей целью как пресечение происходящих неправомерных действий, так и предупреждение действий, направленных на нарушение прав. В зависимости от обстоятельств дела данное требование может быть выражено истцом в различном виде (например, требование об обязанности удалить информацию о конкретных видах товаров на соответствующем сайте, о прекращении адресации на сайт, об аннулировании регистрации доменного имени). Также у правообладателя есть возможность предъявить в суд требование о передаче права администрирования доменным именем. Такой способ пресечения допускается в случаях, когда сама регистрация домена признана нарушением и такая

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.11.2020 № 305-ЭС20-16127 по делу № А41-85820/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.11.2024).

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.11.2024).

³ Положение «О процедурах, подлежащих применению при возникновении споров о доменных именах» (утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 20.09.2012 № 2012-07/47) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.11.2024).

передача не противоречит действующему регулированию, а также не нарушает права третьих лиц¹.

В силу специфики субъектного состава правоотношений администрирования сайта требование о пресечении неправомерных действий может быть предъявлено не только к непосредственному нарушителю (владельцу сайта), но и к иным лицам, которые способны пресечь такие действия. Такими лицами могут являться администратор и регистратор доменного имени². По общему правилу непосредственный пользователь сайта и администратор доменного имени являются одним лицом. Однако администратор путем заключения так называемого договора об «аренде доменного имени» может предоставить право администрирования сайта третьему лицу без уведомления об этом регистратора. Подобная ситуация создает проблемы при определении надлежащего ответчика при предъявлении требований в суд.

По общему правилу надлежащим ответчиком по иску о пресечении доменного нарушения, а также о взыскании убытков или компенсации является администратор доменного имени, так как именно он ответственен за выбор и регистрацию домена и администрирование сайта. Администратор доменного имени не может снять с себя ответственность за нарушение исключительного права на товарный знак и/или переложить ее на другое лицо посредством заключения какого-либо договора³. Однако в некоторых ограниченных случаях требование о пресечении может быть предъявлено к регистратору как лицу, имеющему техническую возможность пресечь нарушение. На практике отмечаются несколько таких ситуаций: 1) регистратором совместно с администратором допущено нарушение при регистрации доменного имени (например, согласованные действия регистратора и администратора по регистрации доменного имени в обход преимущественного права других лиц), 2) невозможно достоверно установить администратора домена (в частности, если при регистрации представлены недостоверные данные)²⁰⁴.

Таким образом, правообладателю необходимо применять комплексный подход к вопросу защиты прав на товарный знак в контексте доменных споров, используя наиболее эффективные механизмы защиты прав. Данная категория споров имеет значительную специфику, поэтому при предъявлении исковых требований следует руководствоваться разъяснениями судебных органов и правоприменительной практикой, что позволит с наибольшим успехом выстроить стратегию защиты в суде.

¹ Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при рассмотрении требований о пресечении нарушений исключительных прав (утверждены постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 18.04.2024 № СП-22/6) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).

² Администратор — пользователь, на имя которого зарегистрировано доменное имя в Реестре; Регистратор — юридическое лицо, аккредитованное Координатором для регистрации доменных имен в доменах .ru и/или .rf (Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .RF, утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 05.10.2011 № 2011-18/81 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).)

³ Справка по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров, утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП-21/4 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).

Тарасенко Семен,

студент

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

Semastop@gmail.com

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ЗА ДЕЙСТВИЯ СВОИХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Аннотация: статья посвящена исследованию ответственности социальных сетей за своих пользователей. Автором произведен анализ действующего законодательства, юридической литературы и мнений действующих адвокатов, были рассмотрены правовые коллизии, связанные с нарушением интеллектуальных прав пользователями социальных сетей. Делается вывод о возможности привлечения социальных сетей к ответственности за своих пользователей через ст. 1253.1 ГК РФ, а также в случаях ошибок в модерации.

Ключевые слова: социальные сети, интеллектуальные права, авторские права, ответственность социальных сетей, информационный посредник.

Проблемы правоприменения в сфере защиты интеллектуальных прав в социальных сетях: Интернет является динамично развивающейся сетью, в которой постоянно генерируются новые процессы, а законодательство зачастую не успевает адекватно реагировать на стремительные изменения в технологической сфере. В результате чего возникают многочисленные коллизии, связанные с определением границ правовой ответственности участников гражданского оборота в сети Интернет, особенно в отношении социальных сетей, которых сейчас насчитывается более 100 по всему миру. Мессенджеры прочно интегрировались в нашу жизнь, охватив 62 % населения.

В рамках данной статьи я хотел бы раскрыть такую насущную проблему, как ответственность платформ за контент пользователей.

С ростом популярности социальных сетей наблюдается увеличение числа нарушений интеллектуальной собственности. Злоумышленники, пользуясь анонимностью и поддельными аккаунтами, незаконно копируют и распространяют авторские материалы других пользователей. Такая деятельность, направленная на извлечение коммерческой выгоды посредством монетизации профилей и заключения рекламных контрактов, требует внедрения эффективных механизмов контроля и модерации как на уровне социальных сетей, так и на уровне государственного регулирования.

Существующие нормативные правовые акты, разработанные преимущественно для традиционных средств массовой информации, не всегда могут быть применены к сфере социальных сетей. Нормы гражданского законодательства, такие как статьи 1250, 1257 и 1300 ГК РФ, а также разъяснения Верховного Суда РФ, содержащиеся в постановлении Пленума от 23.04.2019 № 10, позволяют лишь косвенно интерпретировать отдельные правоотношения, возникающие в сфере социальных сетей и исключительных прав. Отсутствие прямого нормативного регулирования порождает правовую неопределенность и затрудняет судебную защиту прав как платформ, так и их пользователей. Судебная практика по данным вопросам пока недостаточна сформирована, а общие положения Гражданского кодекса РФ не всегда

позволяют дать однозначную правовую оценку конкретным действиям, связанным с нарушением исключительных прав в социальных сетях.

С одной стороны, социальные сети предоставляют возможность коммуницировать, обмениваться информацией и создавать контент.

С другой стороны, они порождают возможность недобросовестным пользователям незаконно использовать чужой материал, размещать вредоносные файлы и программы. В такой ситуации одним из ключевых вопросов будет: являются ли социальные сети нейтральным посредником, предоставляющим техническую платформу для общения, или же они выступают в роли информационного посредника и согласно ст. 1253.1 ГК РФ, будут нести ответственность за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети?

Ссылаясь на п. 77 ПП ВС РФ от 23.04.2019 № 10¹ можно сделать вывод, что социальные сети можно отнести к информационному посреднику если характер ее деятельности будет соответствовать положениям ст. 1253.1 ГК РФ. Примером является спор между онлайн-платформой GoodGame и «КХЛ-Маркетинг» дело № 3-0263/2021², в которой суд отнес онлайн-площадку к информационному посреднику.

Одним из фундаментальных принципов функционирования социальных сетей является принцип нейтралитета сети, предполагающий предоставление пользователям равного доступа к информационным ресурсам и отсутствие цензуры со стороны платформы. Многие мессенджеры позиционируют себя в качестве нейтральных посредников, стремясь таким образом минимизировать свою ответственность за содержание передаваемой информации. Позицию мессенджера Telegram можно рассматривать как пример нейтральной платформы для коммуникации. Согласно данным Интерфакса³, администрация Telegram не предоставляет российским властям ключи шифрования, тем самым обеспечивая конфиденциальность пользовательских данных. Одновременно, мессенджер заявляет о сотрудничестве с властями в борьбе с экстремизмом и терроризмом, что позволяет ему дистанцироваться от противоправной деятельности пользователей. Такой подход позволяет пользователям свободно общаться, не опасаясь вмешательства властей в их переписку, при этом снимая с платформы ответственность за содержание сообщений.

Исключением из данного принципа является модерация — неотъемлемая часть каждой социальной сети. Ее уровень и строгость зависит от внутреннего законодательства страны, в рамках которого осуществляется деятельность той или иной площадки. В случае прямого нарушения прав модераторы должны немедленно заблокировать аккаунт или удалить контент.

Однако не все социальные сети добросовестно производят модерацию на своих площадках, зачастую пропуская материал, нарушающий исключитель-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/27773/> (дата обращения: 15.11.2024).

² Решение Московского городского суда от 19.03.2021 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы Российской Федерации. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/f80b7481-5fe2-11eb-a2ca-c99dcfd99?participants=OOO+> «Мидиан» (дата обращения: 10.11.2024).

³ Источник рассказал о сотрудничестве Telegram с российскими властями» (18.06.2020) // Официальный сайт Интерфакс Российской Федерации. URL: <https://www.interfax.ru/russia/713753> (дата обращения: 12.11.2024).

ные права других пользователей. И основной проблемой является то, что платформы не несут ответственности за свои ошибки в модерации, ссылаясь на невозможность проверить весь контент и все зарегистрированные аккаунты.

По мнению Р. М. Янковского, «Социальные сети, пользуясь отсутствием соответствующего регулирования (за исключением ст. 1253.1 ГК РФ об информационных посредниках), недостаточно охраняют права рядовых пользователей на защиту от нарушения исключительных прав. И в настоящий момент, несмотря на декларируемое соблюдение исключительных прав, социальные сети не заинтересованы в том, чтобы внедрять технические способы защиты прав авторов»¹. Данная незаинтересованность может быть вызвана позицией судов касательно нарушения исключительных прав в социальных сетях: «Осуществление пре- и постмодерации в отношении загружаемого контента без конкретного обращения невозможно, учитывая: количество пользователей, объемы загрузок и удалений пользовательского контента»². Исходя из вышесказанного мы можем сделать вывод, что в настоящий момент практика складывается таким образом, что суды освобождают полностью или частично социальные сети от ответственности, ссылаясь на сложность обработки большого объема информации. Однако, по моему мнению, одной из основных задач площадки является предоставление благоприятных условий для пользования, путем грамотно выстроенной модерации, которая может обрабатывать неограниченный объем контента/аккаунтов, если же площадка не справляется с данными задачами, то невозможно говорить о ее законной деятельности.

Пример, где мессенджер не понес ответственность за деятельность его пользователей подробно раскрыт в статье «Проблема нарушения авторских прав в социальных сетях, в том числе признанных экстремистскими» М. З. Шевцовой³. В деле о нарушении авторских прав на Reels для Instagram⁴ была доказана вина С. В. Булавина в незаконном использовании и переработки интеллектуальной собственности Ю. И. Юминой. Решением от 26.04.2024 АСМО в пользу истца была взыскана компенсация в размере 300 000 руб. (А41-101804/23). Однако социальная сеть, которая не произвела должную модерацию и не удалила своевременно неправомерный контент, ответственности не понесла.

Исходя из вышесказанного можно выделить несколько подходов, направленных на решение данной проблемы:

1. Введение обязательной идентификации личности при регистрации путем сканирования лица / отпечатка пальца / предоставления документов, подтверждающих личность. Это затруднит использование фейковых аккаунтов и анонимное распространение запрещенной информации. Каждый

¹ Янковский Р. М. Социальные сети: вопросы защиты исключительных прав пользователей // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-voprosy-zaschity-isklyuchitelnyh-prav-polzovateley-statya/viewer> (дата обращения: 09.11.2024).

² Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-150342/13 от 15.09.2014 // Картотека арбитражных дел Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IUbF8LhUbYmO/> (дата обращения: 16.11.2024).

³ Шевцова М. З. Проблема нарушения авторских прав в социальных сетях, в том числе признанных экстремистскими // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problema-narusheniya-avtorskikh-prav-v-sotsialnykh-setyakh-v-tom-chisle-priznannykh-ekstremistskimi/> (дата обращения: 19.11.2024).

⁴ Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 компания «Мета Платформс, Инк.» (Meta Platforms, Inc.) признана экстремистской организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

аккаунт будет привязан к биометрии человека, тем самым возможность зарегистрировать анонимный аккаунт будет сведена к нулю.

2. Внедрение в систему модерации социальных сетей искусственного интеллекта, который сможет более эффективно и в большем объеме обрабатывать информацию и выявлять нарушения. Кроме того, производительность и объем обрабатываемой информации ИИ гораздо больше, чем у человека. Подобное нововведение изменит позицию судов о невозможности обработки большого объема контента.

3. Применение технологии блокчейн в системе мессенджера позволит создать прозрачную и неизменяемую запись всех транзакций/действий, которые помогут отследить происхождение информации и тем самым выявить правонарушителя (его IP-адрес, данные и другую информацию), что также позволит снизить количество правонарушений.

4. Законодательно установить прямую ответственность социальных сетей за нарушения исключительных прав на их платформах, которые вызваны некачественной модерацией, путем принятия нового Федерального закона, подробно регулирующего работу мессенджеров. А также внести поправки в действующие положения ГК и Федерального закона от 27.07.2006 № 149.

Тарасова Анастасия,

Студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

anastasiatarasova0504@gmail.com

РИСКИ ПАРАЗИТИРОВАНИЯ НА РЕПУТАЦИИ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КЛЮЧЕВОГО СЛОВА ТОЖДЕСТВЕННОГО ТОВАРНОМУ ЗНАКУ

Аннотация: в статье акцентируется внимание на распространение паразитирования хозяйствующих субъектов при использовании в качестве ключевых слов в контекстной рекламе тождественных товарных знаков, пробелы в правовом регулировании и предлагается вариант решения проблемы.

Ключевые слова: товарный знак, введение потребителя в заблуждение, смешение, контекстная реклама, ключевое слово, паразитирование

Присущие современному миру перманентная конкуренция на товарных рынках и высокий уровень развития новых технологий масштабируют развитие различных способов привлечения внимания потребителей к товару в сети «Интернет». В частности, «безграничное полотно» страниц результатов поиска поисковых систем обуславливает стремление производителей попасть в число лидеров, что возможно осуществить посредством использования механизмов контекстной рекламы.

Контекстная реклама способствует обеспечению расположения рекламных объявлений на странице результатов поиска в соответствии с заданными со стороны рекламодателя ключевыми словами, частотой и фактичностью их упоминания потенциальным потребителем в поисковой системе. Из этого

следует, что за счет заданных алгоритмов контекстная реклама должна способствовать более точному удовлетворению потребностей Пользователей.

Однако на практике некоторые рекламодатели используют данный принцип осуществления поиска информации в целях изменения существующего намерения потребителя в части перехода на запрашиваемую страницу результата поиска. Подобное «манипулирование» реализуется посредством использования в качестве ключевого слова тождественного товарного знака правообладателя.

Парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что подобный факт использования товарного знака не является нарушением исключительного права на данное средство индивидуализации, предусмотренного положениями статьи 1488 Гражданского кодекса РФ¹. При включении в качестве ключевого слова товарного знака, во-первых, не реализуется индивидуализирующая функция данного средства индивидуализации, при подобном использовании отсутствует цель идентификации конкретного товара или страницы результатов поиска. Во-вторых, пользователю не известно относительно того, по каким ключевым словам он может получить выход на интересующую его информацию². Другими словами, положения IV главы ГК РФ не позволяют выявить нарушение прав правообладателя при использовании в качестве ключевого слова товарного знака.

При этом в соответствии с позицией Верховного Суда РФ³ неправомерное использование рекламодателем ключевого слова, тождественного или сходного до степени смешения с товарным знаком, принадлежащим правообладателю с учетом цели использования может быть признано актом недобросовестной конкуренции связанной с созданием смещения, предусмотренной статьей 14.6 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

В ходе анализа сложившейся российской антимонопольной и судебной практики по вопросу наличия акта недобросовестной конкуренции в виде смещения можно прийти к выводу о наличии правовой дихотомии в предмете доказывания, которая выражается в необходимости установления как наличие факта недобросовестной конкуренции, так и незаконного использования обозначения, тождественного средству индивидуализации.

В частности, правообладателям удавалось доказать наличие смещения в случае использования фактически не видного потребителю ключевого слова тождественного товарному знаку исключительно в связке с использованием такого товарного знака в рекламном объявлении (товарный знак «Ризур»)⁴, либо в виде отображаемой ссылки (товарный знак «Випсилинг»)⁵.

Таким образом, для признания действий конкурента актом недобросовестной конкуренции недостаточно прямого упоминания товарного знака в качестве ключевого слова, также важна отображаемая визуальная составляющая его использова-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. 2006. № 289.

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.12.2021 № C01-1991/2021 по делу № A45-3036/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2025).

³ См.: п. 172 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 96.

⁴ Решение Рязанского УФАС России от 24.08.2020 по делу № 062/01/14.6-247/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2025).

⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.12.2021 № C01-1991/2021 по делу № A45-3036/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2025).

ния¹. Другими словами, ключевое слово должно являться «элементом цепочки действий, направленных на создание у потребителей и других контрагентов смешения между товарами сторон, в том числе путем привлечения покупателей, вводящих в поисковую строку название товара»², которое может образовать состав введения в заблуждения, предусмотренный статьей 14.2 Федерального закона № 135.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что российское законодательство рассматривает возможность установления запрета на использование ключевых слов тождественных товарным знакам исключительно через призму недобросовестной конкуренции.

Однако в подобном регулировании видятся «правовые пробелы». В частности, предполагаем, что использование рекламодателями подобных ключевых слов в отношении правообладателей, действующих на не конкурентном товарном рынке. В данном случае намерение хозяйствующего субъекта также может быть направлено на использование репутации правообладателя, что фактически будет выражаться в скрытом паразитировании. Ввиду отсутствия факта недобросовестной конкуренции подобные действия не будут признаны неправомерными, хотя факт использования фантазийного товарного знака очевидно свидетельствовал об умышленном характере действий рекламодателя.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в случае отсутствия состава недобросовестной конкуренции положения действующего законодательства не позволяют предотвратить акт потенциального злоупотребления. В связи с этим предлагается внести изменения в положения пункта 20 статьи 5 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» и дополнить следующей формулировкой «20) об изготовителе или о продавце рекламируемого товара, в контекстной рекламе».

Титов Илья,

*юрист практики защиты прав интеллектуальной собственности
международной юридической фирмы ADVANT Beiten;*

*аспирант кафедры гражданского права
и процесса и международного частного права,*

Юридический институт,

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
магистр права Свободного университета Берлина (LL.M.)*

Россия, г. Москва

1142230458@rudn.ru

ORCID: 0009-0006-4961-470X

Author ID в РИНЦ: 1223836

ДОМЕННЫЕ СПОРЫ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ

Аннотация: актуальное правовое регулирование досудебной стадии доменных споров не позволяет правообладателям и администраторам спорных доменов разрешать

¹ Письмо ФАС России от 22.08.2018 № АД/66643/18 «По вопросу о разграничении применения статей 14.2 и 14.6 Закона «О защите конкуренции».

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 07.11.2022 № С01-1363/2022 по делу № А38-4726/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2025).

конфликты на досудебной стадии, в связи с тем, что досудебные ограничения и обеспечительные меры, с учетом сроков их действия, вынуждают правообладателя переносить спор в судебную плоскость. Автор предлагает внести изменения в части сроков действия досудебных ограничений координатора в сторону из увеличения до 90 календарных дней.

Ключевые слова: доменный спор, обеспечительные меры, status quo, германская практика, DENIC, досудебное урегулирование споров, координатор домена верхнего уровня, национальная регистратура

Введение

Основными задачами судопроизводства являются, в частности, содействие мирному урегулированию споров и формирование обычаев и этики делового оборота, которые достигаются спорящими сторонами в том числе посредством досудебного порядка урегулирования спора¹.

Однако для реализации данной возможности, правообладатель товарного знака должен иметь известные гарантии того, что во время таких досудебных переговоров с администратором домена — потенциальным нарушителем исключительного права правообладателя на товарный знак — администратор не передаст право администрирования спорного домена третьему лицу. Для предотвращения такого положения дел могут использоваться обеспечительные меры (в широком понимании), которые как раз и направлены на сохранение существующего состояния отношений (*статус-кво*) между сторонами спора² — правообладателем товарного знака и администратором домена.

Однако на практике правообладатели сталкиваются с правовыми проблемами при попытке урегулирования спора на досудебной стадии, что вынуждает их (правообладателей) обращаться в суд, что влечет не только с временные и финансовые расходы на стороне истцов-правообладателей, но и дополнительную нагрузку на судебную систему государства.

Досудебная стадия и внесудебные ограничения

Обеспечительные меры могут быть как *судебными*, которые подразделяются на предварительные и заявляемые одновременно с иском заявлением или в процессе производства по делу, и *внесудебными*, которые, для отличия от первых, именуются досудебными ограничениями.

В мировой практике условия введения внесудебных обеспечительных мер по доменным спорам, как правило, устанавливаются соответствующими правилами национальных регистратур — администраторов национальных доменов верхнего уровня. В России администратором национальных доменов верхнего уровня .ru и .рф выступает Автономная некоммерческая организация «Координационный центр национального домена сети Интернет» (далее — Координатор), которая для достижения уставных целей, в частности, целей содействия повышению безопасности использования Интернета «обеспечивает внедрение альтернативных процедур и развитие эффективных методов урегулирования споров, связанных с регистрацией доменных

¹ Обзор практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).

имен»¹. В Германии аналогичные функции в отношении национального домена верхнего уровня .de выполняет общество DENIC eG (далее — DENIC).

В соответствии с п. 2.1.1 Положения² Координатора правообладатель вправе обратиться с заявлением к регистратору спорного домена о принятии досудебных ограничений. Декларируемая цель таких ограничений — обеспечение возможности правообладателя предъявления исковых требований к администратору в судебном порядке, для чего устанавливается временный запрет на аннулирование регистрации домена, передачу права администрирования другому лицу, а также на передачу домена другому регистратору.

Досудебные ограничения устанавливаются на срок 14 календарных дней, после чего их действие прекращается автоматически и повторное их принятие по тем же основаниям не допускается.

Согласно условиям регистрации доменов DENIC (*DENIC-Domainbedingungen*, далее — Условия), германским регистратором также могут быть введены досудебные ограничения связанные с ограничением передачи права администрирования спорного домена третьему лицу³. Согласно абз. 3 § 2 Условий, досудебные ограничения вводятся в том случае, когда правообладатель предоставляет доказательства того, что принадлежащее ему [исключительное] право может быть нарушено администрированием спорного домена и, если правообладатель делает заявление о том, что он предъявит связанные с этим требования к администратору. Досудебные, а с учетом их особенностей, внесудебные ограничения вводятся на 1 год, с возможностью их продления при необходимости.

Таким образом, в отличие от российского регулирования, в Германии у правообладателя гораздо больше переговорных возможностей на досудебной стадии правового конфликта.

Возвращаясь к российскому Положению, мы можем заключить, что оно, по сути, блокирует возможность проведения каких-либо переговоров, так как с учетом установленного срока обеспечительных мер в 14 календарных дней правообладатель де-факто сразу после их введения должен обратиться за предварительными обеспечительными мерами в суд и, в конечном итоге с исковым заявлением в суд.

Представляется, что такое положение дел не в полной мере отвечает достижению уставных целей Координатора.

По смыслу ч. 5 ст. 4 во взаимосвязи с п. 7 ч. 1 ст. 126 АПК РФ правообладатель до обращения в суд с требованием о взыскании компенсации, предусмотренной подпунктами 1 или 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ обязан соблюсти и предоставить суду в качестве приложения к исковому заявлению доказа-

¹ Устав автономной некоммерческой организации «Координационный центр национального домена сети Интернет» с последними изменениями на основании решения Общего собрания учредителей (протокол № 22 от 01.12.2021) // URL: <https://cctld.ru/about/orgstructure/charter.pdf> (дата обращения: 06.01.2025).

² Положение «О процедурах, подлежащих применению при возникновении доменных споров», утверждено решением от 17.12.2019 № 2019-05/31, изменено решением от 11.10.2024 № 02-32 (дата начала действия документа: 18 ноября 2024 г.), приложение к Правилам регистрации доменных имен в доменах .ru и .рф // URL: https://cctld.ru/files/pdf/docs/project_litigations.pdf (дата обращения: 06.01.2025).

³ DENIC-Domainbedingungen // URL: <https://www.denic.de/domainbedingungen/> (дата обращения: 06.01.2025).

тельства соблюдения досудебного претензионного порядка урегулирования спора. Установленный в ч. 5 ст. 4 АПК РФ срок досудебного урегулирования составляет 30 календарных дней.

Следовательно, в случае предъявления правообладателем требования о выплате компенсации за незаконное использование товарного знака, введенные регистратором спорного домена досудебные обеспечительные меры, прекратятся примерно на половине срока обязательного досудебного урегулирования спора.

Целью досудебного порядка является урегулирование спора без вмешательства суда и обращение лица в суд до истечения этого срока препятствует достижению названной цели, а принятие судом искового заявления до истечения указанного срока не согласуется с принципом равенства сторон¹.

Таким образом, правообладатель, учитывая, что досудебные ограничения регистратора действуют лишь 14 календарных дней, должен, при обращении с исковым заявлением в суд, либо 1) отказаться от заявления требования о компенсации, либо 2) рассмотреть возможность обращения в суд с заявлением о принятии судом предварительных обеспечительных мер (ст. 99 АПК РФ).

В первом случае правообладатель необоснованно ограничивается в реализации своего конституционного права на судебную защиту, будучи вынужденным выбирать имеющиеся способы правовой защиты не по своему усмотрению, а исходя из требований Положения, не согласованных с действующим арбитражным процессуальным законодательством. Такое положение дел представляется неприемлемым, в особенности учитывая то обстоятельство, что в рамках инициированного судебного процесса дополнительное требование о компенсации в последующем он (правообладатель) уже заявить не сможет, так как это может быть квалифицировано как запрещенное законом одновременное изменение предмета и основания иска².

Судебные обеспечительные меры

Во втором случае правообладатель может обратиться в суд с заявлением о принятии предварительных обеспечительных мер по доменному спору. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, *по требованию о пресечении в доменных спорах «могут быть применены обеспечительные меры, направленные на сохранение существующего состояния отношений между сторонами, в частности запрет администратору совершать какие-либо действия, направленные на отказ или передачу прав администрирования доменного имени, включая смену регистратора, а также запрет регистратору аннулировать доменное имя и передавать права администрирования доменного имени другому лицу»*³. При этом «достаточным является представление

¹ Обзор практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 22 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»; определение Арбитражного суда Краснодарского края от 20.05.2022 по делу № А32-19196/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).

заявителем доказательств наличия у него права на товарный знак, а также его нарушения и обоснования причины обращения с требованием о применении обеспечительных мер»¹.

Однако данный льготный порядок принятия обеспечительных мер касается лишь *требования о пресечении*, но не требования о выплате компенсации, что следует из требования наличия «связи испрашиваемой меры с предметом заявленного требования»².

С учетом данного обстоятельства правообладатель снова попадает в проблемную ситуацию с точки зрения сроков действия предварительных обеспечительных мер. В соответствии с ч. 5 ст. 99 АПК РФ «*в] случае, если по требованию, в связи с которым подано заявление об обеспечении имущественных интересов, в силу закона обязательно соблюдение претензионного <...> порядка <...>*», то суд принимает обеспечительные меры по формуле «15 дней + 30 дней (срок досудебного урегулирования) + 5 дней».

Как показывает судебная практика, суды в некоторых случаях либо вообще не указывают в определении срок действия предварительных обеспечительных мер³, либо ошибочно устанавливают срок действия предварительных обеспечительных мер по доменным спорам по формуле «15 дней + 30 дней (срок досудебного урегулирования) + 5 дней»⁴.

Но в данном случае должна применяться формула, установленная в следующем предложении ч. 5 ст. 99 АПК РФ: «*Если указанный порядок не является обязательным, в определении устанавливается срок, не превышающий 15 дней со дня вынесения определения <...>*».

Однако Пленум Верховного Суда РФ в пункте 160 постановления⁵ не указывает на какой-либо льготный порядок принятия предварительных обеспечительных мер по требованиям о выплате компенсации по доменным спорам. Не позволяет прийти к такому выводу и телеологическое толкование данного пункта постановления, поскольку обеспечение денежного требования о выплате компенсации повлекло бы за собой принятие такой обеспечительной меры, как наложение ареста на денежные средства или иное имущество ответчика (п. 1 ч. 1 ст. 91 АПК РФ).

Следовательно, в рассматриваемой ситуации принятия обеспечительных мер в отношении требования правообладателя о пресечении, такие меры должны устанавливаться судом на срок, не превышающий 15 дней. Однако данный срок не позволяет правообладателю выполнить требование о досудебном урегулировании денежного требования о выплате компенсации,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).

³ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 21.05.2024 по делу № А40-109979/24-27-66 «Об обеспечении имущественных интересов» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.12.2024).

⁴ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2021 № 10АП-3531/2021 по делу № А41-617/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2024).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).

поскольку, как было показано выше, установленный в ч. 5 ст. 4 АПК РФ срок досудебного урегулирования составляет 30 календарных дней.

Вывод

Таким образом, представляется обоснованным изложение пункта 2.1.3 Положения следующим образом: «2.1.3. Досудебные ограничения устанавливаются на срок 90 (девяносто) календарных дней с момента установления регистратором в Реестре этих ограничений в порядке, определенном в параграфе 2.3. раздела 2 Положения», что позволит существенным образом разгрузить судебную систему и разрешать доменные споры на досудебной стадии.

Если же правообладатель обращается в суд за введением судебных обеспечительных мер, то по льготному порядку такие меры должны вводиться судом на срок 15 дней со дня вынесения соответствующего определения. В случае же заявления правообладателем денежного требования — требования о выплате компенсации — такое требование должно обеспечиваться по общим правилам с учетом связи испрашиваемой меры с предметом заявленного требования.

Хаустова Юлия,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

fedelk75@gmail.com

НАРУШЕНИЕ ПРАВ НА ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ ПРИ ПРОДАКТ ПЛЕЙСМЕНТЕ: АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация: в статье рассматривается влияние продакт плейсмента как инструмента скрытой рекламы на право интеллектуальной собственности. Проведен анализ судебной практики, связанной с нарушением исключительных прав при продакт плейсменте. Выявлены основные условия законного использования товарных знаков в произведениях.

Ключевые слова: продакт плейсмент, скрытая реклама, товарный знак, интеллектуальная собственность, исключительные права, исчерпание прав.

Продакт плейсмент — это инструмент скрытой рекламы в кинематографе, телевизионных передачах, компьютерных играх, музыкальных клипах, книгах, на иллюстрациях и картинах, при котором в сюжет ненавязчиво и органично вписываются торговые марки, имеющие реальный коммерческий аналог¹. Маркетинговый ход заключается в том, что показ упоминаний о товарах работах и услугах побуждает потребителя самому приобрести объект упоминания без дополнительных стимулирующих опций.

Продакт плейсмент сопровождается наличием упоминаний о товаре, его изготовителе или продавце в произведении. Очевидно, что такие упоминания связаны с объектами интеллектуальной собственности. Необходимо помнить, что интеллектуальной собственности в России, которая включает

¹ Березкина О. П. Product Placement: технология скрытой рекламы. СПб. : Питер, 2009. С. 33.

результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, предоставляется правовая охрана, которая предполагает наличие собственных механизмов защиты нарушенных прав.

Согласно ст. 1229 ГК РФ¹ использование товарного знака без согласия правообладателя не допускается. Соответственно, производитель продакт плейсмента будет считаться нарушителем исключительного права на товарный знак в случае, если: товарный знак используется без согласия правообладателя; товарный знак используется без согласия правообладателя для индивидуализации собственных товаров и услуг и тем самым создается ложное впечатление у потребителя, что он является производителем товара под данным товарным знаком².

Так, на телеканале «Муз ТВ» и «Первый канал» показывался рекламный ролик товарного знака «Сокос». В сюжете демонстрировались сумки и чемоданы с изображениями стилизованных цветков, которые сходны до степени смешения с изобразительным товарным знаком «Louis Vuitton». Суд признал использование в рекламном ролике чужого товарного знака нарушением. Отметим, что целью рекламного ролика было привлечение внимания к товарному знаку «Сокос». Сумки и чемоданы «Louis Vuitton» дополняли образ героини ролика. Возможно, создатели ролика преследовали цель привлечения внимания зрителя к товарному знаку «Сокос» через общеизвестный товарный знак «Louis Vuitton», что называется «паразитированием» на репутации известного бренда.

Однако представим ситуацию, когда такой товарный знак использовался исключительно в качестве реквизита. С точки зрения рекламного законодательства нарушений нет, так как данные упоминания были интегрированы в сюжет, но есть нарушения с точки зрения гражданского законодательства, так как правообладатель не давал согласия на демонстрацию своего товарного знака.

Тем не менее существуют исключения, которые исключают нарушения прав на товарный знак. По смыслу нормы ст. 1484 ГК РФ размещение товарного знака не всегда является его использованием. Исходя из основного назначения товарного знака, а именно индивидуализации товаров, работ, услуг, необходимо учитывать цель использования товарного знака, а именно его индивидуализирующую функцию и объект рекламирования. Более того, право может быть исчерпано, так как «не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия» (ст. 1487 ГК РФ).

Еще одним исключением является упоминание товарного знака в общепотребительном значении. Так, в 2014 г. транслировалась реклама ресторанов быстрого питания «KFC», в которой использовался слоган «Пальчики оближешь». Правообладатель товарного знака «Пальчики оближешь» считал,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 24.11.2006 № 318-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. 2006. № 52.

² Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.12.2009 № 10852/09 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2024).

что его товарный знак использован неправомерно, для продвижения услуг ресторана быстрого питания. Суд не согласился с правообладателем, указав на отсутствие нарушения исключительного права ввиду того, что данное словосочетание употреблялось с целью указания на вкусовые качества товара ответчика, которому не присваивалось наименование, сходное до степени смешения с товарным знаком правообладателя¹.

Рассмотрим судебную практику, в которой рассматриваются случаи нарушения прав на товарный знак при продакт плейсменте. Истец, являясь правообладателем товарного знака «Mr.Freeman», подал иск об обязании удалить спорный контент с интернет-страниц ввиду обнародования ответчиков на сайте видеоконтента с участием персонажа «Mr.Feenick», который до степени смешения сходен с товарным знаком истца. Арбитражный суд города Москвы не согласился с доводами истца и отказал в удовлетворении требований. Данное решение было отменено Девятым арбитражным апелляционным судом, который признал «Mr.Feenick» сходным до степени смешения с товарным знаком «Mr.Freeman». Суд по интеллектуальным правам согласился с данной позицией. Соответственно, использование в аудиовизуальном произведении обозначения, сходного до степени смешения с товарным знаком другого лица или тождественны ему, является нарушением².

В соответствии с выше представленным мнением судов, любое упоминание в произведении, может быть нарушением исключительных прав на товарный знак. Однако есть и иные решения. Так, истец подал иск о взыскании компенсации за незаконное использование товарных знаков, которые содержали словесный элемент «Stolichnaya»³. Истец считал, что в сети кинотеатров, принадлежащих ответчику, осуществлялся показ фильма «Взрывная блондинка», в котором без разрешения правообладателя осуществлялась демонстрация алкогольной продукции, а именно водки «Stolichnaya», обозначение которой было сходно до степени смешения с товарным знаком истца. Истец считает, что водка «Stolichnaya» используется в качестве самостоятельного сюжетообразующего (рекламируемого) объекта и не может восприниматься в качестве реквизита. Суд по интеллектуальным правам и нижестоящие суды отказали в удовлетворении исковых требований, указав, что «само по себе упоминание товарного знака истца в произведении ответчика не является его использованием, а кадры с изображением водки были органично интегрированы в сюжет фильма, передавая характер и привычки главного героя, и не носили сведений рекламного характера». Кроме того, суд указал, что «основное предназначение товарного знака — обеспечение потенциальному потребителю возможности отличить услуги (товары), предоставляемые или оказываемые одним лицом, среди аналогичных услуг (товаров), предоставляемых или оказываемых другими лицами».

В рассматриваемом случае судами установлено, что область деятельности истца и ответчика является различной, в связи с чем отсутствует вероятность

¹ Постановление^с Суда по интеллектуальным правам от 11.04.2016 по делу № А40-47872/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2024).

² Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу № А40-119725/2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2024).

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу № А40-64050/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2024).

смешения предприятия и общества на рынке. Истец не смог доказать, что изображение водки с его товарным знаком создает у потенциального потребителя ложное представление о производителе продемонстрированного в фильме товара, а также ущемляет интересы предприятия как обладателя исключительных прав на товарные знаки.

Вопрос допустимости использования товарного знака при его органичной интеграции в произведения поднимался на заседании Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам 16 июля 2020 г. Так, точка зрения В. О. Калятина заключалась в том, что использование товарного знака в художественном произведении не будет его использованием в смысле законодательства об интеллектуальной собственности и может быть нарушением исключительно законодательства о рекламе¹. А. П. Сергеев имеет аналогичную позицию и считает, что «демонстрация товара с товарным знаком в художественном кинофильме не является использованием товарного знака в смысле ст. 1484 ГК РФ. При этом не имеет значения, что товар является сюжетообразующим. Показ в фильме товаров с товарными знаками допустим при любых условиях»².

Мнение представителей научно-консультативного совета отличается от выводов, представленных в правоприменительной практике. Анализ рассмотренных дел приводит нас к выводу о противоречивости правоприменительной практики в части наличия или отсутствия факта нарушения прав интеллектуальной собственности в продакт плейсмент, так как некоторые суды категорически считают нарушением прав интеллектуальной собственности любое упоминание объектов интеллектуальной собственности без согласия правообладателя, в то время как другие суды считают, что при продакт плейсменте не может быть нарушений таких прав. Анализ рассмотренных решений позволяет обозначить следующие условия законного использования упоминаний товарных знаков в произведении:

- при наличии согласия правообладателя (ст. 1484 ГК РФ);
- при наличии заключенного лицензионного договора о предоставлении права использования товарного знака (ст. 1489 ГК РФ);
- в случаях исчерпания прав на товарный знак (ст. 1487 ГК РФ);
- при использовании товарного знака без наличия целей, преследующих введение потребителя в заблуждение относительно принадлежности товарного знака конкретному правообладателю;
- при различности областей (сфер) деятельности сторон при использовании товарного знака в произведениях;
- при использовании товарного знака в произведениях в качестве реквизита с учетом характера такого использования и отсутствия у товарного знака таких свойств, как уникальность и незаменимость, что может вызвать концентрацию внимания на нем и его свойствах.

Таким образом, при интеграции товарных знаков в произведение необходимо учесть не только критерии органичной интеграции, но и интересы правообладателей товарных знаков.

¹ Протокол № 22 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 16.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.12.2024).

² Протокол № 22 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 16.07.2020.

Хизриева Мадина,
студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Россия, г. Москва
skub.dina@mail.ru

НАСЛЕДОВАНИЕ АККАУНТОВ В СОЦСЕТЯХ: ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: в статье был исследован вопрос, связанный с проблемой наследования аккаунтов в социальных сетях и возможными путями ее решения. Ведь в современном мире данная тема довольно актуальна, так как количество активных пользователей с каждым годом растет, а данная проблема должна быть законодательно урегулирована.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, аккаунт, социальная сеть, наследование, Интернет.

В настоящее время в крупных социальных сетях, таких как «ВКонтакте», количество активных пользователей достигает более 80 млн. Согласно статистике «ВКонтакте», среднестатистический пользователь проводит около 45 минут в приложении каждый день, просматривая различные материалы или взаимодействуя с другими пользователями. Деятельность в социальных сетях может приносить доход через рекламу, однако недостаточное законодательное регулирование аккаунтов вызывает неопределенность и правовые риски. Исследователи, такие как В. А. Лаптев и Е. Ю. Князева, уделяют внимание этой проблеме.

В законодательстве присутствует неполное определение понятия «аккаунт в социальной сети». К примеру, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» выделяет следующие элементы социальной сети: сущность социальной сети как нематериального объекта — это сайт и (или) страница сайта, программа для электронной вычислительной машины; цель — использование пользователями для предоставления и (или) распространения персональных страниц информации; языковой критерий — языки народов Российской Федерации; возможность размещения рекламы; суточная активность выше 500 тыс. пользователей.

В области юридической науки нет общепринятого определения для упомянутых терминов. Однако, если мы обратимся к Закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который дает понять, что социальная сеть представляет собой веб-сайт или приложение с более чем 500 000 пользователей в день¹. Концепцию «аккаунта» можно найти в проекте федерального закона, где под этим термином считалась персональная страница, представляющая пользователя и зарегистрированная в соответствии с внутренними правилами соц. сети, наполнение которой осуществляется пользователем по своей инициативе². Однако стоит отметить, что данный проект не приобрел юридической силы, так как был отклонен.

Согласно ст. 1112 Гражданского кодекса РФ, наследство включает вещи и имущественные права, исключая личные неимущественные права. Федераль-

¹ Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.12.2024).

² Проект федерального закона № 883844-6 «О внесении изменений в статьи 2 и 10.2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.12.2024).

ный закон «О связи» обеспечивает тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи¹, что может на первый взгляд выглядеть как запрет на наследование аккаунтов в соцсетях. Тем не менее аккаунты можно рассматривать как объекты гражданских прав и потенциальные результаты интеллектуальной деятельности, так как он содержит фото, видео и другие материалы, что может позволить включить их в наследство.

Федеральная нотариальная палата утверждает, что такие аккаунты являются цифровыми активами, и вопрос их наследования регулируется пользовательскими соглашениями соцсетей. Например, «Google» предлагает своим пользователям возможность управлять аккаунтом «на всякий случай», которая заключается в том, что человек самостоятельно может распорядиться своим аккаунтом на случай его смерти, предоставить доступ к информации третьему лицу или вовсе удалить страницу².

Социальная сеть «ВКонтакте» предоставляет родственникам умершего возможность закрыть или ограничить доступ к его профилю, оставляя его на платформе в качестве памятной страницы. Это возможно при условии предоставления родственниками фото свидетельства о смерти в техподдержку³.

Сервис «Яндекс» также позволяет по запросу родных удалить аккаунт, если они предоставят свидетельство о смерти. Однако компания не открывает доступ к данным аккаунта умершего на своих платформах.

Таким образом, у родственников есть несколько вариантов в отношении аккаунта покойного в социальных сетях: либо удалить его, либо создать «памятный аккаунт». Однако существующее законодательство по вопросам наследования аккаунтов в социальных сетях не соответствует современным требованиям. В настоящее время существует лишь несколько начальных норм, недостаточных для устранения конфузов и предотвращения проблем для наследников. Я считаю, что наследование аккаунта возможно с ограниченным доступом к личной информации, что позволит наследнику использовать аккаунт, не нарушая личных неимущественных прав покойного.

Хомякова Анастасия,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

kkkhnastasiia@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МАРКЕТПЛЕЙСОВ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ

Аннотация: статья посвящена анализу привлечения маркетплейсов к гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав на товарный знак

¹ Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.12.2024).

² Справочный центр Google // URL: <https://support.google.com/accounts/answer/3036546?hl=ru> (дата обращения: 05.01.2025).

³ Справочный центр «ВКонтакте» // URL: <https://vk.com/faq18466> (дата обращения: 07.01.2025).

и выявлению пробелов правового регулирования. Проводится разграничение условий привлечения к ответственности маркетплейсов в зависимости от выполняемых функций.

Ключевые слова: маркетплейс, информационный посредник, контрафактный товар, исключительное право на товарный знак, гражданско-правовая ответственность.

В последние несколько лет в Российской Федерации наблюдается стремительное развитие e-commerce в различных ее проявлениях, самым популярным из которых является маркетплейс. Маркетплейс представляет собой платформу электронной коммерции, на которой представлены товары множества субъектов предпринимательской деятельности и доступ к которой имеют пользователи информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»¹.

Привлекательность маркетплейса понятна и с позиции продавца, и с позиции покупателя. Маркетплейс для продавца — это более доступный выход на рынок e-commerce, чем собственный интернет-магазин, где продавец организует весь путь от производства товара до доставки его покупателю самостоятельно. Покупателю маркетплейс предоставляет куда более обширный выбор искомого товара от различных продавцов, что увеличивает вероятность покупки товара, соответствующего всем запросам покупателя и, конечно, экономит время покупателя, которое тот мог бы потратить в офлайн магазинах.

Однако не все субъекты предпринимательской деятельности при осуществлении предпринимательской деятельности действуют добросовестно. Желая получить необоснованное преимущество за счет деловой репутации другого субъекта, некоторые субъекты реализуют контрафактный товар, и тем самым нарушают исключительное право правообладателя на товарный знак. Если при офлайн продаже (характеризуется прямым взаимодействием продавца и покупателя) определение нарушителя исключительного права на товарный знак не составляет проблем: ответственность несет субъект предпринимательской деятельности, который реализует контрафактный товар, то при продаже контрафактного товара на маркетплейсе в цепочке продаж появляется и маркетплейс, в связи с чем встает вопрос об определении ответственности маркетплейса за нарушение исключительного права.

Судебная практика придерживается позиции², что маркетплейс, предоставляющий возможность размещения материала с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», является информационным посредником.

Но не все маркетплейсы выступают в качестве информационного посредника. Некоторые из них принимают непосредственное участие в цепочке продажи товара, и, соответственно, их ответственность не может быть тождественна маркетплейсам — информационным посредникам. Это связано с тем, что информационный посредник, вступающий в договорные отношения с субъектом предпринимательской деятельности — продавцом, получает имущественную выгоду от продажи товара продавцом.

¹ Ворожевич А. С. Споры по нарушениям исключительных прав на товарные знаки в маркетплейсах // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Июнь 2021. № 2 (32). С. 133–141.

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.12.2020 по делу № А40-214785/2019 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SIP;n=71279#GlcMaZUG1s3Xt> Хуо (дата обращения: 07.01.2025).

Маркетплейс, форма участия которого заключается в предоставлении субъекту предпринимательской деятельности возможности размещения информации о товаре и его свойствах, несет ответственность как информационный посредник. По ст. 1253.1 ГК РФ информационный посредник освобождается от ответственности при условии отсутствия вины, т.е. в тех случаях, когда: 1) он не знал и не должен был знать о неправомерности использования товарного знака; 2) в случае получения заявления правообладателя товарного знака о нарушении его исключительных прав своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав¹.

Законом не установлен конкретный перечень принимаемых информационным посредником мер, которые будут признаны необходимыми и достаточными для освобождения от ответственности, в связи с чем решение относительно этого вопроса остается на усмотрение судьи, если спор дойдет до стадии судебного разбирательства. При этом остается неясным вопрос о критериях определения маркетплейсом неправомерности использования товарного знака. Представляется, что маркетплейс может установить неправомерность только относительно использования общеизвестных знаков, так как они широко известны среди потребителей.

Есть и иной порядок взаимодействия маркетплейса с продавцами и покупателями, а именно прямая вовлеченность маркетплейса в процесс продажи товара. Маркетплейс заключает с продавцом агентский договор/договор комиссии, по которому в результате заключения маркетплейсом с покупателем договора купли — продажи товара маркетплейс получает вознаграждение (как правило, процент от продаж). К тому же, маркетплейс принимает активную роль в формировании размещаемого материала, что свидетельствует об использовании товарного знака. По мнению Верховного Суда РФ, в случае извлечения маркетплейсом дохода от продаж товара и (или) активного участия в размещении предложения к продаже маркетплейс не может считаться информационным посредником². Если на таком маркетплейсе будет выставлен товар, нарушающий исключительные права на товарный знак, то правообладатель вправе предъявить требование о компенсации или взыскании убытков не только к продавцу, но и к маркетплейсу.

Что представляет из себя «активная роль в формировании размещаемого материала» ВС РФ не пояснил, что означает, что вопрос «активности» маркетплейса решается в зависимости от обстоятельств конкретного спора.

Для нивелирования проблемы размещения на маркетплейсе предложений о продаже контрафактных товаров маркетплейсам необходимо проверять у потенциальных продавцов правоподтверждающие документы, а в случае отсутствия у продавца товарного знака — включать в договор заверения об обстоятельствах. В перспективе законодателю следует принять отдельный закон о маркетплейсах, поскольку платформы занимают одно из ведущих мест на современном товарном рынке.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

Таким образом, маркетплейс должен осмотрительно подходить к организации своей деятельности, в том числе к выбору продавцов, чтобы избежать привлечения к ответственности за продажу контрафактного товара. Неосмотрительное поведение же приведет к неблагоприятным последствиям, таким как ухудшение деловой репутации и имущественные потери.

Щёктова Нина,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

kichinina01@gmail.com

СПОСОБЫ СВОБОДНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ

Аннотация: с развитием цифровых технологий и интернет-коммуникаций количество объектов авторского права, размещаемых и используемых в сети «Интернет», постоянно растет. Однако Франция имеет разработанный Кодекс интеллектуальной собственности, который объединяет законы об авторских и смежных правах. Кодекс учитывает актуальные вопросы, включая оборот авторских прав в Интернете, но некоторые аспекты регулируются отдельными законами. Французский законодатель допускает свободное обращение объектов авторских прав, размещенных в сети Интернет.

Ключевые слова: авторские права, использование авторских прав, объекты авторских прав, сеть «Интернет», авторские права в сети «Интернет».

Франция как одно из наиболее развитых европейских государств отличается взвешенным подходом к вопросам правового регулирования объектов авторского права. Это проявляется, в частности, в создании Кодекса интеллектуальной собственности (Code de la propriété intellectuelle)¹, объединившего большинство действовавших ранее на территории Франции законов об авторских и смежных правах. Национальное законодательство образует первую часть Кодекса, тогда как директивы общего применения, изданные в рамках ЕС, вошли во вторую часть данного кодифицированного акта.

Внесенные в Кодекс интеллектуальной собственности поправки затрагивают вопросы оборота объектов авторских прав в сети Интернет, однако ряд аспектов продолжает регулироваться отдельными законами, не вошедшими в Кодекс. Например, в статье L132-44 имеется отсылка к Закону Франции № 2009-669 от 12.06.2009², способствующего распространению и защите авторских прав в сети Интернет. В контексте указанной нормы правоприменителю предписано обращаться к положениям данного Закона в случае отсутствия специально заключенных корпоративных соглашений, регламентирующих вопросы использования объектов авторских прав и выплаты автору соответствующего вознаграждения.

¹ Code de la propriété intellectuelle // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/19324> (дата обращения: 09.01.2025).

² Loi No. 2006-961 du 1er août 2006 relative au droit d'auteur et aux droits voisins dans la société de l'information // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/5606> (дата обращения: 09.01.2025).

Вышеприведенный Закон № 2009-669 от 12.06.2009 также играет важную роль в формировании правил оборота объектов авторских прав во Франции. Анализ основных положений Закона показывает, что французский законодатель допускает свободное обращение объектов авторских прав, размещенных в сети Интернет, при следующих условиях:

1) согласно статье L122-7-1, автор объекта интеллектуальной собственности вправе предоставить свое произведение в пользование общественности без получения вознаграждения, но при условии, что свободное размещение объекта в сети Интернет не нарушает права соавторов и третьих лиц, обладающих полномочиями по распоряжению данным произведением;

2) в силу статьи L211-3 допускается свободное воспроизведение выдержек из объектов, охраняемых авторским правом, если эти объекты используются исключительно для образовательных целей и их воспроизведение необходимо для иллюстрации предмета в рамках преподавания и исследований. Данное правило не распространяется на случаи использования объектов авторского права в развлекательных или коммерческих целях; в этом случае необходимо выплачивать вознаграждение автору произведения;

3) в соответствии со статьей L122-5, свободный доступ к объектам авторского права в сети Интернет допускается в помещениях общедоступных библиотек, музеев или архивных служб с возможностью их просмотра, но не копирования или передачи по телекоммуникационным каналам связи, а также не для извлечения указанными организациями экономической или коммерческой выгоды. Кроме этого, запрещается свободный оборот указанных объектов, если это наносит ущерб нормальному исполнению, фонограмме, видеogramме или программе, причиняет вред законным интересам исполнителя, продюсера или компании аудиовизуальных коммуникаций.

Необходимо отметить, что нарушение правил свободного оборота объектов авторских прав по законодательству Франции преследуется в рамках наступления не только гражданско-правовой ответственности, но и уголовной ответственности. Наказание за незаконное использование объектов интеллектуальной собственности довольно суровое: до трех лет лишения свободы или штраф до 300 тыс. евро. По мнению отечественных специалистов, подобный подход многим пользователям сети Интернет во Франции видится крайне жестким и не отвечающим на вопрос, где проходит грань между правомерным и неправомерным использованием объектов авторских прав¹.

¹ Селезнева Е. Правовое регулирование объектов интеллектуальной собственности в глобальной сети Интернет в российском и французском законодательствах // Право и управление. XXI век. № 1 (26)/2013. С. 135.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА СЛУЖБЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРАВА: БЛОКЧЕЙН, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (ПЛОЩАДКА F)

Адигюзелова Фатима,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

fadigyuzelova@mail.ru

РОЛЬ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В ФОРМИРОВАНИИ БРЕНДИНГА И ЗАЩИТА ПРАВ НА ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ НА ПЛАТФОРМАХ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: в статье изучается понятие товарного знака. Товарный знак играет важную роль в формировании брендинга. Технологии искусственного интеллекта позволяют защищать права на товарный знак на платформах электронной коммерции.

Ключевые слова: товарный знак. Искусственный интеллект. Брендинг. Электронная коммерция.

Понятие товарного знака (знака обслуживания) и его значение в коммерческой деятельности

Значение и роль товарных знаков (знаков обслуживания) (далее — товарные знаки) в современной экономике высоки: они позволяют разграничить товары, услуги разных компаний, позволяют создать для организаций узнаваемость среди покупателей (потребителей), формируют определенный имидж, а также доверие, позволяют организациям продвигать свои товары (услуги).

Понятие товарного знака содержится в ст. 1477 ГК РФ: «На товарный знак, то есть на обозначение, служащее для индивидуализации товаров, признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак».

Видами товарных знаков являются следующие:

- словесные товарные знаки;
- изобразительные товарные знаки;
- объемные товарные знаки (которые выполнены в трехмерной форме и могут представлять собой пространственные обозначения или форму товара);
- звуковые товарные знаки;
- обонятельные товарные знаки (запахи);
- вкусовые товарные знаки;
- световые товарные знаки;
- голографические товарные знаки;

— осязательные товарные знаки;
 — комбинированные товарные знаки (которые состоят из изобразительных, словесных, объемных и других элементов)¹.

Роль товарных знаков в современной экономике можно свести к следующему:

1. Товарный знак позволяет идентифицировать товары (услуги), производимые конкретной организацией, выполняет отличительную функцию, о которой говорилось выше;

2. Производители товаров, добившись определенного доверия у покупателей (потребителей), могут с помощью товарного знака поддерживать свое положение на рынке и дальше продвигать производимую продукцию.

3. Товарный знак позволяет компании защитить свой бренд от подражания и незаконного использования. Законодательство о товарных знаках предоставляет владельцу право исключительного использования знака в коммерческой сфере, что дает возможность пресекать попытки несанкционированного использования или подражания.

4. Зарегистрированные товарные знаки позволяют компаниям выйти на международный рынок товаров и услуг.

Использование технологий искусственного интеллекта для защиты прав на товарные знаки

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта (ИИ) на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490, искусственный интеллект определен как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений².

В структуре ИИ можно выделить следующие направления: машинное обучение, компьютерное зрение, обработка естественного языка, экспертные системы, усовершенствованное планирование, распознавание речи, робототехника.

Машинное обучение — подраздел искусственного интеллекта, который позволяет программам и системам «обучаться» на основе опыта и данных, без явного программирования. В контексте электронной коммерции машинное обучение может быть использовано, например, для анализа поведения покупателей, определения предпочтений и рекомендации товаров или услуг.

Компьютерное зрение — технология, при помощи которой распознается и анализируется визуальная информация, включая изображения или видео. На платформах электронной коммерции компьютерное зрение может

¹ Право интеллектуальной собственности : учебник для вузов / Л. А. Новоселова [и др.] ; под ред. Л. А. Новоселовой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. ISBN: 978-5-534-17268-3. Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 218. URL: <https://www.urait.ru/bcode/536273/P.218> (дата обращения: 01.12.2024).

² Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2025).

использоваться, например, для определения и классификации товаров на основе их внешнего вида или дизайна.

Экспертные системы и системы знаний (Expert Systems and Knowledge Management) — эта группа задач предполагает использование баз знаний и правил для создания систем, которые могут принимать (или помогать принимать) решения, а также разрешать проблемы в конкретных областях. К ним относятся, например, системы диагностики и поддержки принятия решений.

К преимуществам применения ИИ в обозначенной сфере относятся: а) более эффективное обнаружение нарушений: искусственный интеллект может обрабатывать большие объемы данных в режиме реального времени и автоматически выявлять нарушения прав на товарные знаки, что позволяет оперативно реагировать на них; б) улучшенная точность: технологии искусственного интеллекта, такие как машинное обучение и компьютерное зрение, могут быть обучены распознавать характеристики товарного знака и выявлять его незаконное использование с высокой точностью; в) систематичность: использование искусственного интеллекта позволяет создать систему мониторинга и обнаружения нарушений, которая может работать автономно и постоянно контролировать электронную коммерцию¹.

Однако ИИ может неправильно интерпретировать данные, поскольку в нем отсутствует контекстное понимание.

Таким образом, товарные знаки играют важную роль в формировании брендинга, а для защиты прав на товарные знаки эффективно использование искусственного интеллекта.

Амирханова Анна,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

annaamirhanova@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НУТРИИГРОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГЕРМАНИИ

Аннотация: в статье исследуются тенденции правового регулирования виртуальных ценностей в связи с развитием цифровых технологий в Российской Федерации и Германии. Автор анализирует доктрину, законодательство и судебную практику обоих государств, определяя сходства и различия закрепления правового статуса игровых ценностей. Результаты исследования подчеркивают необходимость адаптации правовых норм к новым объектам интеллектуальной собственности в метавселенной.

Ключевые слова: внутриигровые ценности, право интеллектуальной собственности, игровые конкурсы, азартные игры, авторское право, судебная защита.

¹ Покровская А. В. Новые вызовы в применении технологий искусственного интеллекта: нарушение прав на товарные знаки на платформах электронной коммерции // Пролог: журнал о праве. 2024. № 2. С. 66–75. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.2.7.

Метавселенная предлагает пользователям виртуального пространства различные игровые возможности: от создания уникального персонажа до купли-продажи атрибутики, которая позволяет участникам киберреальности улучшать навыки и свойства своего персонажа для прохождения игрового сюжета. Ввиду этого возникает необходимость законодательного регулирования виртуальных ценностей с целью защиты прав как создателей онлайн-игр, так и прав игроков.

На сегодняшний день в Гражданском кодексе Российской Федерации неопределенность в понятии «игровые ценности» приводит к трудностям в установлении правового статуса данной категории объектов интеллектуальной собственности. Этот вопрос можно проанализировать с позиций законодательства и судебной практики. С одной стороны, статья 141.1 ГК¹ признает наличие цифровых прав, которые также включают объекты интеллектуальной собственности. В этом контексте виртуальные активы, существующие в рамках компьютерных игр, могут быть классифицированы как разновидность цифровых прав². С другой стороны, российские суды относят игровые ценности к предмету исполнения по договорам оказания услуг, которые в том числе облагаются налогом и, таким образом, имеют коммерческую ценность. Анализ судебного разбирательства между ООО «Мэйл.руГеймз» и налоговой инспекцией³ показывает суть спора. Основной причиной разногласий является начисление компании более 180 млн руб. налога на добавленную стоимость на прибыль, полученную от продажи игровых объектов. Налоговая инспекция аргументировала свои действия тем, что общество оказывало игрокам платные услуги по доступу к дополнительному «контенту». Таким образом, доход, полученный организацией согласно договору на возмездное оказание услуг, подлежит налоговому обложению. Верховный Суд РФ поддержал ее аргументы и отметил, что соглашения, регулирующие отношения между игроками и игровыми компаниями, являются смешанными договорами. Они включают в себя элементы как лицензионного соглашения, так и договора на оказание услуг, на которые налоговая льгота не действует. Следовательно, суды определили, что игровые активы следует рассматривать как предметы исполнения (услугой) в рамках смешанного договора между разработчиком онлайн-игры и ее пользователем⁴. В результате можно сделать вывод о том, что внутриигровые ценности относятся к «иному имуществу».

По Гражданскому кодексу Германии виртуальные объекты метавселенной защищены авторским право. Несмотря на то что их правовая природа существенно отличается от объектов материального мира, в том числе по смыслу немецкого законодательства, процесс купли-продажи таких ценно-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2024).

² Бажина Е. С. Цифровые права как объекты гражданских прав // «RusЮрист»: онлайн-журнал для юристов. 2021. 31 августа. URL: https://rusjurist.ru/teoriya_prava/cifrovye-prava-kak-obekty-grazhdanskih-prav (дата обращения: 12.12.2024).

³ Верховный Суд РФ № 305-КГ15-12154 определение г. Москва 30 сентября 2015 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2024).

⁴ Online Games in Russia: Legal issues. URL: <https://www.advant-beiten.com/en/news/online-spiele-russland-rechtsfragen> (дата обращения: 28.11.2024).

стей приравнивается к физическим объектам¹. Их продажа рассматривается как обязательство по предоставлению прав использования другим игрокам. Пользовательские права на интернет — виртуальные активы (такие как игровая валюта, предметы и аватары), которые размещаются на удаленных серверах, именуются «домицильными правами»² или правами на виртуальную собственность. Немецкий суд, а именно Кельнский окружной суд³, в деле о рассмотрении текстур в игре Second Life постановил, что такие объекты являются произведениями изобразительного искусства, соответственно, их регулирование и защита относятся к сфере авторского права. Таким образом, по законодательству Германии правовая природа виртуальных ценностей отнесена к объектам авторского права, однако судебная практика всё еще неоднозначна. Не существует общепринятой доктрины или прецедента, которые закрепили бы единую модель правового разрешения споров по поводу виртуального имущества между пользователями онлайн-игр, разработчиками и третьими лицами, поэтому существует необходимость в создании нормативной и судебной базы с целью справедливого рассмотрения подобных дел.

Стоит отметить, что игровое имущество можно получить посредством выигрыша в виртуальных конкурсах: лотереях и лутбоксах. Российское и немецкое законодательство формально относят их к азартным играм. По общему правилу в Федеральном законе 29.12.2006 № 244-ФЗ⁴ устанавливается запрет на проведение и осуществление азартных игр в виртуальном пространстве, но все-таки их организация возможна через, например, букмекерские конторы. Если игрок, выигравший приз во внутриигровой лотерее, не получил его, то он не вправе предъявить к разработчику игры требования в судебном порядке. Это следует из статьи 1062 ГК РФ. Немецкое законодательство осуществляет запрет или лицензирование азартных игр посредством Государственного договора о регулировании игорного бизнеса в Германии от 29.10.2020⁵. Так, процесс проведения внутриигровых конкурсов должен непосредственно соответствовать данному нормативному акту, так как законодатель относит их к разновидности азартных игр. В немецком, как и в российском законодательстве, устанавливается прямой запрет на участие несовершеннолетних в такой деятельности. С 2023 г. Совет по возрастной классификации в Германии («USK»)⁶ принял ряд рекомендаций,

¹ Гражданский кодекс Германии (BGB), раздел 453 (1) = Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) § 453 Rechtskauf, Verbrauchervertrag über den Kauf digitaler Inhalte // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_453.html (дата обращения: 28.11.2024).

² Энамбердиев Э. Х. Объекты виртуального мира по законодательству Германии // Молодой ученый. 2021. № 51 (393). С. 284–287. URL: <https://moluch.ru/archive/393/87015/> (дата обращения: 28.11.2024).

³ Urteil vom 21.04.2008 — Az. 28 O 124/08 // URL: <http://www.jurpc.de/rechtspr/20080077.htm> (дата обращения: 28.11.2024).

⁴ Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ, ч. 3 ст. 5 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.11.2024).

⁵ Staatsvertrag zur Neuregulierung des Glücksspielwesens in Deutschland (Glücksspielstaatsvertrag 2021 — GlüStV 2021) Vom 29. Oktober 2020. URL: <https://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/StVGluStV2021> (дата обращения: 28.11.2024).

⁶ 2022, December 14. In-game purchases, chats and loot boxes: USK expands test criteria. Unterhaltungssoftware Selbstkontrolle. URL: <http://https://usk.de/usk-pressemitteilung-umsetzung-neues-jugendschutzgesetz?> (дата обращения: 03.12.2024).

которые учитывают возраст игроков при совершении покупок «ящиков с добычей» в онлайн-играх. Так, «...если цифровые игры не подпадают под законодательный запрет на азартные игры, возрастная классификация цифровых игр должна учитывать... что [они] могут ухудшить или поставить под угрозу личностное развитие детей или молодежи в связи с их отношением к азартным играм...»¹. Таким образом, это еще раз доказывает тот факт, что действия и объекты виртуального мира, хотя и не выражающиеся в материальной форме, регулируются наравне с физическими вещами. В какой-то степени представляется возможным отождествлять игровое имущество с имуществом, смысл которого раскрыт в Гражданском кодексе той или иной страны. Однако не существует общепринятого толкования, поэтому важно учитывать правовую специфику Российской Федерации и Германии.

На данный момент нет единой правовой концепции относительно того, как регулировать правоотношения в сфере онлайн-игр, особенно товарооборота виртуальных объектов, и реализовывать качественную защиту прав пользователей и разработчиков. Наличие пробела в законе свидетельствует о необходимости трансформации юридических норм в условиях меняющейся реальности. Российская и немецкая судебная практика демонстрируют способы разрешения таких споров, однако каждый правоприменитель самостоятельно принимает решения по конкретному делу, исходя из основополагающих принципов национального права.

Аникин Дмитрий,
студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

smart.harlequin@gmail.com

РАСШИРЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: расширенная реальность становится неотъемлемой частью окружающего мира. Однако на данном этапе существует проблема недостаточного законодательного регулирования подобных технологий. В статье уделено внимание проблемам, которые ставят перед правом интеллектуальной собственности стремительно развивающиеся технологии.

Ключевые слова: интеллектуальные права, расширенная реальность, дополненная реальность, виртуальная реальность, технологии, патентное право, товарные знаки.

В наш век происходит активное развитие новых технологий, которые часто вынуждены существовать и использоваться в еще нерегулируемой законодательством среде. Недостаточность, а зачастую и полное отсутствие правовой и доктринальной базы, которые не успевают обновляться с той скоростью, с которой развиваются цифровые технологии, создает некий

¹ Experience of Legal Regulation of Lootboxes in Different Countries: a Comparative Analysis. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/experience-of-legal-regulation-of-lootboxes-in-different-countries-a-comparative-analysis/viewer> (дата обращения: 03.12.2024).

правовой вакуум. Подобная ситуация ставит перед правоприменителями немало сложных и важных вопросов.

Так, сейчас набирают популярность технологии расширенной реальности. Данное понятие объединяет в себе виртуальную реальность и дополненную реальность. Если первый термин интуитивно понятен, то второму следует дать определение. Дополненную реальность можно охарактеризовать как «интегрированные в реальное пространство текста, графики или аудио с помощью носимого устройства отображения или проецируемых графических наложений в режиме реального времени»¹.

С развитием расширенной реальности набирают актуальность вопросы охраны интеллектуальной собственности в ее пространстве.

Например, подобные технологии значительно упрощают совершение нарушений интеллектуальных прав. Так, компании могут злоупотреблять технологиями дополненной реальности для подмены товарных знаков конкурентов, размещенных на товарах, на свои товарные знаки. Такие действия могут совершаться для более успешной рекламы и введения потребителей в заблуждение относительно реального производителя тех или иных товаров.

Кроме того, интересен вопрос использования товарных знаков в компьютерных играх — той самой виртуальной реальности. Будет ли считаться нарушением размещение чужого товарного знака на товарах в компьютерной игре? Ведь подобное использование товарного знака вряд ли способно ввести в заблуждение потребителя или повредить предпринимательской деятельности правообладателя. Можно ли вообще приравнять изображенные в играх товары к реальным?

Подобные вопросы возникают и в рамках патентного права. Интересна судебная практика американских судов по этой теме. Так, на рассмотрении суда был вопрос о том, может ли патент на промышленный образец, защищающий физическое изделие, быть нарушен виртуальным аналогом, и распространяется ли защита патентоспособного объекта на виртуальную среду, например, на видеоигры? Примером послужила видеоигра, в которой использовались конструкции, напоминающие оружие, зарегистрированное в качестве промышленного образца. Компания Activision, обвиняемая в нарушении, утверждала, что, согласно американским стандартам, обычный наблюдатель не спутает оружие в их игре с дизайном, защищенным патентом, так как они не были похожи. Однако суд отклонил жалобу по иной причине, заключив, что ни один разумный человек не приобретет видеоигру Activision, думая, что покупает реальное оружие истцов. Другими словами, суд пришел к выводу, что виртуальное и реальное не могут быть перепутаны разумным потребителем².

Подобная практика не только интересна сама по себе, но и хорошо подсвечивает существующие пробелы в законодательстве.

Учитывая, что на данном этапе законодательное регулирование в этой сфере только начинает формироваться, необходимо подробное рассмотрение вопросов, связанных с расширенной реальностью и ее взаимодействием с объектами интеллектуальной собственности.

¹ Биткин В. В. Дополненная реальность, ее виды и инструменты создания // Скиф. 2021. № 5 (57). С. 106.

² P. S. Prods., Inc. v. Activision Blizzard, Inc., No. 4:13-cv-00342 (W. D. Ark. Feb. 21, 2014).

Бетеев Давид,
студент,
Ростовского института (филиала) ФГБОУ ВО
«Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)»
Россия, г. Ростов-на-Дону
db1698545@gmail.com

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: в статье рассмотрено, что в условиях развития цифровых технологий защита интеллектуальной собственности настолько сложна, что требует комплексного подхода. Изучена международная судебная практика. Отмечено о необходимости совершенствовать пути защиты интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: цифровые технологии, интеллектуальная собственность, сеть Интернет, искусственный интеллект, правовое регулирование, законодательство, авторские права.

В условиях стремительного роста цифровых технологий защита интеллектуальной собственности становится одной из наиболее актуальных тем в правовой и экономических сферах. ХХІ век — это век информации и цифровизации, который предоставляет уникальные возможности для создания и распространения креативных продуктов, однако он также порождает серьезные вызовы в области охраны прав на эти продукты. Ежегодно всё больше авторов и разработчиков встречаются лицом к лицу с нарушением своих авторских прав на интеллектуальную собственность в сети Интернет¹.

Отечественные ученые проводят исследования, которые направлены на поиск оптимальных решений, сопряженные с применением цифровых технологий в области государственного регулирования реализации интеллектуальных прав.

На сегодняшний день авторы сталкиваются с такими проблемами, как:

- проблемы определения правового режима объектов интеллектуальной собственности;
- проблемы принадлежности прав на произведения, созданные системами искусственного интеллекта;
- проблемы возможности воспроизведения произведений в цифровой форме и т.д.²

Кандидат юридических наук Е. Е. Кирсанова отмечает, что современное состояние интеллектуальной собственности в Российской Федерации состоит в непосредственной взаимосвязи с экономической системой, поэтому существование этих систем порознь невозможно³.

¹ Акмухаммедов М., Акмырадов Р., Аннаков Р. Защита интеллектуальной собственности в цифровом мире // Вестник науки. 2024. № 9 (78). С. 14–17. С. 15.

² Чебыкина В. А., Щербакова Е. Ю. Защита прав интеллектуальной собственности в условиях цифровой доступности // Скиф. 2023. № 7 (83). С. 49–53. С. 50.

³ Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2021. С. 25.

В соответствии с Указом Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» декларируется, что «развитие цифровой экономики является стратегически важным вопросом для России»¹.

Однако защита интеллектуальной собственности в эпоху цифровых технологий настолько сложна, что требует комплексного подхода.

По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), ежегодно размер ущерба от незаконного использования интеллектуальных прав составляет 2,5 трлн долл.²

Только в музыкальной индустрии ежегодно ущерб составляет 12,5 млрд долл.³

Приведем пример из судебной практики.

Ведущие музыкальные лейблы мира, такие как Sony Music Entertainment, Warner Records и Capitol Records, подали иски против сервисов генерации музыки Suno и Udio. Компании обвиняются в нарушении авторских прав топовых исполнителей для обучения своих ИИ без разрешения.

Иски были поданы в федеральные суды Бостона и Нью-Йорка, и истцы требуют компенсации до \$ 150,000 за каждую песню или долю от прибыли компаний. Глава Американской ассоциации звукозаписывающей индустрии (RIAA) Митч Глейзер заявил, что такие нелегализованные сервисы отбрасывают назад развитие инновационного ИИ.

В исках указаны примеры, когда с помощью сервиса Suno создавались песни, имитирующие работы Чака Берри, Джеймса Брауна, Майкла Бубле и ABBA. Suno и Udio отказались комментировать ситуацию.

Нарушение прав собственности на творческие произведения для обучения генеративных моделей ИИ стало горячей темой, поскольку технологии стремительно развиваются и становятся более прибыльными. Два иска касаются сервисов генерации музыки, которые позволяют создавать песни по простым запросам⁴.

Такие данные свидетельствуют о серьезной проблеме.

По нашему мнению, для решения данного вопроса необходимо совершенствовать пути защиты интеллектуальной собственности.

Во-первых, необходимо повышение уровня правовой культуры граждан, через проведение правовых лекций. Именно такой процесс будет направлен на противодействие правовому нигилизму и обеспечению процесса нравственного воспитания личности⁵.

Во-вторых, важно совершенствовать правовое регулирование. Такие инструменты, как законодательство о цифровом авторском праве, представляя- ют собой важный шаг на пути защиты интересов правообладателей.

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

² Статистика в области интеллектуальной собственности // URL: <https://www.wipo.int/ru/web/ip-statistics> (дата обращения: 09.12.2024).

³ Статистика в области интеллектуальной собственности.

⁴ Крупнейшие звукозаписывающие компании подали в суд на Suno и Udio // URL: <https://www.rbc.ru/life/news/667be3429a7947649c63e241> (дата обращения: 09.12.2024).

⁵ Мамкин А. Ю. Формирование правовой культуры обучающихся в образовательной организации среднего профессионального образования : дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2019. С. 124.

В-третьих, необходимо использование технологий для защиты интеллектуальной собственности. Искусственный интеллект может стать мощным инструментом для защиты интересов правообладателя.

В-четвертых, важна доработка современного законодательства. Первое, что необходимо сделать, это провести ревизию действующего законодательства в сфере интеллектуальной собственности. Несмотря на то что законы в этой сфере существуют, они часто не подходят для решения современных задач, связанных с развитием цифровых технологий. Кроме того, проблемой является их реализация и применение.

В заключение необходимо отметить, что интеллектуальная собственность в цифровом мире является важным аспектом, который требует комплексного подхода и постоянной адаптации к быстро меняющимся условиям. Стремительное развитие цифровых технологий, открывает новые возможности для создания и распространения креативного контента, однако также создает серьезные вызовы в области охраны прав авторов и разработчиков.

Богомолова Полина,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

S0149546@edu.msal.ru

ВЛИЯНИЕ ЗАКОНА ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРАВО

Аннотация: в статье рассматривается Закон Европейского Союза об искусственном интеллекте 2024 в контексте его влияния на существующие нормы интеллектуальной собственности. Искусственный интеллект, а также его разработка и внедрение в широкомасштабное использование занимают одну из ведущих направлений современного законодательства. Закон представляет собой нормативную базу для реализации деятельности с использованием систем ИИ, которая корректирует положение произведений, созданных ИИ, а также правообладателей и пользователей. Всё это способствует защите интеллектуальных прав, а также предотвращению дальнейших нарушений.

Ключевые слова: интеллектуальное право, авторское право, интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, закон об искусственном интеллекте.

С ростом интенсивности использования моделей искусственного интеллекта (ИИ) становится более очевидной необходимость заполнения правового пробела в этой области. В 2023 г. в Европейский парламент (ЕП) был представлен проект Закона о передовом ИИ, а затем одобрен членами ЕП 13 марта 2024 г. 1 августа 2024 г. в силу вступил Закон Европейского Союза об ИИ (AI Act), регламентирующий использование систем ИИ в Европе. Считается первой в мире правовой базой, стандартизирующей многоуровневое регулирование процессов с использованием ИИ, основанное на уровне риска. Главными целями документа являются обеспечение защиты основных прав, верховенства закона, демократии и экологической устойчивости от высокорискового ИИ, одновременно стимулируя инновации, а

также внедрение ИИ, ориентированного на человека и заслуживающего доверия (ст. 1 AI Act)¹.

Данный правовой акт не содержит конкретных положений, касающихся права интеллектуальной собственности, однако пункты, относящиеся к субъектам авторского права.

Согласно ст. 3 Закона об ИИ система искусственного интеллекта определяется как «машинная система, предназначенная для работы с различными уровнями автономии и которая может демонстрировать действия после внедрения и которая для явных или неявных целей выводит из полученных ею данных, как генерировать результаты, такие как прогнозы, содержание, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду». Следует отметить, что Европейская комиссия также примет более подробные руководящие принципы применения этого определения в будущем.

Основываясь на гл. 3 данного акта, системы искусственного интеллекта будут классифицированы в соответствии с их уровнем риска: неприемлемый риск для систем прямо запрещен самим регулированием; высокий риск, когда системы будут оцениваться на основе соблюдения минимальных требований; низкий риск для систем, подлежащих обязательствам прозрачности; минимальный риск для систем без обязательств.

В этом контексте системы искусственного интеллекта также включают в себя те «генеративные» системы искусственного интеллекта, которые требуют больших наборов данных для их обучения. Наиболее обсуждаемый вопрос в области интеллектуальной собственности на самом деле касается именно инструкции по этим системам на основе контента, защищенного авторским правом.

Закон предусматривает некоторые обязательства для разработчиков. Так, согласно ст. 50, как четкое уведомление пользователя о случаях, когда ИИ напрямую взаимодействует с отдельными лицами, маркировка контента, генерируемого ИИ, информирование лиц, подверженных этим процессам, о системах, которые могут выполнять операции (такие как распознавание эмоций, биометрическая категоризация), и выполнение этого в соответствии с процедурами и законами и разъясняя пользователям системы искусственного интеллекта, которая создает изображения, аудио- или видеоконтент или манипулирует ими, а также создает дипфейки.

В частности, последнее обязательство, касающееся маркировки, имеет информативную функцию, информируя о том, что контент был создан с помощью искусственного интеллекта. Мы считаем, что эта функция маркировки может способствовать принятию решений соответствующими органами в случаях потенциальных споров, рассматривая этот вопрос в связанных с ними делах, и представляется, что, по крайней мере на данный момент, разъяснение этих моментов остается за судами.

Также, согласно ст. 53, поставщики ИИ обязаны подготавливать и предоставлять документацию по ИИ в Управление ИИ и национальные компетентные органы, подготавливать и предоставлять информацию для поставщиков ИИ, которые намерены использовать универсальную модель ИИ в собственные системы, опубликовывать подробную информацию, использу-

¹ URL: <https://artificialintelligenceact.eu/article/1/> (дата обращения: 14.01.2025).

мую для моделей ИИ. Данные нормы способствуют установлению структуры, которая позволит поставщикам ИИ действовать в соответствии с правовыми нормами, соблюдать авторские права, а также предоставлять публичный доступ к данным, которые повлияют на использование систем ИИ.

Также поставщики моделей искусственного интеллекта по-прежнему должны будут соблюдать законодательство Европейского Союза об авторском праве, включая Директиву об авторском праве, в частности в связи с «очисткой» баз данных, необходимой для обучения систем ИИ.

Обязательство соблюдать закон об ИИ распространяется на любого оператора, внедряющего систему ИИ в ЕС, независимо от юрисдикции, в которой было пройдено обучение. Также сам оператор должен основываться на действии правил ЕС об авторских правах. Всё это необходимо, что операторы из государств с менее строгими правилами не пользовались конкурентным преимуществом и соблюдалось равенство для всех участников союза.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что Закон об ИИ вводит ряд существенных норм, которые направлены на предотвращение возможных нарушений, обеспечение защиты правообладателей и предоставление поставщикам ИИ более конкретной правовой основы для их деятельности по сравнению с предыдущими годами, что делает этот документ уникальным. Однако адекватность этих положений станет ясна только на практике при разъяснении судами многих положений и случаев нарушения, что, несомненно, заставит развиваться нормы права в этой области.

Будняк Дарья,
студент,

Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой (ПГУ)

Беларусь, г. Новополоцк
d.s.budnyak@students.psu.by

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ И ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация: в статье рассматривается применение технологий виртуальной реальности (VR) и дополненной реальности (AR) в образовательном процессе как инновационного подхода к обучению. Описываются основные характеристики VR и AR, их возможности для создания интерактивной и привлекательной образовательной среды, а также потенциал для глубокого погружения в учебный материал. Приводится обзор исследований, подтверждающих положительное воздействие VR и AR на усвоение сложных концепций и вовлеченность учащихся в процесс обучения. Подчеркивается роль этих технологий в контексте цифровизации образования в Республике Беларусь, а также их вклад в развитие научного потенциала и инновационной активности.

Ключевые слова: виртуальная реальность, дополненная реальность, образование, цифровизация, научно-техническая информация, инновации, интерактивное обучение, иммерсивная среда, визуализация, практические навыки.

Технологии VR и AR представляют собой инновации, которые активно внедряются в сфере образования. VR позволяет пользователям окунуться

в цифровой мир, отрываясь от реальности благодаря специальному оборудованию, такому как VR-очки и контроллеры. Учащиеся могут погрузиться в виртуальную среду и взаимодействовать с ней, получая новый опыт и знания. Дополненная реальность позволяет учащимся видеть и взаимодействовать с виртуальными объектами и информацией, которая добавляется к реальной среде с помощью специальной техники, такой как смартфоны и планшеты¹.

VR и AR в образовании предоставляют новые возможности и подходы к обучению². Технологии VR и AR обогащают образовательную среду, делая ее более привлекательной и интерактивной. Они предоставляют учащимся возможность погрузиться в учебный материал на более глубоком уровне и активно участвовать в учебном процессе.

В пункте 9 Цифровизация системы образования главы 5 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 30.11.2021 № 683 «О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года» предусмотрена разработка научно-методического обеспечения образования на всех его уровнях с использованием цифровых платформ, сервисов и инструментов, облачных технологий, виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта³.

Существует ряд исследований, подтверждающих положительное воздействие виртуальной и дополненной реальности на образование. Например, исследование Брауновского университета показало, что использование VR-технологий способствует лучшему усвоению сложных научных и математических концепций за счет визуализации и практического взаимодействия с ними. Другое исследование, проведенное в университете Калифорнии, выявило, что применение AR-технологий в обучении истории делает этот предмет более увлекательным и визуальным. Учащиеся могут видеть виртуальные объекты и персонажей, связанных с историческими событиями, что способствует лучшему запоминанию материала⁴.

На сегодняшний день образование становится одним из самых перспективных направлений для использования виртуальной реальности. Технологии виртуальной и дополненной реальности активно внедряются в учебный процесс, помогая учащимся изучать различные предметы, такие как история, география, биология, физика и химия. С помощью виртуальных экскурсий на уроках истории и географии, учащиеся могут познакомиться с различными местами и событиями, а также погружаться в детали химических и биологических процессов.

¹ Макгуинн И. В. Применение дополненной и виртуальной реальности в образовании // CCS&ES. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-dopolnennoy-i-virtualnoy-realnosti-v-obrazovanii> (дата обращения: 15.04.2024).

² Иванько А. Ф., Иванько М. А., Бурцева М. Б. Дополненная и виртуальная реальность в образовании // Young Scientist. 2018. № 37 (223). С. 11–16. ISSN 2072–0297 (дата обращения: 15.04.2024).

³ О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.11.2021 № 683 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Новополоцк, 2024.

⁴ Технологии виртуальной и дополненной реальности в образовательном процессе / Полева И. И., Иваницкий А. Г., Миканович А. С. [и др.]. DOI: <https://doi.org/10.33408/2519-237X.2022.6-1.119> (дата обращения: 29.09.2024).

Научно-техническая информация (НТИ) играет важную роль в системе образования Республики Беларусь, способствуя развитию научного потенциала, инновационной активности и повышению качества образовательного процесса. Образовательные учреждения обеспечивают доступ к базам данных, электронным библиотекам и научным журналам, что позволяет студентам и преподавателям получать актуальную информацию о новых исследованиях и технологиях. Государственные программы и фонды поддержки науки способствуют финансированию исследовательских проектов, что положительно сказывается на обучении студентов и повышении квалификации преподавателей. Согласно главе 6 Цифровизация государственной системы НТИ Указа Президента Республики Беларусь от 15.09.2021 № 348 «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы» для разработки и широкомасштабного внедрения современных технологий обработки, хранения, поиска и передачи НТИ необходимо обеспечить: разработку и внедрение в систему НТИ технологий обработки больших массивов данных, искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности и других современных технологий работы с информацией¹.

VR предоставляет уникальные возможности для обучения, позволяя учащимся:

- Наглядно изучать сложные концепции. VR позволяет создавать 3D-модели и симуляции, которые демонстрируют сложные процессы и явления на микро- и макроуровне.

- Безопасно оттачивать практические навыки. VR обеспечивает безопасную среду для отработки практических навыков в таких областях, как управление транспортными средствами, выполнение медицинских процедур и эксперименты.

- Побуждать к активному участию. VR делает обучение более интерактивным и увлекательным, вовлекая учащихся в игровые сценарии и симуляции, которые улучшают запоминание и усвоение знаний.

- Улучшать концентрацию. VR создает захватывающую среду, позволяющую учащимся сосредоточиться на учебном материале без отвлечения.

Внедрение VR в образование требует адаптации учебных программ и методов для эффективного использования этих новых возможностей.

Для внедрения AR в образование используются методы распознавания образов, маркеров и технология SLAM. Для распознавания образов необходимо добавить фотографии объектов и определить их общие параметры. Для отслеживания маркеров требуется использовать изображения или создать специальные метки, которые помогут системе определить положение объекта на плоскости.

SLAM (Simulation Localization and Mapping) — метод одновременной локализации и построения карты, при котором картинка раскладывается на геометрические объекты и линии, а затем система выделяет ключевые точки и запоминает их, фиксируя их расположение в пространственных координатах.

¹ О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : Указ Президента Республики Беларусь от 15.09.2021 № 348 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Новополоцк, 2024.

тах на последовательных кадрах видеопотока, благодаря этой технологии AR система лучше ориентируется в пространстве¹.

Прогрессивные тенденции в образовании всемирно признают растущую значимость современных технологий, исходя из этого можно предположить, что использование технологий виртуальной и дополненной реальности в образовании будет расширяться, предоставляя новые возможности и способы их применения.

На данный момент значительную роль в образовательном процессе играют виртуальные музеи. Они представляют собой мощный инструмент в современном образовании, предлагая новые возможности для обучения и расширения познавательного опыта учащихся. Данные музеи обладают рядом преимуществ перед традиционными музеями, позволяя сделать образовательный процесс более интерактивным, доступным и эффективным. В настоящее время в Республике Беларусь виртуальным музеям уделяется более пристальное внимание. Так, в Государственной программе «Культура Беларуси» на 2021–2025 гг. среди основных направлений развития культуры указано «повышение качества и обеспечения максимальной доступности культурных услуг, благодаря внедрению разнообразных форм обслуживания населения с использованием современных технологий (3D)»².

Виртуальная и дополненная реальность могут быть очень полезными в образовании, позволяя создавать увлекательные и интерактивные уроки, обучающие симуляции, виртуальные экскурсии и многое другое. Однако в Республике Беларусь существуют несколько проблем, затрудняющих широкое использование этих технологий в образовании:

— Недостаток финансирования. Внедрение технологий виртуальной и дополненной реальности требует значительных затрат на закупку оборудования, разработку программного обеспечения и подготовку персонала.

— Недостаток подготовленности педагогов. Для эффективного использования технологий виртуальной и дополненной реальности в образовании необходимо наличие квалифицированных преподавателей, готовых и способных интегрировать новые методики обучения в свою педагогическую практику.

— Ограниченное использование Интернета. Доступ к стабильному и быстрому Интернету может быть проблемой в некоторых регионах Республики Беларусь, что затрудняет использование онлайн-ресурсов, облачных сервисов и других технологий, связанных с виртуальной и дополненной реальностью.

— Юридические и этические вопросы. Существуют ограничения и нормативы, касающиеся использования технологий виртуальной и дополненной реальности в образовании, а также вопросы конфиденциальности данных учащихся и защиты их личной информации.

Для успешного внедрения VR и AR технологий в образование в Республике Беларусь необходимо уделить внимание указанным проблемам и разработать стратегию и меры поддержки, направленные на их решение. Так, в Респу-

¹ Обзор методов и технологий отслеживания положения для виртуальной реальности // URL: <https://habr.com/post/397757/>. 12.09.2016 (дата обращения: 15.04.2024).

² О Государственной программе «Культура Беларуси» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29.01.2021 № 53 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Новополоцк, 2024.

близке Беларусь существует Кодекс Республики Беларусь об образовании, который регулирует отношения в сфере образования, устанавливая основные принципы, нормы и правила, касающиеся образовательной системы страны. Однако в нем отсутствуют положения, касающиеся цифровизации образования и внедрения новых технологий. Необходимо внести изменения и дополнения в данный кодекс, чтобы учесть актуальные вопросы цифровизации образовательной системы.

Власенко Дарья,
магистрант,
Санкт-Петербургский государственный
университет (СПбГУ)
Россия, г. Санкт-Петербург
vlasenkoda@list.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье поднимается проблема привлечения нарушителей к ответственности за действия, совершенные в виртуальной реальности. В настоящее время негативные последствия нарушений интеллектуальных прав в таких средах преимущественно несут разработчики и создатели соответствующих сред, а не пользователи. Основной причиной тому становится сложность доказывания убытков и факта введения потребителя в заблуждение, что подтверждается мировой практикой.

Ключевые слова: виртуальная реальность, нарушение интеллектуальных прав, ответственность за нарушение прав, правообладатель, игровая индустрия, цифровые товары.

С развитием технологий возникает всё больше сред и инструментов, которые так или иначе влияют на интеллектуальное право и способы его защиты. Виртуальная реальность, будучи одной из таких сред, может использоваться как во благо, так и во вред интеллектуальной собственности. При этом применение виртуальной реальности распространяется не только на сферу развлечений и игр¹, а потому несет за собой потенциально большую угрозу для интеллектуальных прав, чем может показаться на первый взгляд.

В виртуальной реальности нередко случаи нарушения исключительных и личных неимущественных прав. Возникать они могут как преднамеренно, например, в целях заимствования репутации известного бренда для рекламы собственной продукции, так и вследствие неосведомленности пользователя о запрете неправомерного использования чужих объектов интеллектуального права. Во избежание подобного компании, связанные с предоставлением услуг виртуальной реальности, нередко вводят специальные положения в лицензионные соглашения, которые позволяют предотвратить массовые нарушения и сужают круг ответственных за них лиц. Например, в Условиях предоставления услуг VRChat указано, что пользователь при загрузке и рас-

¹ Иванова А. В. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 3 (106). С. 88–107.

пространении контента должен обладать на то правом, а также единолично нести ответственность в случае нарушения прав третьих лиц при совершении указанных действий¹.

Тем не менее в действительности пользователи редко несут какую-либо ответственность за такие нарушения. Упомянутый выше VRChat изобилует пользовательским контентом, у которого есть правообладатели и авторы, чье мнение часто не учитывается игроками. Существует практика, где жалобы на нарушение интеллектуальных прав предъявлялись не непосредственно к нарушителям (пользователям), а к компаниям, ответственным за платформу, сервис, где возможно использование виртуальной реальности. К примеру, игровая компания Nintendo не раз отправляла в адрес студии Facepunch жалобы в связи с существованием модификаций, связанных со вселенными Nintendo. Поскольку игре уже больше 18 лет и число модификаций весьма велико, разработчики обратились к игрокам с просьбой помочь в удалении спорного контента². Таким образом, основной санкцией, если таковая применяется, является ликвидация загруженного и распространяемого объекта интеллектуальных прав, что является наказанием скорее для платформы, нежели нарушителя.

Внимания заслуживает и тот факт, что правообладателю может быть сложно доказать понесенный им ущерб, так как реализуемые в реальном мире товары практически не пересекаются с виртуальными товарами³. Более того, необходимость постоянного отслеживания загружаемого контента также может стать препятствием для защиты интеллектуальных прав. Зачастую виртуальная реальность не включает в себя технологии автоматизированного реагирования на такие нарушения, а значит, перекладывание ответственности на разработчиков/создателей виртуальной реальности и игнорирование массовых нарушений является вынужденной мерой.

Некоторыми исследователями принято разделять цифровые товары и товары, имеющие материальное выражение. В. В. Архипов высказывает позицию, что нацеленность правоприменительного решения на несерьезное и фантазийное общественное отношение является абсурдным по своей сути⁴. Его поддерживает К. В. Геец, который отмечает отсутствие у цифровых отображений реально существующих объектов социально-валютной ценности, а следовательно, однородности и вероятности смешения. Исключением является явное акцентирование внимания на таком объекте, что может быть признано нарушением исключительных прав⁵.

¹ Terms of service // Steam [site]. URL: https://store.steampowered.com//eula/438100_eula_0 (date of treatment: 04.01.2025).

² Facepunch сдается без боя: Nintendo добилась удаления своего контента из Garry's Mod // Playground.ru [сайт]. Опубликовано 25 апреля, 2024. URL: https://www.playground.ru/garrys_mod/news/facepunch_sdayotsya_bez_boya_nintendo_dobilas_udaleniya_svoego_kontenta_iz_garrys_mod-1694789?ysclid=m5ifs5jxag671417369 (дата обращения: 04.01.2025).

³ Рузакова О. А., Гринь Е. С. Вопросы защиты интеллектуальной собственности в области технологий виртуальной и дополненной реальности (VR, AR) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 502–523. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-502-523.

⁴ Архипов В. В. Семантические пределы права в условиях медийного поворота: теоретико-правовая интерпретация : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2019.

⁵ Геец К. В. Товарные знаки в видеоиграх и виртуальных мирах // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 4 (42). С. 98–114. DOI: 10.58741/23134852_2023_4_9.

Судебную практику по данному вопросу в России нельзя назвать единообразной. Если в некоторых случаях суды встают на сторону истцов, не допуская возможного очернения репутации компании¹, в других — защищают ответчиков, говоря о допустимости использования защищенной законом интеллектуальной собственности, если она не носит рекламный характер и органично вписывается в произведение². Если обратиться к зарубежной практике, А. Ю. Чурилов приводит в пример дело BMW v. TurboSquid, которое является одним из многих подобных споров, рассмотренных в США. Он отмечает, что при их решении суды цитируют решение Верховного суда, согласно которому введение в заблуждение возможно лишь между материальными товарами, а не между материальным товаром и 3D-моделью³.

Подводя итог вышесказанному, на данный момент нельзя заявить о наличии эффективных способов предотвращения нарушения интеллектуальных прав в виртуальной реальности. Это среда вбирает в себя массу пользовательского контента, фильтрация которого ложится на плечи ее разработчиков и владельцев. Сами же пользователи в основном не подвергаются каким-либо негативным санкциям. Связано это со сложностью доказывания факта нарушения интеллектуальных прав и наличия убытков, что подтверждается мировой практикой.

Головёнкина Анастасия,

студент,

ФГБОУ ВО «Марийский государственный
университет» (МарГУ)

Россия, г. Йошкар-Ола

anastasia.golovyonkina@yandex.ru

ЦИФРОВЫЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАВА: ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Аннотация: данная статья исследует взаимосвязь между цифровым и интеллектуальным правом, выявляя их общие и отличительные черты. Особое внимание уделено цифровой форме хранения и распространения творческих результатов, объекты которых уже существуют в цифровом виде. Почему все-таки традиционные взгляды на права интеллектуальной деятельности (РИД) уступают место новым представлениям, обусловленным особенностями современного цифрового мира?

Ключевые слова: интеллектуальные права, цифровое право, искусственный интеллект, цифровое имущество, результаты интеллектуальной деятельности.

В последнее десятилетие человечество начало всё больше взаимодействовать с объектами цифрового и искусственного мира. Мы, люди, стали переносить почти все аспекты своей жизни во всемирную паутину, а потом

¹ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 05.08.2009 № КГ-А41/4778-09 по делу № А41-5137/08 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2025).

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10.02.2020 № С01-1426/2019 по делу № А40-64050/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2025).

³ Чурилов А. Ю. Товарные знаки в цифровую эпоху // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2018. № 7. С. 47–54.

порой не замечаем и удивляемся, насколько компьютерная машина завладела нашими персональными данными и стала знать о нас больше, чем мы сами. Внедрение технологий информационно-телекоммуникационной связи, особенно Интернета, а затем искусственного интеллекта, привело к их широкому применению в жизни человека, включая творческую и интеллектуальную деятельность.

Да, действительно сейчас полностью открыта возможность создавать объекты, которые превосходят достижения человеческого разума. Е. А. Суханов, специалист по гражданскому праву, д. ю. н., профессор также отмечает: «условность терминов «цифровое имущество» и «цифровые права», которые в действительности представляют собой не новый вид объектов имущественного оборота, требующий создания особого гражданско-правового режима, а аналогичный «бездокументарным ценным бумагам» технический способ фиксации определенных законом имущественных прав, осуществление которых возможно лишь с помощью специальных компьютерных технологий в пределах известных информационных систем»¹. По своей правовой природе цифровое право и вправду проще всего сравнивать с бездокументарной ценной бумагой, которая представляет из себя некую фикцию, являющаяся способом фиксации обязательственного или другого права.

В ГК отсутствует понятие «цифровые права», в статье 141.1 ГК РФ лишь указаны условия, при которых процессы или факты в цифровой среде могут быть признаны объектами гражданских прав. Они подтверждают право на все объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ, то есть охватывают не только иное имущество, но и результаты работ или услуги, защищенные РИД. В связи с этим возникло предложение выделить как особый объект вещь, существование и оборот которой возможны с использованием электронных и других технических средств.

В данной статье хочу подробнее разобрать новый инновационный продукт, который существует как на материальном носителе (компьютере), так и цифровой форме — искусственный интеллект.

В пункте 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ дается следующее определение: искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Данное определение дает возможность сделать вывод, что речь идет о сложном объекте гражданских прав — едином неделимом объекте, в состав которого могут входить различные охраняемые результаты интеллектуальной деятельности:

- программный продукт, программа как результат «машинного творчества», который следует квалифицировать в качестве программ для ЭВМ;
- программное обеспечение компьютера как совокупность программ, позволяющее осуществить на компьютере автоматизированную обработку информации и создать необходимый программный продукт;

¹ Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества». М., 2021.

- искусственные нейронные сети (ИНС), как правило, квалифицируются в качестве программ для ЭВМ;
- алгоритмы и программное обеспечение в качестве ноу-хау;
- технические решения как изобретения;
- базы данных как сложные (п. 1 ст. 1240 ГК РФ) или составные объекты (п. 2 ст. 1260 ГК РФ) и др.¹

Итак, искусственный интеллект можно рассматривать как сложное образование, включающее различные охраняемые результаты интеллектуальной деятельности. Следовательно, право на результаты работы искусственного интеллекта, так и на единую его технологию заключается в возможности правообладателя решать юридическую судьбу этого права. Учитывая возникающие противоречия в гражданско-правовом регулировании отношений, связанных с разработкой новых технологий и их практическим применением в решении вопросов юридической судьбы исключительного права на технологию. С 1 января 2022 г. глава 77 «Право использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии» ГК РФ и Федеральный закон от 25.12.2008 № 284-ФЗ «О передаче прав на единые технологии» утрачивают силу. Как отмечает к. ю. н., доцент УрГюа А. В. Лисаченко, «за исключаемую главу мало кто вступился».

Однако важно отметить, что интеллектуальные права признаются исключительно на РИД и не принадлежат автору или другому правообладателю. Получается, что интеллектуальные права, относящиеся к имущественному праву, попадают в категорию объектов гражданских прав — вещей и другого имущества.

В чем же конкретно состоит соотношение понятий «цифрового» и «интеллектуального»?

1. Действующее законодательство об интеллектуальных и цифровых правах недостаточно регулирует объекты авторского права в цифровом виде и их зачиту в Интернете.

2. Современное российское законодательство на данном этапе цифровизации не готово признать искусственный интеллект и его технологии патентноохраняемыми объектами, поскольку до сих пор в российском гражданском праве не выработано даже четких критериев и требований к патентованию софта как части технического решения.

3. Увеличение применения цифровой среды в качестве платформы для размещения объектов в цифровом формате вызывает вопросы о соотношении «новых» объектов прав с уже имеющимися правовыми конструкциями.

4. Обладают комплексным характером, но различаются по содержанию: цифровые права не могут быть личными неимущественными, в то время как интеллектуальные права не включают обязательственные, в отличие от исключительных.

К сожалению, проблема разграничения результатов человека и искусственного интеллекта остается по-прежнему актуальной, поэтому как бы

¹ См.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б. Цифровизация гражданского оборота: «искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в механизме договорного регулирования : монография. М. : Проспект. 2022. С. 10–12.

мы все не старались на ее исследование и разрешение уйдет еще достаточно много времени...

Горленко Максим,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

max19gorlenko2005@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА РЕЗУЛЬТАТОВ РАБОТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: в статье рассмотрены основные подходы к определению правового режима результатов работы систем ИИ, приведены преимущества и недостатки указанных подходов на основе мнений российских и зарубежных правоведов. Дано обоснование оставлению произведений ИИ без защиты или перевод их в общественное достояние в качестве временной меры до появления релевантных разработок в теории права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, произведения ИИ, авторское право.

Научно-технический прогресс в области искусственного интеллекта открыл человеку беспрецедентные возможности по обработке информации. Объем инвестиций в сфере ИИ за последние годы достиг сотен миллиардов долларов США¹, что иллюстрирует растущий интерес к подобным технологиям во всех сферах экономики. Изменения подобного масштаба не могут не вызвать правовой дискуссии, особенно учитывая противоречия, привнесенные генеративным ИИ в понимание творчества и связанных с ним явлений. Особо значительные проблемы возникают в праве интеллектуальной собственности. Наиболее острая из таких проблем — определение правового режима и авторства результатов работы систем генеративного ИИ (далее — произведения² ИИ).

На данный момент в отечественной и иностранных правовых доктринах сформировалось несколько подходов³ к определению правового режима произведений ИИ, однако у каждого имеются недостатки. Первым и самым популярным⁴ подходом является защита произведений ИИ посредством их включения в список объектов авторских прав. При применении такого подхода неизбежно возникает проблема определения авторства произведений, созданных системами ИИ. Выделяется три подхода к определению авторства произведений ИИ: авторство разработчика системы ИИ, пользователя или

¹ См.: Alexander Cuntz, Carsten Fink, Hansueli Stamm Artificial Intelligence and Intellectual Property: An Economic Perspective // WIPO Economic Research Working Paper, No. 77/2024.

² Слово «произведение» в данном случае используется в широком смысле, а не в качестве легального термина, указывающего на одноименный объект авторских прав.

³ См.: Massadeh F., Alnusair F., Massadeh A. A. M., & Ismail M. The legal protection of artificial intelligence-generated work: The argument for sui generis over copyright // Corporate Law & Governance Review. 2024. Vol. 6. No. 1. P. 49–56.

⁴ См., например: U.S. Copyright Office Copyright and Artificial Intelligence, Part 1: Digital Replicas — A Report of the Register of Copyrights. 2024. P. 8–22 ; Mackenzie C. What Is an «Author»?-Copyright Authorship of AI Art Through a Philosophical Lens // Houston Law Review. 2023. Vol. 61. No. 2. P. 411–442.

самого ИИ. Третий подход, хотя и поддерживается некоторыми иностранными исследователями¹, не может быть принят как ввиду ограничений на уровне философии права, принятой в текущей парадигме права интеллектуальной собственности по всему миру², так и вследствие прямого указания закона (ст. 1257 Гражданского кодекса РФ³) на то, что автором произведения может быть только человек (гражданин). Второй подход также представлен в научной дискуссии и поддерживается некоторыми правоведами, в том числе и российскими⁴. Уязвимость данной позиции в том, что наделение создателя системы ИИ правами на произведения, сгенерированные указанным ИИ, открывает возможность получения дохода дважды из одного источника, так как создатель уже обладает правом на систему ИИ как программу для ЭВМ и может использовать ее для извлечения прибыли⁵. Подобная ситуация не представляется справедливой. Первый подход является наиболее обоснованным из трех, ведь именно пользователь ИИ задает параметры генерации, то есть совершает единственное действие, которое возможно определить как творческое усилие, направленное на создание произведения ИИ⁶. Именно поэтому авторство произведения ИИ (которое должно быть у любого произведения) разумно признать за конечным пользователем. Однако признание авторства не влечет с необходимостью предоставление произведению правовой защиты, необходимость и обоснованность которой будет рассмотрена далее.

Второй подход к определению правового режима произведений ИИ — установление специального режима *sui generis*. Данный подход имеет поддержку среди российских и зарубежных исследователей⁷ и представляется более удачным решением, чем защита посредством режима объекта авторских прав. Среди преимуществ описываемого подхода — отсутствие проблемы с критериями объекта авторских права, таких как творческий характер и оригинальность. Однако наличие режима *sui generis* не решит вопроса о том, кому именно должны принадлежать права на произведения ИИ, и поэтому не поможет избежать описанных выше противоречий, связанных с предоставлением прав на указанное произведение кому-либо из возможных субъектов.

Третий из представленных в доктрине подходов не столь распространен, однако именно он на данный момент представляется наиболее обоснованным и подходящим для стремительно развивающейся сферы ИИ. Заключа-

¹ См.: Gear A. Deconstructing Anthropos: A Critical Legal Reflection on «Anthropocentric» Law and Anthropocene «Humanity» // Law and Critique. 2023. Vol. 26. No. 3.

² Подробнее см.: Богданов Д. Е. Правовой режим результатов, сгенерированных искусственным интеллектом: антропоцентризм vs. трансгуманизм в сфере права интеллектуальной собственности // Lex russica (Русский закон). 2024. № 1. С. 32–53.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 24.11.2006 № 318-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2025).

⁴ См., например: Мартынова Е. Ю. К вопросу об определении субъекта авторства в отношении произведений, созданных искусственным интеллектом // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 241–256.

⁵ См.: Denicola R. C. Ex Machina: Copyright Protection for Computer-Generated Works // Rutgers University Law Review. 2016. Vol. 69. No. 1. P. 251–287.

⁶ См.: Mackenzie C. Op. cit.

⁷ См., например: Рахматуллина Р. Ш. Использование технологий искусственного интеллекта и особенности охраны ее результатов // Образование и право. 2020. № 11. С. 173–177 ; Massadeh F. et al. Op. cit.

ется данный подход в оставлении произведений ИИ без правовой защиты или их перевод в общественное достояние. Такая модель регулирования (или его отсутствия) позволяет избежать описанных выше противоречий, протекающих как из философии права, так и из конкретных норм и принципов права интеллектуальной собственности¹. Также такой подход обеспечивает значительную свободу в сфере ИИ и не ограничивает ее развитие, что важно на современном этапе интенсивных инноваций, поэтому представляется наиболее выгодным решением также с точки зрения экономики². Однако для обеспечения интересов добросовестных авторов, приложивших творческие усилия к созданию произведения (например, тонкая настройка параметров системы ИИ или последующая доработка произведения) представляется разумной разработка норм, позволяющих признать произведение охраноспособным. Такое признание будет производиться после предоставления автором доказательств своего оригинального творческого участия в создании произведения, как в приведенных выше примерах.

В заключение необходимо отметить, что искусственный интеллект — одна из самых инновационных и динамично развивающихся отраслей информационных технологий, что делает разработку профильного правового регулирования проблематичным. Развитие догматики права интеллектуальной собственности и общей философии права не успевает за стремительными изменениями цифровых технологий, однако с течением времени прогресс в сфере ИИ неизбежно замедлится. Из этого следует вывод о том, что предложенное выше решение носит временный характер и его следует придерживаться до момента разработки теоретических конструкций, способных стать основой полноценного правового регулирования рассматриваемой сферы.

Гринь Елена,

к. ю. н., доцент,

заместитель заведующего

кафедрой интеллектуальных прав,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, Москва

esgrin@msal.ru

ОСОБЕННОСТИ ДОСУДЕБНОЙ И СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАВАЕМЫХ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, возникающие в судебной практике и юридической литературе относительно аудиовизуальных произведений, создаваемых с помощью искусственного интеллекта. Автор анализирует особенности досудебной и судебной защиты прав авторов таких произведений.

Ключевые слова: интеллектуальные права, искусственный интеллект, аудиовизуальные произведения, автор, досудебная защита, судебная защита.

¹ См.: Mezei P. From Leonardo to the Next Rembrandt — The Need for AI-Pessimism in the Age of Algorithms // UFITA. 2020. Vol. 84. No. 2. P. 390–429.

² См.: Alexander Cuntz et al. Op. cit.

Достаточно большое количество судебных споров в 2024 г. охватывало именно вопросы правовой охраны новейших аудиовизуальных произведений. Это прежде всего связано с повсеместным использованием технологий искусственного интеллекта для создания видео, фото-контента, который используется в различных сферах, прежде всего предпринимательской деятельности. В юридической литературе в настоящий момент отсутствует единое понимание о правовой квалификации режима таких новейших произведений, более того, нет единой точки зрения в квалификации автора или правообладателя созданного результата (сгенерированного) с помощью технологий искусственного интеллекта¹.

Особенность рассмотрения споров по аудиовизуальным произведениям, созданным с помощью цифровых технологий заключается в том, что при выборе способа защиты нарушенного права используют прежде всего правовые механизмы досудебного урегулирования споров. И в таких случаях необходимо отметить, что стороны часто обращаются в тч к обеспечительным мерам. Поэтому до предъявления иска (например, о взыскании компенсации) у организации или гражданина есть право подать в Московский городской суд заявление о предварительном обеспечении защиты авторских и или смежных прав (кроме прав на фотографии) — о блокировке сайта, на котором размещены материалы, нарушающие исключительные права на объекты авторских прав (ст. 144.1 ГПК РФ). Обязательными условиями для принятия таких мер являются: доказательство принадлежности заявителем исключительного права на объект авторских прав и использование объекта авторских прав на конкретной странице сайта. В законе не установлен перечень допустимых доказательств, на основании которых устанавливается факт нарушения, но суд вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные законом, например, документы, подтверждающие авторство, либо документы, подтверждающие приобретение исключительного права (договоры об отчуждении, лицензионные договоры), а также доказательства, которые могут подтвердить факт нарушения права: (скриншот с указанием адреса интернет-страницы и точного времени, нотариальный протокол интернет-страницы, иные допустимые доказательства. Подобные механизмы защиты, как досудебные, а также и обеспечительные меры используются чаще при защите прав от использования и распространение произведений авторов (без их согласия) на сайтах складчин². Досудебный порядок защиты прав, в тч и медиация, стали чаще применяться при защите интеллектуальных прав в сети Интернет, и в части аудиовизуальных произведений являются достаточной действенным механизмом защиты прав авторов/правообладателей. Вместе с тем возникают вопросы при защите права в случае невозможности определения ответчика (телеграм-каналов, иных социальных сетей, пабликов), которые могут принадлежать не только отечественным, но и зарубежным пользователям³.

¹ См. об этом: Гринь Е. С. Модернизация положений о договорах в сфере интеллектуальных прав // Законодательство. 2015. № 2. С. 10–18.

² См.: апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 31.03.2022 № 66-695/2022, 66-696/2022, 66-697/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Об этом: Гринь Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт. Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2 (135). С. 128–134.

При судебной защите аудиовизуальных произведений, создаваемых с помощью искусственного интеллекта, уже формируются новейшие подходы в части правовой квалификации таких объектов и их правообладателей. Так, в одном из дел суд посчитал, что право на ролик, созданный при помощи технологии *deepfake* (дипфейк) принадлежит его создателю (блогеру). Так как эта технология только вспомогательный, технический инструмент по созданию видео, а не конкретный способ его создания¹. Ролик был создан с использованием технологий дипфейка (воссоздавая образ известного актера) и ответчики, копируя этот отрывок, указывали, что он является неохраноспособным, так как был создан с помощью цифровых технологий. Суд отдельно указал, что в данном случае имело место творчество, и объекты, создаваемые с помощью технологии искусственного интеллекта могут быть определены как охраноспособные².

Более того, отмечается, что возможно взыскать компенсацию за копирование и содержание подобных аудиовизуальных произведений, а также их названий. Так, в одном из споров по интенсиву «Скажи жизни, Да!» (краткий видеокурс) суд взыскал компенсацию более 1.5 млн р. за незаконное распространение такого объекта, а также размещение товарных знаков на отдельных экземплярах произведения³.

В другом споре онлайн-курс по похудению, который включал в себя фото и видеоматериалы, рецепты был признан охраноспособным аудиовизуальным произведением, а несанкционированное использование отрывков из курса и демонстрация их в социальных сетях — нарушением исключительных прав правообладателя⁴. Таким образом, если ранее в судебной практике и юридической науке отмечалось, что при защите онлайн-курсов не представлялась правовая охрана методике, которая предлагалась в содержании курса, то в последнее время отдельное внимание уделяется именно правовой квалификации таких новейших объектов и рассмотрение их сквозь призму квалификации как сложного объекта интеллектуальных прав, а именно, аудиовизуального произведения и охраны сценария как неотъемлемой части такого сложного объекта⁵. Такой подход позволяет охранять форму произведения, а также составные его части, с учетом специального регулирования, указанного в статьях 1263 и 1240 ГК РФ.

Как ранее уже автор настоящей статьи рассматривал в своих научных работах, видео, создаваемые в сети Интернет и с помощью компьютерных технологий, могут быть квалифицированы как программы для ЭВМ, базы данных, а также аудиовизуальные произведения. Вместе с тем возникает вопрос о правовой охране дизайна или стилистики, сценарному плану таких произведений, например, как стиль страницы в социальных сетях, или видеороликов.

¹ См.: постановление 10 арбитражного апелляционного суда по делу от 08.04.2024 № А40-200471/23 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.08.2024 № С01-1330/2024 по делу № А40-200471/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: решение Арбитражного суда Новгородской области от 29.06.2020 по делу № А44-2151/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: решение Арбитражного суда Тюменской области от 27.04.2024 по делу № А70-21678/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См. также: Домовская Е. В., Гринь Е. С., Новоселова Л. А. Учет и систематизация прав на результаты интеллектуальной деятельности. М., 2019.

За рубежом уже формируется практика по охране рассматриваемых объектов, уже известен судебный спор, в котором рассматривается правовая природа «на вайб» страницы в социальных сетях. Автор одной из страниц в социальных сетях Сидни Николь Гиффорд заявила, что иная блогер Алисса Шейл незаконно присвоила ее образ и нарушила закон об авторских правах, намеренно создав контент, «практически неотличимый» от контента Гиффорд, без упоминания ее имени или имени пользователя. Автор уже зарегистрировала несколько своих постов для того, чтобы зафиксировать время создания произведений и обращаться за судебной защитой.

Сидни Николь указала, что Алисса копировала ее фотографии и видео из социальных сетей, копировала ее наряды и позы, а также нарушала ее фирменный стиль, который Гиффорд описала как «продвижение продукции, подпадающей только под монохромную кремовую, серую и нейтрально-бежевую цветовую гамму; стилизация продукции на современном минималистичном фоне»¹. Такие споры являются новейшими в сфере социальных сетей и цифровых технологий по защите интеллектуальных прав.

Представляется, что подобные категории споров будут в скоро времени рассматриваться также и в отечественной правоприменительной практике и требуется детальное изучение, а также совершенствование критериев охраноспособности таких результатов творческого труда.

Гуров Георгий,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

s2035292@edu.edu.ru

Жарко Егор,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

s2035292@edu.edu.ru

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ ПРАВ ОТ ИХ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИСКУССТВЕННЫХ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ

Аннотация: в статье нами были рассмотрены методы защиты авторских прав от обучения ИНС в различных странах. Целью работы была разработка собственного метода урегулирования данного вопроса.

Ключевые слова: ИНС, защита авторских прав, методы обучения ИНС, правообладатели.

Благодаря качественному обучению, искусственные нейронные сети (ИНС) способны эффективно выполнять самые различные задачи. Однако в про-

¹ См.: URL: <https://www.nytimes.com/2024/12/05/style/clean-girl-aesthetic-influencer-lawsuit.html> (дата обращения: 16.12.2024).

цессе такого обучения, ИНС могут использовать информацию, защищенную авторским правом, что нарушает права создателей произведений.

Актуальность нашей работы заключается в том, что мы предложим собственный метод защиты авторских прав от их незаконного использования при обучении ИНС, ведь данный вопрос практически не имеет прямого регулирования в большинстве стран мира.

В процессе обучения ИНС могут использоваться различные методы. При свободном обучении нейросеть сама ищет источники, а при обучении с учителем создатели могут умышленно использовать авторский контент при обучении ИНС из-за пробелов в правовом регулировании. Эти аспекты приводят к непрозрачности и сложности контролирования этого процесса третьими лицами.

Примером этому служит иск Гильдии писателей, поданный в 2023 г. против разработчика ИНС OpenAI¹: писатели считают незаконным использование их произведений для обучения ИНС OpenAI, так как им не была предоставлена компенсация за использование их произведений. Также одним из опасений авторов является возможность воспроизведения сходных материалов ИНС, обученной на произведениях писателей, которые могут потенциально наносить ущерб рынку авторских работ.

Сходный иск был подан в 2024 г. группой музыкальных лейблов против компании Suno AI². Истцы утверждают, что произведения их подопечных используют и на их основе генерируют похожие произведения, что является нарушением авторских прав.

Примером правового регулирования этого вопроса является Закон об ИИ³ ЕС, обязывающий разработчиков предоставлять необходимые данные (приложение 12), которые были использованы при обучении ИНС (ст. 53.1 (а)). Эти положения являются основой для разработки будущих возможностей защиты авторских прав путем раскрытия баз данных, использующихся при обучении ИНС.

В Японии данный вопрос регулируется законом «Об авторском праве»⁴. В соответствии с ним ограничивается использование авторского контента для любого анализа, воспроизведения и иных действий без разрешения правообладателя (ст. 30-4, 47-5).

В РФ⁵ и США⁶ отсутствует прямое регулирование авторского права в контексте ИНС. В этих странах существуют тождественные понятия: добросовестное и свободное использование, при которых необязательно наличие согласия автора на использование его произведений. Однако использование авторского контента при обучении ИНС не подпадает под эти критерии.

¹ Case 1:23-cv-08292-SHS Document 39 Filed 12.04.2023 // URL: <https://authorsguild.org/app/uploads/2023/12/Authors-Guild-OpenAI-Microsoft-Class-Action-Complaint-Dec-2023.pdf> (дата обращения: 14.01.2025).

² Case 1:24-cv-11611 Document 1 Filed 06.24.2024 // URL: <https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.mad.272063/gov.uscourts.mad.272063.1.0.pdf> (дата обращения: 14.01.2025).

³ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations // Official Journal of the European Union // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (дата обращения: 14.01.2025).

⁴ Copyright Law of Japan // Copyright Research and Information Center // URL: <https://www.cric.or.jp/english/clj/cl2.html> (дата обращения: 14.01.2025).

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая), ст. 1226, 1228, 1229, 1274.

⁶ Title 17 of United States Code. § 106–120 // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2021-title17/pdf/USCODE-2021-title17.pdf> (дата обращения: 14.01.2025).

Проанализировав законодательства ряда стран и судебную практику, можно сделать ряд выводов. Во-первых, авторы произведений имеют право на защиту своих прав при использовании нейросетями их произведений. Во-вторых, отсутствие конкретных положений, которые напрямую бы регулировали защиту авторских прав в контексте их использования ИНС, приводит к судебным спорам по этим вопросам.

Чрезмерное законодательное регулирование затормозит процесс развития ИНС, в то время как недостаточная регламентация данного вопроса неизбежно приведет к нарушению авторских прав. Поэтому мы считаем, что необходимо прийти к компромиссному варианту, который бы защищал интересы обеих сторон.

По нашему мнению, разработчику необходимо заключить договор на использование произведений автора, в котором будет установлена определенная компенсация. Но ИНС не сможет полностью воспроизводить контент, защищенный авторским правом. Она будет способна выдавать лишь анализ и собственное произведение на основании использовавшихся при обучении данных. Такой результат работы ИНС третьи лица смогут использовать в любых целях, незапрещенных законом.

Однако в случаях возможных сбоях, когда ИНС будет полностью копировать произведение, защищенное авторским правом, ответственность будет возлагаться на разработчиков. Если же такие ответы будут распространяться третьим лицом, то оно так же может быть привлечено к ответственности.

Разработчик обязан публиковать список используемых данных, за использование неуказанной информации будет наступать ответственность. Информация, полученная из открытых источников, не подлежит указанию и выплате компенсации.

Внедрение данных мер в законодательство РФ будет способствовать устранению пробелов в области защиты авторских прав от ИНС при их обучении. Что позволит одновременно защитить права авторов, и обеспечить стабильное развитие ИНС.

Дудинов Дмитрий,

студент,

Уфимский университет науки и технологий,

Россия, г. Уфа,

Dimadudinov1@gmail.com

NFT КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация: в статье рассматривается возможность квалификации NFT в качестве того или иного объекта гражданского права. Актуальность темы исследования трудно переоценить, так как в настоящее время технологии развиваются настолько стремительно, что действующее законодательство не всегда успевает адаптироваться к изменениям, такая ситуация произошла с NFT, на данный момент NFT не имеет четкой регламентации с точки зрения права, что является существенной проблемой, проведя анализ законодательства и сущности NFT, автор пришел к выводу, что NFT по своей природе надлежит относить к иным объектам гражданских прав.

Ключевые слова: NFT токен; объект гражданского права; иные объекты; гражданский кодекс; правовое регулирование.

NFT-токен (non-fungible token) переводится с английского как «невзаимозаменяемый токен». Это уникальный цифровой объект, который олицетворяет нечто, имеющее ценность — персонажа в игре, изображение, доменное имя, твит, аудиозапись.

По своей сущности NFT — это некоторый набор символов, единственный в своей природе, который в последующем «привязывается» к какому-либо цифровому объекту.

Как указывает О. А. Полежаев, выступая в качестве надстроечных или производных юридических конструкций, NFT-токены в подавляющем большинстве случаев обеспечивают интеграцию в современный гражданский оборот классических объектов авторских прав¹.

То есть, говоря простым языком, NFT — это некие данные, которые характеризуют тот или иной цифровой объект.

Отходя от технической части указанного вопроса, необходимо определить правовую природу NFT.

Так, например А. А. Ситник считает необходимым рассматривать NFT в качестве цифровых прав².

В силу статьи 141.1 ГК РФ³, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Как видно из приведенной нормы, признание того или иного объекта цифровым правом возможно только при условии прямого указания на это в том или ином законе, между тем в настоящее время закон признает цифровыми правами утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы,

Цифровые финансовые активы — цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов⁴.

Как видим, NFT не соответствует приведенному определению, так как ЦФА по смыслу указанного закона, по сути, являются так называемыми токенами, которые являются средством инвестирования и закрепляют имущественные права в отношении того или иного финансового актива⁵, сходство с NFT в том, что ЦФА, как и NFT существуют в цифровом виде в системе блокчейн,

¹ Полежаев О. А. Личные неимущественные права автора в контексте NFT: проблемы юридической квалификации и новая парадигма // сайт журнала Суда по интеллектуальным правам получено из <https://ipcmagazine.ru/articles/1765097/2024>. С. 1 (дата обращения: 14.01.2025).

² Ситник А. А. Nft как объект правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 84–93.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Цареградская Ю. К. Криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права: терминологическое многообразие в процессе формирования правовой действительности // Право и цифровая экономика. 2021. № 2. С. 32–38.

между тем NFT токены не являются средством инвестирования, а как уже указывалось, является способом закрепления прав на тот или иной объект.

В силу закона, к утилитарным цифровым правам относятся: право требовать передачи вещи, право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности, право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг¹.

Утилитарное цифровое право представляет собой токен, заверяющий права инвестора на получение определенной выгоды от проекта, в который он вложился.

Такие токены выпускаются сериями с целью привлечения финансирования и являются взаимозаменяемыми.

Это отличает их от NFT, которые являются уникальными и удостоверяют права держателя на конкретный объект, что делает их невзаимозаменяемыми².

Таким образом, для того, чтобы отнести NFT к цифровым правам, необходимо провести комплексное изменение законодательства и ввести NFT в качестве самостоятельного объекта цифровых прав.

Общеизвестные объекты гражданского права содержит в себе статья 128 ГК РФ.

Из указанной нормы видно, что к иному имуществу относится все, за исключением вещей, результатов работ и оказания услуг, охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, нематериальных благ.

Отвергая принадлежность NFT к тем или иным объектам, надлежит указать следующее: очевидно, что NFT не может являться вещью, так как обязательным условием для признания того или иного объекта, является его материальное выражение в материальном мире³, говоря простым языком, все что можно потрогать руками, очевидно NFT токен не имеет материального выражения, так как по своей сущности это набор символов.

По этому же основанию нельзя отнести NFT к результатам работ и оказания услуг, так как NFT представляет своей сущностью не результат деятельности лица, а именно сам уникальный набор символов.

К охраняемым результатам интеллектуальной деятельности относить также нецелесообразно, так как NFT, по сути, является вторичным объектом права, так как удостоверяет тот или иной объект, например правовая охрана будет предоставлена картине автора, но никак не NFT, который, по сути, закрепляет право на объект в цифровом пространстве.

Иной подход искажал саму суть результатов интеллектуальной деятельности, так как интеллектуальная деятельность — результат умственного (мыслительного, творческого) труда человека в области науки, техники, литературы, искусства, которая должна базироваться на принципе добро-

¹ Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2024).

² Емельянов Д. С., Емельянов И. С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10 (241). С. 71–76.

³ Кусакин А. А., Панов И. Н. Понятие «вещь» в гражданском праве // Вопросы российской юстиции. 2022. № 20. С. 179–190.

совестности¹, труд автора не направлен на создание непосредственно NFT токена, токен создается автоматически, с помощью разного рода программ.

Нематериальные блага также не могут включать в себя NFT токены, так как в силу статьи 150 ГК РФ, к нематериальным благам, по сути, относятся личные неимущественные права физического лица².

На мой взгляд, отнесение NFT токенов к категории иных объектов гражданского права является наиболее верным.

Подводя итог, можно сделать вывод, что на современном этапе развития технологий и права, NFT токены полноценно не введены в сферу регулирования гражданского права, так как отсутствует четкое указание в законе о месте NFT в правовом поле, данное обстоятельство порождает дискуссию в правовом и научном поле, учитывая вышеуказанные доводы, до момента прямого указания законодателя о месте NFT в системе гражданского права, считаю целесообразным подходом относить NFT к категории иных объектов гражданских прав.

Жарова Александра,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

zharovaS03@gmail.com

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые правовые проблемы, возникающие при использовании искусственного интеллекта в сфере медицины. Анализируются вопросы конфиденциальности и защиты данных пациентов, а также юридические аспекты применения ИИ в диагностике, лечении и прогнозировании заболеваний. Особое внимание уделяется вопросам ответственности за возможные ошибки и нарушения прав пациентов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, сфера медицины, вопросы ответственности, персональные данные, вопросы этики.

Искусственный интеллект (ИИ) активно внедряется во все аспекты человеческой жизни, и здравоохранение не стало исключением. Однако использование искусственного интеллекта в медицинской практике сопряжено с множеством вызовов, так как это затрагивает вопросы, касающиеся здоровья человека, что в свою очередь, поднимает ряд правовых проблем. В соответствии с законодательством РФ, доступность и качество медицинской помощи обеспечиваются применением порядков оказания медицинской помощи, клинических рекомендаций и стандартов медицинской помощи³. Поэтому необходимо, чтобы применение новых технологий соответствовало безопасности и стандартам оказания медицинской помощи.

¹ Сайфутдинова В. М. Добросовестность и пределы осуществления интеллектуальных прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2020. № 4. С. 65–70.

² Ломовцева Я. Р. Понятие и признаки нематериальных благ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-2. С. 128–131.

³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 10 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://clck.ru/3FiyjE> (дата обращения: 13.01.2025).

На данный момент ИИ активно используется в системах поддержки принятия врачебных решений, которые анализируют жалобы пациентов и предлагают врачам возможные диагнозы. Врач, основываясь на комплексной диагностике, лабораторных исследованиях и других данных, может использовать результаты работы алгоритмов ИИ для уточнения диагноза.

Кроме того, искусственный интеллект применяется в робот-ассистированной хирургии, а также в уходе за пациентами и постоянном мониторинге их физиологических показателей. Это позволяет медицинским специалистам своевременно выявлять отклонения и реагировать на них.

Также стоит отметить активное использование ИИ в приложениях для здоровья (интернет медицинских вещей — IoMT)¹, разработке новых лекарственных средств и генетических исследованиях. Алгоритмы ИИ способны выявлять новые гены или генетические вариации, которые могут быть маркерами определенных заболеваний.

Тем не менее, несмотря на очевидные преимущества применения ИИ в медицине, существуют обоснованные опасения относительно возможности возникновения неточностей и массовых утечек данных пациентов. Важной проблемой остается разработка правовых и этических стандартов для использования ИИ в здравоохранении, поскольку данная сфера является особенно уязвимой и связана с высоким риском для здоровья и жизни пациентов.

В правовом поле ведутся споры о том, вписывается ли ИИ в существующие правовые рамки или же необходимо создание новых законодательных норм, специфичных для его применения в медицине².

В этой связи можно выделить четыре ключевых фактора, которые следует учитывать при использовании ИИ в здравоохранении: получение информированного согласия на применение ИИ в процессе диагностики и лечения; обеспечение безопасности алгоритмов в отношении здоровья пациента; доступность и обоснованность информации, предоставляемой ИИ; работа с персональными данными пациентов.

Одной из главных проблем при использовании искусственного интеллекта в медицине является вопрос ответственности. Сложность данной задачи обусловлена многоуровневой структурой взаимодействия между разработчиками программного обеспечения, медицинскими учреждениями, применяющими данные технологии, и врачами, использующими результаты работы ИИ в своей практике. В каждом из этих звеньев могут возникать ситуации, требующие тщательной оценки степени ответственности. Для решения данного вопроса необходимо разработать четкие правовые механизмы, которые позволят регулировать данные ситуации и устанавливать критерии для определения ответственности. Необходимо уделить особое внимание на разработку стандартов безопасности и качества для систем ИИ, а также механизмов мониторинга их работы.

Наличие информированного согласия представляет собой ключевой элемент при внедрении ИИ в медицинскую практику. Пациенты должны быть осведомлены о том, что их данные будут задействованы в системах ИИ, и должны дать

¹ Интернет медицинских вещей (IoMT): новые возможности для здравоохранения / Е. И. Аксенова, С. Ю. Горбатов. М. : ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2021.

² Ковелина Т. А., Собянин А. В., Марухно В. М. К вопросу о правовом регулировании применения искусственного интеллекта в медицине // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2.

согласие на это использование. Это подразумевает необходимость создания новых форм согласия, которые будут учитывать специфические особенности применения ИИ. Важно, чтобы пациенты имели полное понимание того, каким образом будут использоваться их данные, а также осознавали потенциальные риски и преимущества, связанные с применением ИИ. Таким образом, требуется разработка новых подходов к информированному согласию, которые обеспечат прозрачность в использовании технологий искусственного интеллекта.

Использование ИИ в медицинской практике также сопряжено с рисками, связанными с утечкой и неправомерным использованием персональных данных пациентов. В условиях цифровизации медицинская информация может стать объектом несанкционированного доступа, что обусловлено как уязвимостями в системах безопасности, так и кибератаками. Это создает угрозу конфиденциальности данных, поскольку лица, не обладающие правом доступа, могут получить доступ к чувствительной информации о здоровье. Еще одна проблема заключается в том, что пациенты могут не знать, как используются их данные, и не иметь возможности контролировать их обработку. Отсутствие прозрачности в отношении использования данных пациентов также является нарушением конфиденциальности. Также в некоторых случаях компании могут использовать медицинские данные для обучения моделей ИИ без получения предварительного согласия от пациентов, что напрямую нарушает режим персональных данных. Для минимизации рисков, связанных с утечками данных и нарушениями конфиденциальности, необходимо разработать и внедрить комплексные меры по обеспечению безопасности персональной информации, установить режим доступа к этим данным только для определенного круга лиц.

В заключение, внедрение искусственного интеллекта в здравоохранение открывает значительные перспективы для улучшения качества медицинской помощи и повышения эффективности диагностики и лечения. Однако с учетом множества этических и правовых вопросов, связанных с использованием ИИ, необходимо разработать четкие и обоснованные стандарты, которые обеспечат безопасность пациентов и защиту их персональных данных, а также создать правовые механизмы для определения ответственности.

Иванова Анастасия,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

Россия, г. Москва

anastasia.ivanova.n@gmail.com

ЗАЩИТА ПРАВ НА ЭЛЕМЕНТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА НА ПРИМЕРЕ США

Аннотация: в статье рассмотрено развитие концепции права на публичность в правовом порядке США. Определены ключевые судебные дела, повлиявшие на становление механизмов защиты права на голос. Установлены современные законодательные тенденции, направленные на регулирование использования технологий *deepfake* и синтеза голоса.

Ключевые слова: интеллектуальные права на аспекты личности, искусственный интеллект, *deepfake*, *right of publicity*, коммерческое использование личности.

Право на голос в США берет свое начало в конце XIX в. В 1890 г. Самуэль Уоррен и Луис Брандайс опубликовали статью «Право на неприкосновенность частной жизни», где подчеркивалась необходимость защиты личных прав в условиях развития технологий и средств массовой информации¹. Эта работа во многом стала стартом развития права на гласность (right of publicity). Более системное признание право на гласность получило только в XX в. с развитием индустрии развлечений. Поворотным стало решение по делу *Haelan Laboratories, Inc. v. Topps Chewing Gum, Inc.*, где суд установил, что использование внешнего образа человека для коммерческой выгоды без согласия нарушает его право на контроль над собственным образом². В 1970-х гг. это право получило широкое признание благодаря кодификации в законодательстве штатов, таких как Калифорния.

На сегодняшний день право на гласность защищает имя, изображение, голос и другие аспекты идентичности человека от несанкционированного коммерческого использования. Это право признается более чем в 30 штатах США, однако отсутствие единого федерального закона приводит к различиям в его применении. В некоторых штатах оно распространяется только на известных личностей, в других — на всех граждан.

Дело *Brown v. Ames* стало прецедентным в защите аспектов идентичности, в нем рассматривалось незаконное использование имени, голоса и изображения музыкантов без их согласия³. Суд постановил, что Закон об авторском праве (17 U.S.C. § 301) предусматривает защиту произведений, фиксированных в материальной форме, и исключает конкурирующие законы штатов в отношении таких объектов⁴. Право на публичность, в отличие от авторского права, направлено на защиту личности и ее уникальных характеристик. Суд отметил, что использование голоса или имени для маркетинговых целей не относится к «фиксированным произведениям», которые защищаются авторским правом, и, следовательно, не подпадает под действие § 301. Ответчики утверждали, что их действия соответствовали условиям лицензий на использование музыкальных записей, однако истцы заявили, что лицензии не распространялись на использование их голосов и образов. Суд поддержал истцов, указав, что право на публичность охватывает личные характеристики, которые нельзя передать по лицензии на записи без явного согласия владельца.

Противоположный подход был продемонстрирован в деле *Toney v. L'Oreal USA Inc.*, где суд постановил, что право на публичность может быть эквивалентным правам, защищаемым законом об авторских правах, если оно связано с использованием произведений, зафиксированных в материальной

¹ Warren and Louis D. Brandeis, «The Right to Privacy», *Harvard Law Review*, Vol. 4 (December 15, 1890) P. 193, 195 // URL: https://groups.csail.mit.edu/mac/classes/6.805/articles/privacy/Privacy_brand_warr2.html (дата обращения: 25.12.2024).

² *Haelan Laboratories, Inc. v. Topps Chewing Gum, Inc.*, 202 F.2d 866 (2d Cir. 1953), United States Court of Appeals Second Circuit // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/202/866/216744/> (дата обращения: 26.12.2024).

³ *Leonard Brown v. Ames*, 201 F.3d 654 (5th Cir. 2000), United States Court of Appeals, Fifth Circuit // URL: <https://casetext.com/case/brown-v-ames> (дата обращения: 26.12.2024).

⁴ U.S. Code 1976 Edition, Supplement 3, Title 17: Copyrights, Chapter 3: Duration of Copyright, Section 301 // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/301> (дата обращения: 27.12.2024).

форме¹. Однако это решение вызвало значительную критику, так как многие суды занимают иную позицию. Например, суды в делах *Midler v. Ford Motor Co.*² и *Waits v. Frito-Lay*³ постановили, что голос и другие личные характеристики представляют собой неотъемлемую часть личности, а не объект авторского права. В данном деле суд также проигнорировал «тест дополнительных элементов», согласно которому право на публичность отличается от авторского права, так как требует доказательства коммерческого использования личности, чего не требуется в случаях нарушения авторских прав.

В 2024 г. в США в ответ на существующие в регуляторной среде проблемы защиты аспектов личности были разработаны два законодательных акта: федеральный законопроект No AI FRAUD Act и закон штата Теннесси ELVIS Act. Законопроект No AI FRAUD Act направлен на ограничение незаконного использования *deepfake*-технологий и технологий синтеза голоса⁴. Документ предусматривает запрет на использование таких технологий для целей, связанных с мошенничеством, подделкой документов или введением в заблуждение. Законопроект требует обязательной маркировки контента, созданного с использованием генеративных технологий. Также введен механизм технической проверки *deepfake* контента. Разработчики программного обеспечения должны внедрять функции, позволяющие определять, был ли контент создан с использованием искусственного интеллекта. Несмотря на сложности в правоприменении, законопроект способствует защите граждан от мошенничества и повышает доверие к цифровым технологиям.

В Теннесси был принят закон ELVIS Act⁵. В документе определен термин «голос» как «звук на носителе, который можно легко идентифицировать и отнести к конкретному человеку, независимо от того, содержит ли этот звук реальный голос или имитацию голоса этого человека». Кроме того, закон предусматривает возможность подачи иска против лиц и компаний, распространяющих или предоставляющих технологии, основная цель которых — создание изображений или голосов конкретных людей без их согласия. Это положение направлено на разработчиков генеративного искусственного интеллекта и платформы, распространяющие подобные технологии, что может существенно повлиять на их маркетинговую стратегию и разработки.

Законопроект «No AI FRAUD Act» и уже принятый закон «ELVIS Act» представляют собой часть более широких тенденций, наблюдаемых на уровне штатов. Их реализация позволит создать действенные механизмы регули-

¹ *Toney v. L'Oreal USA, Inc.*, No. 02 C 3002 (N. D. Ill. Oct. 30, 2002), United States District Court, N. D. Illinois, Eastern Division // URL: <https://casetext.com/case/toney-v-loreal-usa-inc-4> (дата обращения: 27.12.2024).

² *Midler v. Ford Motor Co.*, 849 F.2d 460 (9th Cir. 1988), United States Court of Appeals, Ninth Circuit // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/849/460/37485/> (дата обращения: 27.12.2024).

³ *Waits v. Frito-Lay, Inc.*, *Waits v. Frito-Lay, Inc.*, 978 F.2d 1093 (9th Cir. 1992), United States Court of Appeals, Ninth Circuit // URL: <https://casetext.com/case/waits-v-frito-lay-inc> (дата обращения: 28.12.2024).

⁴ No Artificial Intelligence Fake Replicas And Unauthorized Duplications Act of 2024 (No AI FRAUD Act), H.R.6943, 118th Congress (2023–2024) // URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/6943/text?s=1&r=9> (дата обращения: 28.12.2024).

⁵ Ensuring Likeness Voice and Image Security Act (ELVIS Act), HB2091/SB2096 // URL: <https://publications.tnsosfiles.com/acts/113/pub/pc0588.pdf> (дата обращения: 30.12.2024).

рования технологий и предотвращения их неправомерного применения и станет серьезным вызовом для технологических компаний, требуя разработки новых подходов к соблюдению прав личности.

Калина Владислав,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

ve.kalina@mail.ru

ИНТЕРНЕТ ВЕЩЕЙ И НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Аннотация: интернет вещей (IoT) является прогрессивной технологией, которая проникает в нашу жизнь с огромной скоростью. Необходимо разобраться в функциональных возможностях IoT, а также в какие сферы жизни уже проникла данная технология. Целью данной статьи является рассмотрение правовых недостатков и рисков при использовании технологии интернет вещей. В том числе рассматриваются перспективы инноваций в сфере умного дома для защиты интеллектуальных прав (авторского права).

Ключевые слова: цифровизация, интернет вещей, Internet of things, конфиденциальность, персональные данные, сбор и хранение данных, добросовестное использование.

Будущее всегда пугает своей неизвестностью, пока однажды мы не оглянемся и не поймем, что уже давно живем в нем. Нейросети сегодня распространяются подобно вирусу проникая во все сферы жизни общества и интеллектуальное право не стало исключением.

Главная проблема интеллектуального права — баланс интересов между создателями, пользователями и обществом. Современные технологии позволяют переложить взаимодействие между пользователем и автором в новую форму, а значит, и изменить их правоотношения. Переход к цифровизации изменил систему контроля, теперь право отошло на второй план и технические способы защиты стали главенствовать в вопросе: есть ли у нас право на пользование?

Технологии позволяющие анализировать большие данные обладают огромным экономическим потенциалом. В первую очередь компании смогут изучать предпочтения пользователя через голосового помощника, подбирать рекламную ленту, согласно его потребностям и поисковым запросам. Так интегрировали рекламу по истории поисковых запросов. Теперь же появилась возможность анализировать конечного потребителя и с другой стороны, то есть с помощью технологии умного дома.

Интернет вещей (Internet of things, IoT) — Сеть устройств, содержащая аппаратное и программное обеспечение, встроенные программы и исполнительные механизмы, которые позволяют устройствам соединяться, взаимодействовать и свободно обмениваться данными и информацией¹. Данная сеть показала динамичное повышение эффективности при выполнении

¹ The National Institute of Standards and Technology (NIST) // nist.gov. URL: https://csrc.nist.gov/glossary/term/internet_of_things (дата обращения: 15.12.2024).

повседневных действий в различных отраслях жизни общества, таких как: беспилотные транспортные средства, отслеживание логистики в реальном времени и бытовое взаимодействие. Уже сегодня IoT выходит на следующий уровень, интернет вещей может использоваться в качестве эффективного технического инструмента для защиты интеллектуальных прав. Устройства IoT собирают, анализируют и передают данные в режиме реального времени, что открывает новые возможности по мониторингу и управлению объектами интеллектуальных прав.

Существуют аналогичные программные средства защиты, например технология управления цифровыми правами (Digital Rights Management, DRM), которая ограничивает пользователей в возможности взаимодействия с объектами интеллектуальных прав (запрещает редактирование, сохранение, распространение, пересылки, создание снимков экрана, устанавливает даты истечения срока действия права доступа и многое другое). Так, например «Apple iTunes» ограничивает количество устройств, которые пользователи могут использовать для прослушивания музыкальных произведений, а сервис «КиноПоиск» запрещает скрин-шоты аудиовизуальных произведений. Но проблема этих средств защиты в том, что они работают только в одной плоскости, то есть внутри программного обеспечения и не могут контролировать поведение пользователя вовне. Интернет вещей способен решить эту проблему, устройства, которые находятся в одной сети способны анализировать друг друга, так если вы захотите сделать видеокопию фильма, просматриваемого на телевизоре, начав съемку с телефона — система выдаст ошибку¹.

Интеграция технологий IoT в управление интеллектуальными правами открывает не только новые горизонты для защиты прав в сфере цифрового контента, но и порождает множество этических и юридических вопросов. В первую очередь возникает вопрос конфиденциальности, поскольку данные устройства нацелены на сбор информации о пользователе в его личном пространстве. Как будет контролироваться хранение данных, как будет осуществляться их защита и как аргументировать, что данная система не является устройством слежения в понимании ст. 138.1 Уголовного кодекса РФ.

Если устройства в режиме реального времени будут отслеживать потребление контента и предотвращать попытки нарушения интеллектуальных прав, то возникает риск злоупотребления правом. Возможность мониторинга поведения пользователя может быть воспринята, как угроза приватности.

Сегодня получить доступ злоумышленнику к системе умного дома представляется достаточно простой задачей. Нам кажется, что нет ничего страшного в подключении к одной лампочке, но как доказали исследователи безопасности из Check Point Research если получить доступ к smart-лампе, то можно загрузить вредоносное ПО и распространить его по всем устройствам умной сети. Интернет вещей подобен организму человека, где каждый гаджет неразрывно связан друг с другом и может существовать только в полноценной экосистеме. При заражении вирусом, как и в случае со столбняком, небольшая заноза может быстро вызвать судороги и в конечном итоге привести

¹ The Chartered Institute for IT (BCS) // bcs.org. URL: <https://www.bcs.org/articles-opinion-and-research/drm-for-things-managing-the-rights-and-permissions-for-iot/> (дата обращения: 15.12.2024).

к летальному исходу. Ввиду чего производителям необходимо разработать защиту каждого умного дивайса, будь то гигрометр или умная зубная щетка, ведь через столь простые устройства открывается доступ к ключевым данным пользователя, включая биометрические персональные данные.

Кроме того, повсеместное использование данных технологий может привести к новым дискуссиям о свободе творчества и праве пользователей на личное использование контента. Вопрос права на добросовестное использование (Fair use) становится особенно острым: будет ли система отличать незаконные способы использования от использования материалов в образовательных или исследовательских целях.

Таким образом, развитие технологий открывает новые возможности для защиты интеллектуальных прав. Однако внедрение данных решений сопровождается, как повышением эффективности соблюдения требований правообладателя, так и спорными вопросами этики и конфиденциальности, приватности пользователя. Будущее интеллектуального права будет зависеть от того, насколько удачно получится найти компромисс между защитой прав правообладателей и свободой пользователей. Успешное решение этих вопросов потребует прозрачности технологических решений, гибкости законодательства и совместной работы юристов, разработчиков.

Кантемиров Руслан,

аспирант 2 курса кафедры интеллектуальных прав,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

s2021986@edu.msal.ru

ОТ КИСТИ ДО ИИ: ВЛИЯНИЕ ТИПОВ ТВОРЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ (МАШИН) НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АВТОРСТВА (СОАВТОРСТВА)

Аннотация: *появление новых творческих инструментов, включая генеративный ИИ, обострило вопрос об авторстве (соавторстве) на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с их помощью. В рамках этого доклада будет предложена попытка изложить одну из концепций разделения творческих инструментов (машин) на типы в зависимости от степени вовлеченности их оператора в процесс творческой деятельности.*

Ключевые слова: *генеративный ИИ, генерирующие машины, ChatGPT, авторство, соавторство, творческая деятельность.*

Технологическое развитие программного обеспечения в последние годы подарило миру немалое количество новых возможностей для творчества. Новые программы на базе т.н. «генеративного искусственного интеллекта» способны создавать различные тексты, изображения и даже видеозаписи внешне неотличимые от созданных человеком.

Всё это порождает определенные сложности при рассмотрении вопроса об авторстве лиц, создающих различные объекты авторского права при помощи таких программ. Вместе с тем невозможно начать рассуждения о статусе таких лиц, не выработав хотя бы общие представления о главном, а именно о тех творческих инструментах (машинах), которые они используют в целом. На какие типы мы можем поделить творческие инструменты по критерию

самостоятельности создания произведений их операторами и как эти типы могут потенциально влиять на распределение авторства?

В иностранной литературе данный вопрос отмечается и предлагаются свои классификации типов машин. Наиболее удачная, по нашему мнению, представлена в труде «Authors and machines» под авторством С. Джейн Гинзбург и Люка Али Будиаржо¹. В его рамках авторы предложили разделить все творческие машины на 3 вида: обычные машины, полностью генерирующие машины, частично генерирующие машины.

Обычные машины — машины, которые полагаются исключительно на творческий вклад своих операторов. Машины в таком случае служат лишь проводником творческой воли их пользователей и находятся под полным контролем лиц, ими управляющими. К таким машинам можно отнести широкий перечень инструментов и иных приспособлений: кисти, музыкальные инструменты, фотоаппараты, некоторые программы для ЭВМ. В целом у нас нет никаких сомнений в том, что в российском правовом порядке права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с помощью таких машин, будут принадлежать операторам таких машин при условии соблюдения иных критериев авторства (соавторства) разумеется.

Данный вывод подтверждается также абз. 5 п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» где указано, что творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств.

Полной противоположностью обычных машин являются машины полностью генерирующие. Такие машины призваны не помогать человеку творить, но полностью его заменить, мимикрировать под него². Это достаточно редко встречающийся тип машин, являющийся в какой-то мере творческим объектом сам по себе. Хорошим примером такой машины является «AARON», созданный американским художником Гарольдом Коэном³. По сути, «AARON» — это программное обеспечение, которое создает картины по запросу, но без каких-либо конкретных указаний от пользователя машины. То есть оператор машины может лишь включить ее или выключить, никакого иного контроля над процессом создания картины у него не будет.

Разумеется, такой оператор машины автором произведения являться не будет. Это подтверждается и ст. 1257 ГК РФ из которого следует, что только творческий труд в ходе создания произведения дает статус автора, так и абз. 5 п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, где сказано, что результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека (например, фото- и видеосъемка работающей в автоматическом режиме камерой видеонаблюдения, применяемой для фиксации административных правонарушений), объектами авторского права не являются. Более сложным вопросом является вопрос об авторстве создателя машины. Можем ли мы, например, наделять создателя «AARON» статусом авто-

¹ Ginsburg, Jane C. and Budiardjo, Luke Ali, Authors and Machines // Columbia Public Law Research Paper No. 14-597, Berkeley Technology Law Journal, Vol. 34. No. 2, 2019 p. 409.

² Ginsburg, Jane C. and Budiardjo, Luke Ali, Op. cit. P. 411.

³ Сайт музея американского искусства Уитни. URL: <https://whitney.org/exhibitions/harold-cohen-aaron> (дата обращения: 28.12.2024).

ра на созданные этой машиной картины, если он даже приблизительно не мог предвидеть как созданные им алгоритмы, строчки программного кода преобразуются в изображение? Ответ на этот вопрос требует углубленного изучения базовых постулатов авторского права и выйдет за пределы настоящего доклада.

Наиболее сложным и интересным с точки зрения распределения авторства (соавторства) являются частично-генерирующие машины. Эти машины не полностью самостоятельно генерируют различные произведения, а вместо этого полагаются на некоторый вклад их операторов, которые могут давать им команды в текстовом или ином виде¹. К таким машинам относятся всем известные программы ChatGPT, Stable Diffusion и др.

При их использовании может возникнуть вопрос, является ли творческий вклад оператора такой машины, в виде команд, достаточным, чтобы признать его автором продукта генерации? По нашему мнению, ответ на этот вопрос невозможно дать без нюансированного изучения каждого конкретного случая творческой генерации. Иногда степень свободы пользователя, его контроля над процессом создания произведения, мера вложенных творческих усилий настолько велика, что однозначно утверждать, что все продукты генерации во всех случаях не могут принадлежать оператору машины, было бы излишне радикальным решением. Проблема четкой классификации таких типов машин осложняется внедрением элементов генерации в уже существующие творческие инструменты-программы, которые ранее не вызывали вопросов касательно их принадлежности к категории «обычных машин». Среди них: Adobe Photoshop², AutoCAD³ и многие другие.

Коломенская Екатерина,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

kolomenskaya.ee@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН КАК МЕРА ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ

Аннотация: автор исследует потенциал применения технологии блокчейн для защиты авторских прав, акцентируя внимание на ее значении в сфере охраны интеллектуальной собственности. Кроме того, в работе подробно рассматриваются существующие сложности, связанные с использованием данного инструмента в контексте защиты авторских прав.

Ключевые слова: блокчейн, технология, авторское право, защита авторских прав, интеллектуальная собственность, результат интеллектуальной деятельности, единый реестр результатов интеллектуальной деятельности, правовая наука, механизм защиты интеллектуальной собственности.

Одним из новых и актуальных способов защиты авторских прав на сегодняшний день стала технология блокчейн (англ. blockchain, ранее block chain).

¹ Ginsburg, Jane C. and Budiardjo, Luke Ali, Op. cit. P. 418.

² Сайт электронного журнала Engadget. URL: <https://www.engadget.com/adobes-photoshop-cannot-generate-ai-images-via-prompts-like-dall-e-or-mid-journey-130018181.html> (дата обращения: 29.12.2024).

³ Сайт электронного журнала Architosh. URL: <https://architosh.com/2024/03/autodesk-intros-autocad-2025-ai-and-smart-blocks-and-more/> (дата обращения: 29.12.2024).

Результатом развития современных технологий является тот факт, что они обширно применяются в целях защиты авторских прав. Так, существует достаточное количество научных разработок в сфере применения блокчейна как инструмента защиты авторских прав. Однако лишь немногие работы смогли предложить работающий механизм применения данной технологии в контексте защиты авторских прав, поэтому несмотря на широкую популярность и возможности блокчейн, вопрос о ее использовании, по сути, остается открытым.

Сама технология по меркам развития правовой науки является весьма новой, поскольку она появилась в только в 2009 г. после масштабного кризиса 2008 г. как ответ на угрозу централизованной банковской системы. Технология представляет собой основной общий реестр для всех транзакций с биткоином, из чего следует понимание, что первое внедрение технология получила в финансовом и банковском секторах. На текущий момент система блокчейн приобрела популярность с середины 2017-х гг., параллельно с ростом цен на криптовалюты, в частности, биткоина.

Отечественный законодатель не дал определение описываемой технологии, что подчеркивает необходимость обратиться к теории программирования для формирования соответствующего определения в рамках данной статьи, поскольку именно в этой области была разработана технология блокчейн.

Стойт обратить внимание на характеристики технологии блокчейн. В самом общем смысле, ее можно охарактеризовать следующим образом: блокчейн представляет собой распределенный реестр, который хранит определенный объем данных и обеспечивает их защиту с помощью криптографических алгоритмов кодирования информации.

Также любопытной представляется характеристика технологии, данная А. И. Савельевым¹:

1. Неизменность — здесь имеется в виду постоянное сохранение всех данных в виде блоков информации, которая фиксируется в общую цепочку при достижении определенного количественного лимита данных. Это обеспечивает защиту от атак и выхода из строя отдельных узлов представленной сети.

2. Дублирование информации означает, что любой субъект в сети ведет целую книгу транзакций, что предотвращает возможность совершения третьими лицами хакерских атак или иных вредоносных действий, а также защищает базу данных от системных сбоев.

3. Отсутствие посредников — данная технология не предусматривает наличие администратора или руководства во всех проводимых операциях, поэтому можно сказать, что все операции проводятся непосредственно фактическими участниками. Например, с созданием криптовалют связана идея «банкинга без банков», при которой эмиссия и переводы виртуальной валюты будут осуществляться без участия третьих лиц.

4. Прозрачность — этот критерий, сейчас по крайней мере, может быть поставлен под сомнение, поскольку все операции в сети блокчейн могут быть отслежены, однако ее фактическая прозрачность зависит от типа сети, которая может быть открытой (публичной) или частной (авторизованной)².

¹ Савельев А. И. Copyright in the blockchain era: Promises and challenges // Computer Law & Security Review. 2018 г. № 3 (34). С. 550–561.

² Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. Т. 5. № 5. С. 94–117.

Таким образом, блокчейн — цепочка блоков, каждый из которых содержит информацию о транзакциях или других данных. Исходя из характеристик, обширное применение данной технологии приходится на производство трансграничных транзакций. Некоторые ученые, в частности, Е. С. Гринь, пишут в своих работах о том, что применение технологии блокчейн позволит производить учет прав на результаты интеллектуальной деятельности для дальнейшего создания единого реестра результатов интеллектуальной деятельности чуть ли не по всему миру¹. Здесь возникает очевидный вывод о том, что использование данной технологии в целях защиты авторских прав представляется весьма целесообразным.

Что касается самого механизма защиты интеллектуальной собственности с использованием блокчейн-технологии, стоит подчеркнуть несколько ключевых аспектов. В рамках данной технологии формируется запись о регистрации уникального идентификатора, например, товарного знака. По мере осуществления различных операций с этим товарным знаком, например, в контексте коммерческого использования или получения лицензии на результаты интеллектуальной деятельности, цепочка блоков продолжает расширяться, фиксируя каждое важное действие и обеспечивая надежную защиту прав владельца. Соответственно, появляется возможность отследить полный жизненный цикл конкретного объекта².

К явным преимуществам технологии блокчейн следует отнести факт сохранности информации, поскольку любые единожды внесенные данные об авторском праве не могут быть утрачены или отредактированы. Регистрация в цифровой платформе блокчейн дает автору электронный сертификат аутентичности, позволяющей третьим лицам идентифицировать автора произведения, и тем самым защитить его от заимствования, и кражи материала со стороны других пользователей.

Тем не менее, как и в случае с другими механизмами защиты, у данного подхода имеются свои недостатки, о которых будет сказано далее. Несмотря на все преимущества технологии блокчейн, главной проблемой остается необходимость доказательства того, что конкретное лицо обладает исключительными правами на результаты интеллектуальной собственности. Согласно статье 1225 Гражданского кодекса интеллектуальная собственность — результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана. Так, в случае с применением описываемых технологий автору произведения придется еще доказать наличие своего творческого вклада по отношению к собственному произведению. Отсутствие четких требований регистрации может сказаться на споре об авторстве. Здесь можно сказать о добровольной регистрации, которая применяется в блокчейн, что по идее должна гарантировать прозрачность правообладателей. Однако сразу следует оговориться — никто не исключает хитроумных

¹ Рузакова О. А., Гринь Е. С. Применение технологии Blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tehnologii-blockchain-k-sistematizatsii-rezultatov-intellektualnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 13.01.2025).

² Сальникова А. В. Технология блокчейн как инструмент защиты авторских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 83–90.

хакерских атак¹, где самое уязвимое звено — человеческий фактор. Поэтому данная мера защиты также не представляется абсолютной.

Процесс защиты заключается в отслеживании всей цепочки изменений, которые происходили с объектом авторских прав. При регистрации произведения становится значительно проще установить его автора и зафиксировать все изменения в судебном порядке. Однако существует и серьезный недостаток — на сегодняшний день отсутствует четкое национальное и международное правовое регулирование в этой области. Исходя из этого затруднен весь порядок судебной защиты — как российским судам трактовать законодательство и выявлять его нарушителей, если законодательства как такового попросту нет? К тому же, ввиду отсутствия официального признания технологии блокчейн на практике не все государственные и судебные органы могут признать информацию из децентрализованного реестра в качестве доказательства авторства и других действий с авторскими правами. Таким образом, данную технологию можно признать весьма серьезным вызовом для традиционных правовых систем даже с точки зрения формального определения.

В целом применение технологии блокчейн в защите интеллектуальной собственности является перспективным направлением развития, которое поможет укрепить права авторов и предотвратить незаконное использование их произведений. Резюмируя, блокчейн для объектов интеллектуальной собственности, защищенными авторскими правами, будет позволять легально просматривать и использовать размещенный материал. В будущем, когда появится надлежащее прозрачное законодательное регулирование, реестры, построенные на основе блокчейн, будут обеспечивать хранение, распространение и передачу информации об интеллектуальных правах, лицензиатах, тем самым заменяя иные базы хранения данных.

Королькова Дарья,
доцент кафедры гражданского права
ФГКВ ОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
Россия, г. Москва
daria.kirilchenko@mail.ru

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ

Аннотация: в работе проводится анализ правовых вызовов, связанных с защитой авторских прав в контексте использования генеративного искусственного интеллекта. Приводится обзор судебной практики, демонстрирующей случаи нарушения авторских прав, связанные с использованием технологий машинного обучения, а также последствия таких нарушений для правообладателей. Поднимаются актуальные вопросы соблюдения

¹ Что такое DDoS-атака на блокчейн? // URL: <https://morioh.com/p/c35ecacea9f9> (дата обращения: 13.01.2025).

авторских прав в условиях активного использования технологий искусственного интеллекта, а также подчеркивается необходимость дальнейших исследований в этой сфере для обеспечения правовой защиты авторов.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, генеративный искусственный интеллект, машинное обучение, программы искусственного интеллекта, правовые вызовы, судебная практика, интеллектуальная собственность, авторское право.*

Искусственный интеллект, в частности, генеративный искусственный интеллект стремительно завоевал популярность среди пользователей благодаря своей уникальной функции, заключающейся в возможности генерировать новый контент (тексты, изображения, музыку, видео, программные коды и т.д.), который по своему содержанию всё чаще становится максимально приближенным к результатам интеллектуальной деятельности человека. Ранее подобный контент мог производить только человек. В связи с этим в юридической науке стал подниматься вопрос об определении авторских прав на результаты деятельности искусственного интеллекта (например, в работах В. С. Витко¹, Г. П. Ивлиева и М. А. Егоровой², П. А. Каштановой³, В. О. Калятина⁴, Т. Е. Орловой⁵, Е. П. Сесицкого⁶, Е. О. Федорук⁷, Ю. С. Харитоновой⁸, Э. А. Шахназаровой⁹ и др.). Согласно п. 1 ст. 1228 Гражданского кодекса РФ¹⁰, автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат.

Термин «искусственный интеллект» является обобщенной категорией, обозначающей интегрированную систему взаимосвязанных элементов,

¹ См.: Витко В. С. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 5–20.

² См.: Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 32–46.

³ См.: Каштанова П. А. Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 1 (39). С. 120–132.

⁴ См.: Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы / под ред. Калятин В. О. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021.

⁵ См.: Орлова Т. Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 204–220.

⁶ См.: Сесицкий Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

⁷ См.: Федорук Е. О. Вопросы авторства, связанные с искусственным интеллектом: международная правоприменительная практика // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 45. № 2. С. 103–112.

⁸ См.: Харитонов Ю. С. К вопросу об охраноспособности результата деятельности искусственного интеллекта // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. № 1. С. 52–63.

⁹ См.: Шахназарова Э. А. Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. С. 34–45.

¹⁰ Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

включающую информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, а также процессы и сервисы, предназначенные для выполнения задач, требующих интеллектуальных способностей человека. Естественно, что для обеспечения функционирования искусственного интеллекта необходима аппаратная составляющая, но именно программная часть является основополагающей.

Следует отметить, что искусственный интеллект в большей степени реализуется в виде программ искусственного интеллекта (примерами таких программ являются: Numenta's HTM, WEKA, Caffe и др.). Под программами искусственного интеллекта предлагается понимать представленную в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других цифровых устройств в целях выполнения задач, требующих применения человеческого интеллекта, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки таких программ для ЭВМ, и порождаемые ими аудиовизуальные отображения. К программам искусственного интеллекта также можно отнести сервисы искусственного интеллекта (например, ChatGPT, Midjourney, Stable Diffusion, Claude, Grok, Google Gemini (ex. Bard), YaGPT, Шедеврум, Кандинский 3.1, GigaChat и др.). Сервисы искусственного интеллекта ориентированы на конечных пользователей и отличаются высокой степенью популярности среди широкой аудитории. Они предоставляют пользователям интуитивно понятные интерфейсы, которые позволяют использовать сложные технологии искусственного интеллекта (чат-боты или системы рекомендаций) без необходимости глубоких технических знаний¹. Это делает их доступными и удобными для массового применения.

На сегодняшний день одним из самых известных и широко применяемых сервисов искусственного интеллекта является ChatGPT, который активно используется в различных сферах для решения задач, связанных с генерацией текстов, а также для целей анализа и обработки данных.

Результат деятельности сервисов искусственного интеллекта эквивалентен результату работы программы для ЭВМ. В соответствии с российским законодательством, искусственный интеллект не может быть признан автором результата интеллектуальной деятельности. В силу прямого указания в ст. 1261 ГК РФ², а также в соответствии с закрепленными на международном уровне подходами, программы для ЭВМ условно приравниваются к литературным произведениям и защищаются авторским правом. Авторские права на конечный продукт, созданный искусственным интеллектом, зависят от конкретной программы или сервиса и пользовательских соглашений. Пользовательское соглашение, регулирующее отношения между пользователем и обладателями исключительного права на программы искусственного интеллекта или между пользователем и сервисами искусственного интеллекта, является смешанным договором, включающим элементы лицензионного и иных договоров.

Несмотря на кажущуюся простоту этого вопроса, следует обратить внимание на несколько важных аспектов. Может показаться, что защита авторских

¹ Королькова Д. А. Искусственный интеллект как программа для ЭВМ: гражданско-правовая природа, типы и классификация. М. : Русайнс, 2024. С. 80–97.

² Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

прав в этой области должна осуществляться в обычном режиме, установленном гражданским правом, однако научные исследования, в которых рассматриваются вопросы авторского права на результаты деятельности искусственного интеллекта затрагивают правовой статус результатов деятельности искусственного интеллекта, не касаясь проблемы нарушения авторских прав при разработке программ машинного обучения и реализации процессов машинного обучения. Уже известны случаи, когда разработчики сервисов искусственного интеллекта нарушали авторские права, используя чужие работы для машинного обучения без ведома и согласия авторов. Так, сообщество авторов, несогласных с использованием их произведений для обучения нейросетей и создания объектов по запросам пользователей без их согласия и без выплаты вознаграждения, подало иски в суд против крупных компаний, таких как Stability AI, Inc., Midjourney, Inc., DeviantArt, Inc¹. Еще один случай. Гильдия авторов подала коллективный иск против OpenAI, обвиняя компанию в нарушении авторских прав на их произведения², которые были использованы для обучения сервиса искусственного интеллекта ChatGPT без согласия авторов и без выплаты гонорара. Указанные иски являются лишь иллюстративными примерами многих подобных случаев. На практике могут возникать ситуации, когда искусственный интеллект неправильно понял команду и без разрешения воспользовался чужими результатами интеллектуального труда или не указал ссылку на первоисточник.

Вопрос об использовании результатов интеллектуальной деятельности в контексте работы искусственного интеллекта уже нашел свое отражение в российской судебной практике. Несмотря на небольшое количество дел, связанных с использованием искусственного интеллекта, можно выделить несколько прецедентов. Ниже приводятся примеры из российской судебной практики.

Первый пример иллюстрируется постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.04.2024 № 09АП-642/24. В данном деле рассматривался иск о защите исключительных прав на видеоролик, созданный с использованием технологии Deep-fake. Суд указал, что Deep-fake основан на генеративно-сопоставительных нейросетях, которые частично преобразовывают исходный видеоряд с помощью алгоритмов, созданных человеком. Суд отклонил доводы ответчика о том, что видеоряд полностью сгенерирован нейросетью, в связи с чем он не являлся объектом охраны авторского права. Суд пришел к выводу, что технология Deep-fake является инструментом обработки видеоматериалов, а не их создания. Таким образом, исходный видеоряд, созданный творческим трудом авторов, защищается авторским правом, а использование сервиса искусственного интеллекта для его преобразования не снимает ответственности за нарушение авторских прав.

Еще одним примером является постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2024 № 13АП-37912/23. Истец предъявил

¹ Image generator litigation // imagegeneratorlitigation.com. URL: <https://imagegeneratorlitigation.com/> (дата обращения: 06.07.2024).

² Гильдия авторов, Джон Гришем, Джоди Пикоулт, Дэвид Балдаччи, Джордж Р. Р. Мартин и 13 других авторов подают коллективный иск против OpenAI // [authorsguild.org](https://authorsguild.org/news/ag-and-authors-file-class-action-suit-against-openai/). URL: <https://authorsguild.org/news/ag-and-authors-file-class-action-suit-against-openai/> (дата обращения: 06.07.2024).

иск о защите исключительных прав на изображение, утверждая, что ответчик незаконно использовал сгенерированное нейросетью изображение. Суд отклонил доводы ответчика о том, что спорное изображение не могло рассматриваться как объект охраны авторского права, поскольку его сгенерировал сервис искусственного интеллекта. В качестве доказательства авторства суд принял скриншот, где произведение открыто в 3D-формате, который имелся только у автора изображения и обладателя исходного файла 3D-модели с расширением BLEND. Суд установил, что только истец, как автор произведения, обладающий исходным файлом 3D-модели изображения, имел возможность преобразовать файл BLEND в формат JPG с большим разрешением, что подтверждается видеозаписью осмотра файла и указанными в свойствах изображения данными об авторе.

Механизм функционирования генеративных моделей искусственного интеллекта представляет собой крайне закрытый процесс. Неясно, каким образом происходит генерация ответов на запросы пользователей и какие источники информации были задействованы. Алгоритмы и модели машинного обучения могут неправомерно использовать защищенные авторским правом данные, например, текст, изображения или аудио, без соответствующего разрешения правообладателей, при помощи прямого копирования или создания производных работ на основе защищенного контента. Это может происходить из-за того, что разработчики программ искусственного интеллекта свободно используют объекты, защищенные авторским правом, без согласия правообладателей в качестве обучающих данных для нейронных сетей, из-за несовершенства баз данных, сбоя в поисковых системах и при иных обстоятельствах¹.

Судебная практика подтверждает то, что использование технологий искусственного интеллекта для генерации и преобразования произведений не исключает необходимости соблюдения авторских прав. Даже если применяются технологии искусственного интеллекта в процессе создания или обработки произведения, исходный результат, созданный творческим трудом, продолжает охраняться, а нарушение авторских прав не может быть оправдано использованием технологий искусственного интеллекта. В связи с этим возникает необходимость законодательного урегулирования и регламентации процедур машинного обучения. Требуется разработать четкие механизмы ответственности разработчиков программ искусственного интеллекта за ошибки при программировании, которые приводят к нарушению интеллектуальных прав третьих лиц. Также необходимо создать технические стандарты для машинного обучения, которые предотвратят незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что сервисы искусственного интеллекта следует рассматривать как новые инструменты изложения, а не как источники плагиата. Генеративные модели искусственного интеллекта создают контент, используя сложные алгоритмы машинного обучения, позволяют генерировать тексты, изображения и другие формы контента, которые по своей сути могут быть уникальными, однако использование таких

¹ Киселев А. С., Королькова Д. А. О гражданско-правовом положении и некоторых проблемах правового регулирования искусственного интеллекта // Гражданское право. 2024. № 3. С. 6–10.

технологий не освобождает от необходимости соблюдения авторских прав на исходные материалы, применяемые в процессе обучения или используемые для генерирования контента.

Куприянова Владислава,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

kupvladislava@yandex.ru

НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ПЛАТФОРМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ВЫЗОВ ДЛЯ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация: в работе рассмотрены современные проблемы права интеллектуальной собственности, в частности несанкционированное обучение платформ искусственного интеллекта, которое нарушает исключительные права авторов на собственные произведения. Обосновано пагубное влияние возникшей проблемы на сообщество создателей контента. Автором предложены возможные пути решения поставленной задачи в рамках законодательного регулирования, а также с использованием блокчейн-технологий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, исключительное право, авторское право, блокчейн.

В настоящее время искусственный интеллект проникает в повседневную жизнь большого количества людей. От чат-ботов и «умных помощников» до полноценных инструментов для создания авторского контента. Целостной нормативно-правовой базы, касающейся искусственного интеллекта и стремительно появляющихся новшеств на данный момент нет, однако уже сегодня юридическое сообщество сталкивается с проблемами, вытекающими из недостаточного законодательного регулирования.

С 31 января по 2 февраля 2024 г. проходила шестнадцатая сессия Консультативного комитета по защите прав Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO). Был представлен доклад¹, где одной из важнейших проблем современного правового регулирования стало несанкционированное обучение платформ искусственного интеллекта. Для совершенствования способностей нейронных сетей используется контент, защищенный авторским правом. В российской юрисдикции подобное является нарушением исключительного права автора, закрепленного в статье 1270 ГК РФ². Всякий контент, создаваемый искусственным интеллектом, по сути своей является копией большого количества уже ранее обнародованных работ. Само по себе нахождение других объектов авторского права в базе нейронных сетей является незаконным, так как платформа не запрашивала разрешение на подобное использование. Далее эти объекты внедряются в создание контента с помощью искусственно-

¹ См.: WIPO/ACE/16/15 «Artificial Intelligence and Intellectual Property Enforcement»; 12 января 2024 г.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024).

го интеллекта. В докладе сообщается о случаях, когда на музыкальные платформы выкладывались произведения, голоса в которых имитируют современных звезд за счет использования технологий. «Авторы» таких поддельных треков получают роялти вместо исполнителей, которым принадлежат эти голоса.

Обозначим, что согласно статье 1228 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности является гражданин, а значит, что в рамках рассматриваемой проблемы речи о правосубъектности искусственного интеллекта быть не может, поэтому в данном случае права автора нарушаются человеком, который обнародует контент, созданный нейросетями, получая из него коммерческую выгоду. Соответственно, предлагаемые решения касаются правоотношений, возникающих между автором неправомерно используемого контента и разработчиками платформ.

Анализ статьи 1274 Гражданского кодекса РФ показывает, что свободное использование произведения в информационные, учебных целях допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора. В данном случае под информационной и учебной целью подразумевается факт загрузки защищенного авторским правом объекта в базу искусственного интеллекта, на которой он «обучается» и «получает информацию». Значит для признания такой операции правомерной необходимо указание имени автора. В то время как компиляция объектов авторского права искусственным интеллектом для создания контента не содержит этой информации, что нарушает положения данной статьи. Подобную проблему может решить создание единой сети объектов интеллектуальной собственности. Релевантным примером является Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности (РЦИС)¹, построенный на системе блокчейна. В открытом доступе находится информация о названии, авторе и правообладателе того или иного объекта авторских прав, значит эту базу данных можно использовать как единую сеть, через которую осуществляется ссылка на авторов. Если обязать компании, производящие нейронные сети, быть подключенными к подобному реестру и ограничить обучение искусственного интеллекта, предоставив лишь объекты, внесенные в базу данных блокчейна для его информирования, то такое обучение будет правомерным, так как в реестре указана информация об авторе, что соответствует статье 1274 Гражданского кодекса. Свободное использование в таком случае становится возможным. Для обеспечения исполнения такого обязательства на законодательном уровне могут вводиться отдельные меры ответственности для компаний, создающих искусственный интеллект, но не подключающихся к единому реестру.

Таким образом, несанкционированное обучение платформ искусственного интеллекта является серьезной проблемой для права интеллектуальной собственности. Введение единой системы закрепления авторских прав на основе блокчейн поможет создать единую сеть, защищающую права авторов и позволяющую компаниям совершенствовать прогресс за счет использования искусственного интеллекта.

¹ См.: URL: <https://сеть.рцис.пф> / (дата обращения: 14.12.2024).

Максимчук Роман,
магістрант,
Університет імені О.Е. Кутафіна (МГЮА)
Росія, г. Москва
maxim4uk.roman@yandex.ru

Ісайчиков Герман,
магістрант,
Університет імені О.Е. Кутафіна (МГЮА)
Росія, г. Москва
german.isaychikov@mail.ru

ВНУТРИИГРОВОЕ ИМУЩЕСТВО И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ПОДХОД К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ

Аннотация: в работе проводится исследование, а также сравнение уже существующих и поиск новых, наиболее релевантных подходов к правовому регулированию имущества, содержащегося в видеоиграх. В результате использования уполномоченными российскими государственными органами наиболее перспективного подхода, описанного в данной работе, у пользователей видеоигр появится реальная возможность защитить свое право на принадлежащее им благо — внутриигровое имущество.

Ключевые слова: видеоигра, пользователь, оператор, имущество, объект, благо, интеллектуальная собственность, подход.

Понятие внутриигрового имущества

Что такое внутриигровое имущество? Является ли оно благом, а соответственно, и защищаемым объектом гражданских прав?

Внутриигровое имущество можно классифицировать по различным признакам: по влиянию на игровой процесс (влияет / не влияет), по условиям приобретения (за реальные деньги / за внутриигровую валюту / за выполнение заданий) и т.д. Разнообразие данных признаков зависит лишь от разработчика (создателя) или оператора видеоигры. Именно разработчик является «законодателем» внутри своей видеоигры и определяет, к какой категории отнести то или иное игровое имущество.

Однако внутриигровое имущество в любом случае, независимо от категории или их совокупностей, является как минимум внутриигровым благом. Имущество, содержащееся в видеоигре, практически всегда имеет ценность: дает преимущество в игре, предоставляет уникальное художественное оформление, является коллекционным объектом или имеет иную ценность, которую придадут объекту сами пользователи. Более того, внутриигровое имущество в принципе является благом, так как пользователи тратят на приобретение этого виртуального имущества либо реальные деньги, либо свое время, силы и навыки, приобретенные именно для получения того или иного внутриигрового имущества.

То есть внутриигровое имущество — это благо, являющееся охраняемым объектом гражданских прав и представляющее из себя объекты, существующие в рамках видеоигры, которые пользователи могут приобретать, использовать или передавать (отчуждать) на условиях, определенных оператором видеоигры.

Существующие подходы к правовому регулированию внутриигрового имущества

1. Невмешательство регулятора

Данный подход предполагает, что система законодательства и его применения оставляет внутриигровое имущество и его оборот вне своего поля зрения.

В России этот подход проявляется, в частности, в отсутствии регулирования оборота виртуального имущества, а также в судебной практике, в соответствии с которой, исковые требования, предметом которых выступает внутриигровое имущество, расцениваются как требования участника вытекающие из игр и пари (ст. 1062 ГК РФ), не подлежащие судебной защите. Примером может служить дело, в котором пользователь подал иск к оператору игры Lineage 2, потребовав возмещения ущерба из-за блокировки аккаунта, но суд отказал истцу, ссылаясь на ст. 1062 ГК РФ¹. Указанное дело рассматривалось еще в 2011 г., в период, когда индустрия видеоигр только начинала приобретать свой экономический масштаб. Однако в 2023–2024 гг. позиции судов в данном вопросе остались неизменными². Такое отношение судов к квалификации оборота внутриигрового имущества и защите прав пользователей видеоигр, по мнению авторов, является недопустимым. Данная точка зрения также находит свою поддержку в доктрине³.

Такой подход, пожалуй, справедлив в единственном случае — если игровое имущество получено в результате открытия «лутбоксов» — ящиков со случайными призами. В таком случае пользователь заранее не знает, какой объект и в каком количестве он получит (при этом осознавая свою заведомую неосведомленность об этом).

2. Применение норм о вещах и праве собственности

Данный подход активно развивается в азиатских странах (Китай, Тайвань, Южная Корея), где виртуальные объекты приравниваются к собственности.

В Китае виртуальные активы признаются обладающими экономическими характеристиками, что позволяет рассматривать их как собственность. В документе подчеркивается, что виртуальные активы, находящиеся в частной собственности, должны рассматриваться как законные и защищаться в рамках действующего законодательства⁴. Тайвань придерживается сходного подхода — Минюст острова выпустило постановление, в котором виртуальная собственность была признана юридически значимым

¹ Решение мирового суда судебного участка № 352 Басманного района г. Москвы от 01.02.2011 № 2-01/11.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18.05.2023 по делу № 33-18029/2023 ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 20.09.2023 по делу № 33-14899/2023 ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 22.08.2023 по делу № 33-31160/2023 ; решение Хорошевского районного суда от 02.03.2024 по делу № 02-0966/2024.

³ См.: Калятин В. О. Проблемы применения статьи 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации в сфере сетевых игр // Российская юстиция. 2023. № 5 ; Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование // Статут, 2016, 2-е изд..

⁴ China's Court Says Crypto, Digital Assets are Legally Protected. URL: <https://www.tradingview.com/news/cryptobriefing:0a7f155cc094b:0-china-s-court-says-crypto-digital-assets-are-legally-protected>.

имуществом. Согласно документу, такие объекты подлежат отчуждению и передаче, а их хищение рассматривается как уголовное преступление¹. С того времени тайваньская судебная практика насчитывает сотни дел, связанных с мошенничеством и кражей виртуальной собственности. Подобные тенденции наблюдаются и в Южной Корее, где за один год было зарегистрировано около 22 000 обращений по случаям хищения виртуального имущества².

Тем не менее в рамках российской правовой системы, основанной на романо-германской вещно-правовой парадигме, успешно применить этот подход вряд ли получится — виртуальные объекты не могут быть признаны собственностью из-за их нематериального характера и существования только в рамках конкретной видеоигры.

3. IP-подход

IP-подход, по которому живет вся игровая индустрия, гласит о том, что оборот внутриигрового имущества происходит сугубо в рамках отношений, урегулированных лицензионными соглашениями. То есть внутриигровое имущество — это интеллектуальная собственность оператора видеоигры, а игроки — пользователи этого имущества³.

Главным недостатком данного подхода является защищенное положение операторов видеоигр и уязвимое положение пользователей — игроки могут рассчитывать лишь на добросовестность правообладателя видеоигры. Уязвимое положение пользователей также усугубляется их фактической слабостью, ведь пользователь видеоигры практически является физическим лицом — потребителем.

Таким, образом, все существующие подходы имеют как свои плюсы, так и минусы. Однако ни один из них не дает четких гарантий защиты прав пользователей на их внутриигровое имущество, что в конечном итоге порождает широкий простор для нарушений и злоупотреблений как со стороны других таких же пользователей, операторов видеоигр, а иногда и третьих лиц — хакеров и взломщиков аккаунтов.

Определение внутриигрового имущества как «иного» имущества

Наиболее правильным и при этом практически осуществимым решением будет отнесение внутриигрового имущества к категории «иное имущество»⁴ (ст. 128 ГК РФ).

Данный подход можно реализовать как путем прямого вмешательства регулятора, так и с помощью разъяснений высших судебных органов о том, что внутриигровое имущество является благом, охраняемым объектом гражданского права, к которому применимы общие способы защиты. Наиболее подходящими способами защиты прав на такие объекты, по мнению авторов, являются предъявление кондиционных или деликтных требований.

Требования, вытекающие из неосновательного обогащения (кондиционные требования) (ст. 1102 ГК РФ). Необоснованное лишение оператором или

¹ Taiwan Ministry of Justice Official Notation № 039030 (90). Цит. по: Fairfield J. Op. cit. P. 1086.

² См.: Mark Ward. Does Virtual Crime Need Real Justice? BBC NEWS. 2003. Sept. 29 // URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/3138456.stm>.

³ Gaijin Terms of Service. URL: <https://legal.gaijin.net/termservice>.

⁴ См.: Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права, 2014 г., № 1.

кража внутриигрового имущества третьим лицом порождают возникновение обязательства лица, которое приобрело их, по возврату такого объекта в натуре или в стоимостном выражении.

Требования, вытекающие из причинения вреда (ст. 1064 ГК РФ). В тех же случаях кражи чужого внутриигрового имущества или лишения оператором пользователя этого имущества у игрока есть возможность получить возмещение причиненного ему вреда. Правда, возникает сложность при определении его размера, так как многие объекты внутриигрового имущества не продаются и не имеют оценки в реальных деньгах.

Кроме того, этот способ защиты также очень подойдет оператору видео-игры, так как за все неправомерные действия правонарушителя (например, взлом игры, в результате которого пользователи смогли бесплатно получить внутриигровое имущество, которое покупается за реальные деньги) можно привлечь к ответственности и обязать возместить весь вред, причиненный компании.

Таким образом, квалификация внутриигрового имущества как «иного имущества» по смыслу ст. 128 ГК РФ позволит пользователю, утратившему виртуальный объект из-за противоправных действий другого лица (право-обладателя игры, других пользователей, третьих лиц) предъявить к ним кондикционные или деликтные требования.

Малыхин Владислав,

аспирант,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

Malan_1946@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ДОГОВОРОВ О СОЗДАНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ДОГОВОРОВ ПОДРЯДА ПРИ СОЗДАНИИ ОБЪЕКТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: *развитие технологий искусственного интеллекта и возможность создания с их помощью объектов, обладающих признаками результатов интеллектуальной деятельности порождает ряд проблем в сфере регулирования интеллектуальной собственности. Автором отмечается, что технологический прогресс в данной области приводит не только к появлению новых, но и усугублению уже существующих правовых проблем. В частности, усугубляются проблемы, связанные с разграничением договоров о создании произведений и договоров подряда при создании объектов, обладающих признаками произведений.*

Ключевые слова: *договоры о создании произведений, договор авторского заказа, договор заказа произведений, договор подряда, искусственный интеллект.*

Искусственный интеллект, как отмечается в доктрине, представляет собой «искусственную сложную кибернетическую компьютерно-программно-аппаратную систему с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия со свойствами автономности, когнитивными функциями, способностями к адаптации и

самообучению»¹. Данная технология на современном этапе своего развития способна обеспечивать создание объектов, обладающих признаками произведений. В буквальном понимании норм современного российского законодательства система искусственного интеллекта не отличается от иных компьютерных программ и в контексте создания результатов интеллектуальной деятельности представляет собой техническое средство. При этом авторы вправе свободно использовать любые технические средства для создания произведений². С другой стороны, результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека, объектами авторского права не являются³. Необходимо учитывать, что отдельные системы искусственного интеллекта способны генерировать информацию при достаточно ограниченном вкладе физического лица.

Вопросы о том, носит ли вклад лица в создание такого результата творческий характер, где пролегает граница, отделяющая объекты, полностью или частично сгенерированные искусственным интеллектом, от произведений, созданных с помощью этой технологии, на данном этапе не получили однозначного ответа. Необходимо отметить, что данная проблема не существует изолированно, в отрыве от прочих структурных элементов права интеллектуальной собственности, и может повысить сложность решения уже существующих вопросов.

В частности, от решения вышеуказанной проблемы зависит квалификация договора о создании результата деятельности с участием искусственного интеллекта в качестве договора подряда или того или иного договора о создании произведения. Восприятие договоров о создании произведения в качестве договоров подряда можно наблюдать как в научных трудах, так и в судебной практике и в ситуациях, не связанных с использованием технологий искусственного интеллекта. Так, в доктрине указана возможность «применения договора подряда в целях создания программы для ЭВМ»⁴. Кроме того, в отдельных актах судебной практики «договор по созданию аудиовизуального произведения квалифицирован как смешанный, содержащий условия договора возмездного оказания услуг, договора подряда и договора об отчуждении исключительного права»⁵.

В соответствии с действующими нормами российского законодательства творческий характер произведения обеспечивается работой автора-физического лица. С формальной точки зрения объект, созданный искусственным интеллектом, не имеет автора и не может носить творческого характера. В связи с данным обстоятельством такой объект не может быть произведением и объектом авторского права, а следовательно, договоры в данной сфере являются договорами подряда, а не договорами о создании произведений.

¹ Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.

² Кирилова Е. А., Зульфугарзаде Т. Э. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 4. С. 76–80.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Подузова Е. Б. «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в договорном праве: цивилистическая концепция : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023.

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 17.03.2021 № 305-ЭС21-2600 по делу № А40-207152/2019 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6ed3e0b9-d438-4511-ab85-7d33e0f3ed03>.

Таким образом, возможность создания произведения с помощью искусственного интеллекта в сочетании с затруднительностью определения границы, отделяющей произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта, от объектов, созданных им без творческого вклада со стороны физического лица, являются значительной проблемой на современном этапе развития права интеллектуальной собственности. Данная неопределенность дополнительно усложняет разрешение вопросов, связанных со смешением правоприменения договоров подряда и договоров о создании произведения, что само по себе является достаточно серьезной проблемой даже при отсутствии связи конкретного договора с деятельностью систем искусственного интеллекта.

Мартынова Злата,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

Zlatamart567@gmail.com

ТОКЕНИЗАЦИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: АНАЛИЗ ПОДХОДОВ ЕС И БРИКС

Аннотация: в статье рассматривается процесс токенизации объектов интеллектуальной собственности, особенно авторских прав. В сравнительном анализе подходов, применяемых в Европейском Союзе (ЕС) и странах БРИКС к регулированию и использованию токенизации в контексте интеллектуальной собственности (ИС), выявляются как общие черты, так и различия, а также потенциальные проблемы. Также исследуется, как токенизация влияет на защиту и коммерциализацию прав интеллектуальной собственности в ЕС и БРИКС. На основе проведенного анализа формулируются выводы и предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства в этой области.

Ключевые слова: токенизация, интеллектуальная собственность, авторское право, ЕС, БРИКС, цифровые активы.

Очень перспективным направлением в сфере интеллектуальной собственности себя показывает токенизация объектов авторских прав.

В отечественном законодательстве термин «токенизация» часто используется, но не раскрывается, в отличие от научных работ на данную тему, так А. Д. Машкова определяет «токенизацию» как «процесс замещения оригинальных данных уникальным идентификатором, то есть токеном», то есть выпуск токенов, представляющих стоимость реального актива»¹.

Сравнение подходов Евросоюза (ЕС) и стран БРИКС поможет выявить тенденции развития экономики, цифровизации и права, а также оценить риски и возможности в данной сфере, особенно учитывая вхождение в БРИКС 9 новых стран с 1 января 2025 г. (Белоруссия, Боливия, Индонезия, Казахстан, Куба, Малайзия, Таиланд, Уганда, Узбекистан)².

В настоящее время в ЕС существуют некоторые акты и инициативы, затрагивающие эту область: например «общий регламент по защите данных»

¹ Машкова А. Д. Основные направления токенизации: частноправовые и публично-правовые аспекты // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-napravleniya-tokenizatsii-chastnopravovye-i-publichno-pravovye-aspekty>).

² Заявление МИД России от 27.12.2024.

(GDPR)¹, закрепляющий необходимость соблюдения требования GDPR при токенизации и хранении данных о владельцах и транзакциях с токенами. Блокчейн также должен соответствовать принципам GDPR, таким как «право на забвение» и др. Не менее важен регламент о рынках криптоактивов (MiCA) — нацелен на регулирование криптовалютных активов и криптоуслуг. Данный акт не разработан специально для токенизации ИС, он может оказать влияние на использование токенов в качестве способа представления прав на ИС. В основе регламента MiCA лежат требования к эмитентам токенов, поставщикам криптоуслуг и защите потребителей.

В число инициатив ЕС по токенизации и в целом блокчейну входят проекты по токенизации различных активов, включая ИС, например, Европейское блокчейн-партнерство (European Blockchain Partnership) — договор стран Евросоюза о развитии блокчейн-технологий и создании инфраструктуры блокчейна для государственных услуг.

Несмотря на достаточно многостороннюю правовую базу, перед ЕС стоит ряд проблем и вызовов таких как: закрепление правового статуса токенов, признание прав владения, правовое положение смарт-контрактов и трансграничное применение².

Но в другом объединении — БРИКС некоторые из этих проблем уже решены. Однако здесь подходы к самой токенизации могут существенно отличаться в разных странах БРИКС.

В Бразилии нет конкретного закона, который бы регулировал токенизацию интеллектуальных прав. Но страна активно развивает цифровую экономику, и есть потенциал для внедрения технологий блокчейн.

В Российской Федерации принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровых валютах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, который устанавливает основные критерии для осуществления операций с цифровыми финансовыми активами, включая токены. Он также регулирует сделки с цифровыми правами, что может включать в себя права на объекты ИС. Позиция Центрального банка России не однозначно, он занимает осторожную позицию в отношении криптовалют и токенизации, при этом признает потенциал технологии блокчейн.

В Индии действуют «стандартные», то есть базовые законы об авторском праве, патентах, товарных знаках и других формах ИС, важно, что они еще не адаптированы к токенизации, так как Индийское правительство занимает нейтральную позицию по отношению к криптовалютам.

Китай, как страна, занимающая лидирующие позиции в экономике, жестко регулирует оборот криптовалют, действует запрет на криптобиржи и ICO (первичное размещение токенов). В настоящее время Китай изучает

¹ Перевод Регламента General Data Protection Regulation (GDPR) Европейского Союза. Перевод выполнен д. ю. н., профессором Дипломатической академии МИД РФ, заведующим кафедрой международного частного права Маджиной Балташевой Касеновой.

² Родионов И. А. Сравнительно-правовой анализ законодательства России и Европейского союза о токенах (цифровых правах) // Контентус. 2022. № 1 (114). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-zakonodatelstva-rossii-i-evropeyskogo-soyuza-o-tokenah-tsifrovyyh-pravah> (дата обращения: 14.01.2025).

³ Федеральный закон от 27.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровых валютах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

возможности использования цифровых активов и развивает политику по токенизации ИС.

Право ЮАР основывается на общем праве, которое также не содержит специальных положений о токенизации ИС, но государство использует открытый подход к технологическим инновациям.

Токенизация может предоставить новые возможности для малого и среднего бизнеса в странах этого объединения, но различия в подходах создают сложности для трансграничного применения и создают определенные риски для инвесторов. Также из серьезных проблем БРИКС можно выделить технологические барьеры, связанные с внедрением блокчейна и обеспечением безопасности токенов и недостаточную финансовую грамотность в ряде стран и регионов.

В сравнении подходы ЕС и БРИКС выглядят следующим образом:

1. Нормативное регулирование в ЕС имеет единый подход, в отличие от БРИКС но при этом слишком поверхностное, касательно данной темы;

2. Подход к токенам в ЕС также отличается однородностью и взвешенным характером, а в БРИКС эти показатели колеблются от жесткого регулирования, как в Китае, до технологической открытости как в ЮАР;

3. В Евросоюзе признается потенциал токенизации ИС, в то время как БРИКС находится на первых этапах;

4. Ликвидность токенов: В ЕС имеется потенциал для развития вторичного рынка токенизированных прав, в БРИКС ликвидность низкая;

5. БРИКС в отличие от ЕС располагает более гибким регулированием на начальном этапе ввиду большого «поля» для экспериментов и меньшей доли бюрократии и рисков.

Чтобы токенизация интеллектуальной собственности стала реальностью и протекала с минимальными рисками, ЕС и БРИКС должны проложить собственные, но взаимодополняющие пути. Для ЕС это путь к четкому законодательству, где нормы определяют статус токенов, защищают потребителей, стимулируют инновации и открывают двери международному сотрудничеству. Для БРИКС должна стоять цель — создание прочного фундамента: базовые законы, межстрановые стандарты. Более того БРИКС необходимо развивать и другие сферы — технологическое развитие, финансовая грамотность и укрепление сотрудничества — для устойчивого развития.

Матунов Аркадий,

аспирант кафедры конкурентного права

Московского государственного юридического университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

ar.matunov@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПРАВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАННЫЕ ПРИ ПОМОЩИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: активное развитие технологий искусственного интеллекта ставит перед правовой наукой непростой вопрос, связанный с принадлежностью прав на резуль-

таты творческой деятельности, созданные при помощи искусственного интеллекта. Ученые-правоведы, пытаясь отыскать ответ на поставленный вопрос, сформулировали несколько подходов, не лишенных как достоинств, так и недостатков. Присоединяясь к указанному обсуждению, постараемся обосновать необходимость закрепления прав за пользователем соответствующего алгоритма.

Ключевые слова: искусственный интеллект, право интеллектуальной собственности, произведение, творческая деятельность.

Непрекращающийся научно-технический прогресс является результатом стремительного развития технических наук. При этом развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на традиционные отрасли экономики, что неразрывно связано с трансформацией и усложнением общественных отношений. Следовательно, указанные процессы бросают серьезный вызов гуманитарным наукам, и в первую очередь юриспруденции. Современное развитие технологий связывается с «цифровой революцией», существенно меняющей окружающий нас мир и структуру общественных отношений.

Рассматриваемый процесс, меняя ткань общественной жизни, ставит непростые вопросы правового характера. В первую очередь речь идет об обеспечении сохранности персональных данных, защите критической инфраструктуры и регулировании коммерческой деятельности в области цифровых технологий.

Прежде всего, рассматривая указанные проблемы, правовая наука исследует вопросы защиты персональных данных, расширения применения технологии искусственного интеллекта и регулирования новых форм экономической деятельности, актуальность которых растет по мере развития соответствующих технологий.

Каждый из поставленных перед юридической доктриной вопросов, связанных с цифровизацией, заслуживает подробнейшего рассмотрения, однако в рамках настоящей работы сконцентрируемся на проблемах правового регулирования в области применения алгоритмов искусственного интеллекта.

Отметим, что вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием алгоритмов искусственного интеллекта рассматриваются с разных сторон. Например, правововедами неоднократно обсуждались перспективы применения указанной технологии в судопроизводстве¹. Особый интерес исследователей также привлекают вопросы, касающиеся возможной правосубъектности искусственного интеллекта². По мере развития и усложнения алгоритмов всё более актуальной становится проблема принадлежности авторских и исключительных прав на результаты творческой деятельности, созданных с помощью указанной технологии.

¹ См., например: Аргунов А. В. Искусственный интеллект рассудит? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 32–49 ; Браво-Хуртадо П. Автоматизация отправления правосудия: обращение к трем ошибочным суждениям об искусственном интеллекте // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 181–199 ; Морхат П. М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 61–85;

² См., например: Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170 ; Гринь С. Н. Эмансипация роботов: элементы правосубъектности в конструкции искусственного интеллекта // Бизнес. Общество. Власть. 2018. № 1 (27). С. 233–242 ; Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы, дис. ... д-ра юрид. наук, М., 2019.

В настоящее время законодательство не содержит однозначного ответа относительно того, кому принадлежит право интеллектуальной собственности на произведения, созданные с помощью алгоритмов искусственного интеллекта, в связи с чем по указанному вопросу сформировалось несколько подходов, подробно исследованных в литературе¹.

Определенные шаги в сторону разрешения указанного вопроса предпринимались и раньше. Так, еще в 2016 г. был разработан «Законопроект о робототехнике»², в основе которого лежала идея о применении широкой аналогии между роботами и юридическими лицами, что предполагало возможность признания прав на такие творческие результаты за искусственным интеллектом. Между тем указанный подход не нашел поддержки и не был реализован³.

Следует также отметить, что в октябре 2020 г. в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации обсуждался вопрос закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданной при помощи искусственного интеллекта, за правообладателем программы, с помощью которой такой результат сформирован⁴. Между тем указанный подход, первую очередь, направленный на защиту инвестиций, осуществленных в разработку соответствующих технологий, несет в себе серьезные риски, связанные с монополизацией прав на результаты творческой деятельности, созданных при помощи искусственного интеллекта.

Кроме того, согласно пункту 1 статьи 1228 ГК РФ, автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат.

Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие, или помощь либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выполнением соответствующих работ.

Таким образом, в возможности закрепления интеллектуальных прав на результаты творческой деятельности за лицом, которое не только не прилагает личных творческих усилий, направленных на создание конкретного произведения, но даже может вовсе не знать о факте их создания, видится определенное противоречие с логикой соответствующего правового регулирования.

Дополнительно отметим, что правовое регулирование должно комплексно подходить к тому или иному вопросу, в связи с чем представляется особенно важным обратить внимание и на антимонопольный аспект регулирования

¹ Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы, дис. ... д-ра юрид. наук, М., 2019. С. 420.

² URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/strah-zakon-i-robototekhnicheskoe-lobbi-intervyu-s-razrabotchikom-pervogo-v-rossii-zakonoproekta-o-robototekhnike?ysclid=m4cg1ddn31489108969> (дата обращения: 06.12.2024).

³ Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы // URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf?ysclid=m4bce0ga2k823760644> (дата обращения: 06.12.2024).

⁴ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4566144> (дата обращения: 05.12.2024).

соответствующих вопросов, что связано прежде всего с активным развитием алгоритмов искусственного интеллекта на основе данных, собираемых хозяйствующими субъектами, действующими на цифровых рынках. Особенно значимым здесь представляется достижение баланса публичных интересов, связанных с недопущением монополизации цифровых рынков, и частных интересов, связанных с извлечением прибыли в связи с осуществлением инвестиций в формирование и развитие соответствующих алгоритмов.

По вышеуказанным причинам наиболее перспективным представляется полный перенос концептуальных подходов, применяемых к программному обеспечению, на алгоритмы искусственного интеллекта, что позволит рассматривать такие алгоритмы в качестве инструмента, используемого автором в целях создания произведения, что связано с закреплением прав интеллектуальной собственности за пользователем соответствующего алгоритма.

В заключение подчеркнем, что, по мнению автора, актуальность указанного вопроса в первую очередь связана с кажущимся несправедливым упрощением творческого процесса, что создает иллюзию не заслуженности закрепления прав на результаты творческой деятельности, созданные с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, за пользователем. Отсюда и возникает вопрос о достаточности творческих усилий пользователя для того, чтобы наделить его правом на соответствующий творческий результат, что отдаленно напоминает споры о фотографии как объекте авторского права¹.

Мелихова Мария,
студент,

Ростовского института (филиала) ФГБОУ ВО
«Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)»
Россия, г. Ростов-на-Дону
melihovamaria19@gmail.com

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ТВОРЧЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация: в статье рассмотрена проблема интеллектуальных прав на произведения, созданные искусственным интеллектом. Проанализирована международная судебная практика. Основное внимание уделено мнениям ученых. Отмечено, о необходимости введения дополнительной главы в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, творческие произведения, авторские права, нейросеть, разработчик, доступ.

Понятие «интеллектуальная собственность» впервые возникло во французском законодательстве в конце XVIII в. Термин получил развитие в рабо-

¹ Канторович Я. А. «Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения» Второе значительно дополненное издание Петроград, 1916. С. 272–274.

тах французских философов — просветителей, таких как Дидро, Вольтер, Гельвеций, Голубах и Руссо.

Интеллектуальная собственность — это результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана.

В соответствии со статьей 1225 ГК РФ (Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации), результаты интеллектуальной деятельности включают в себя:

- произведения науки, литературы и искусства;
- программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ);
- базы данных;
- исполнения;
- фонограммы;
- сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания);
- изобретения;
- полезные модели;
- промышленные образцы;
- селекционные достижения;
- топологии интегральных микросхем;
- секреты производства (ноу-хау);
- фирменные наименования;
- товарные знаки и знаки обслуживания;
- географические указания;
- наименования мест происхождения товаров;
- коммерческие обозначения.

Интеллектуальную собственность охраняют множество нормативных правовых актов, вот некоторые из них:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4)¹.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»².
3. Федеральный закон 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях»³.
4. Федеральный закон от 31.07.2023 № 408-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Российская газета. 22.12.2006. № 289. Ст. 5496.

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях: Федеральный закон 02.07.2013 № 187-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3479.

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 31.07.2023 № 408-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6140.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»¹.

Необходимо отметить, что в современном мире всё больше и больше времени уделяется созданию и разработки искусственного интеллекта. Доктор юридических наук П. М. Морхат отмечает, что искусственный интеллект представляет собой одну из важнейших технологий нынешней эпохи, способную существенно изменить окружающий нас мир².

Искусственный интеллект способен производить различные работы, а именно творческие произведения (музыкальные треки, произведения искусства, литературные произведения и т.д.)³.

Но в таком случае сразу же возникает вопрос, кто же автор произведения? И кому принадлежат права на произведения, созданные искусственным интеллектом?

Общей практики регулирования авторских прав на произведения, сгенерированные искусственным интеллектом, пока нет⁴.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) отмечает два вида произведений, созданные с помощью нейросети:

- без вмешательства человека;
- с существенным вмешательством человека.

В обоих случаях предоставление авторских прав искусственному интеллекту невозможно, так как он не является личностью. Но в первом варианте, как отмечает кандидат юридических наук Е. П. Сесицкий, права на произведения могут вовсе отсутствовать, а во втором случае искусственный интеллект представляет собой инструмент творчества, к примеру, как кисть для художника. Поэтому в данном случае права будут принадлежать лицу, которое использовало нейросеть для создания произведения⁵.

Рассмотрим пример из судебной практики. Так, в 2020 г. в Китае впервые признали, объектом авторского права произведение, сгенерированное искусственным интеллектом.

20 августа 2018 г. автоматизированная программа для генерации текста Dreamwriter опубликовала статью об изменениях фондового индекса Шанхая. Текст разместили на сайте разработчика нейросети Tencent Securities с пометкой, что материал был сгенерирован автоматически Tencent Robot Dreamwriter. Позднее компания Shanghai Yingxun Technology скопировала статью и разместила ее на своем сайте. Tencent посчитала, что это нарушение прав интеллектуальной собственности и подала иск в суд.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета, 19 апреля. 2005. № 80.

² Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 154.

³ Петрухин Г. В. Проблемы интеллектуальных прав на произведения, созданные искусственным интеллектом в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-3(80). С. 78.

⁴ Калымбетов А. А., Фролов И. В. Интеллектуальная собственность в эпоху искусственного интеллекта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10-2. С. 163.

⁵ Сесицкий Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 40.

Рассматривая дело, суд пришел к выводу, что Shanghai Yingxun Technology нарушила права Tencent, и обязал выплатить ответчика компенсацию в размере 1 500 юаней. Такое решение было обосновано тем, что подбор творческого коллектива разработчиков, выбор стиля и шаблона, а также настройка параметров работы программ — это интеллектуальная деятельность сотрудников компании Tencent¹.

В России на законодательном уровне не закреплено, кому принадлежат права на произведения, созданные искусственным интеллектом. В октябре 2020 г. в Государственную Думу был внесен законопроект. Данный законопроект предусматривал, что права на результаты интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта должны принадлежать владельцу программы.

Однако этот закон так и не был принят. В марте 2023 г. в средствах массовой информации вновь появилась информация о том, что начали подготавливать законопроект по определению авторских прав на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта. Поводом для вновь разработки данного законопроекта послужило начало съемок сериала, написанного нейросетью.

Для решения данного вопроса, по нашему мнению, необходимо ввести в Гражданский кодекс Российской Федерации дополнительную главу, которая будет посвящена искусственному интеллекту (ИИ) и результатам его деятельности. Автором произведения, созданного ИИ необходимо указать самого разработчика ИИ. Также считаем важным закрепить правовую норму о том, чтобы разработчики ограничивали доступ ИИ к произведениям защищенным авторским правом. Для того чтобы получить доступ, необходимо получить разрешение автора или правообладателя на использование его произведения.

В заключение необходимо отметить, что вопросы интеллектуальных прав на произведения, созданные искусственным интеллектом, всё еще находятся на стадии развития и требуют более глубокого исследования. На данный момент законодательство практикует установление авторских прав в пользу разработчиков, однако, возможно, в будущем появятся новые подходы к этому вопросу, которые будут учитывать и авторство искусственного интеллекта.

Мкртчян Мария,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

mariamkrtyan01@gmail.com

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА САД-ФАЙЛА В ТЕХНОЛОГИЯХ 3D-ПЕЧАТИ

Аннотация: статья посвящена исследованию вопроса правовой природы САД-файла. Рассматриваются существующие в доктрине подходы определения понятия «САД-файл», описываются проблемы, возникающие на практике при создании и использовании САД-файлов.

Ключевые слова: САД-файл, 3D-печать, право интеллектуальной собственности.

Технологии 3D-печати активно используются в разных сферах жизнедеятельности. В сравнении с традиционными технологиями производства они

¹ К вопросу о наличии авторских прав у искусственного интеллекта. URL: <https://www.garant.ru/article/1605912/> (дата обращения: 08.12.2024).

позволяют быстро, точно, с учетом индивидуальных особенностей, предпочтений и с минимальными затратами создать желаемый объект.

Принцип работы 3D-печати предполагает наращивание объектов при помощи постепенного наложения материала, загруженного в 3D-принтер. При этом печать осуществляется на основе CAD-файла (Computer Aided Design), который представляет собой «машинно-писную и машино-читаемую программу, содержащую как изображение будущего предмета, так и сопровождающий его текст и код»¹.

В доктрине ведутся дискуссии относительно определения правовой природы CAD-файла.

Так, существует позиция, согласно которой CAD-файл относят к объектам авторского права, а именно к компьютерной программе. Данный подход гарантирует высокую степень правовой защиты правообладателю CAD-файла, так как позволяет обеспечить охрану на длительный срок и не требует регистрации. Тем не менее есть противники данной позиции, которые считают, что CAD-файл, созданный и существующий в электронной форме, не дает самостоятельных команд, а лишь исполняется программой, которая установлена на компьютере, в связи с чем его нельзя отнести к компьютерной программе.

Также высказываются предложения об отнесении CAD-файл к такой категории объектов авторских прав, как «другие произведения» (п. 1 ст. 1259 ГК РФ).

Иной подход предусматривает возможность рассмотрения CAD-файла в качестве формулы, подлежащей регистрации и раскрытию в соответствующей заявке согласно нормам патентного права. Однако стоит признать, что в таком случае эффективная защита не всегда будет обеспечена, так как CAD-файл может содержать в себе оригинальный дизайн, в связи с чем его массовое воспроизведение будет невыгодно.

Наконец, представляется возможным признать CAD-файл секретом производства, который, однако, будет иметь защиту только до тех пор, пока он неизвестен третьим лицам.

Решение вопроса относительно правовой природы CAD-файла позволит установить соответствующие условия для обеспечения его правовой охраны, касающиеся необходимости регистрации прав, определения критериев охраноспособности, срока правовой защиты, а также поможет решить, возникающие на практике проблемы, связанные с его созданием и последующим использованием.

По способу создания CAD-файл, может быть трех видов:

- самостоятельно созданный в специальной программе;
- CAD-файл, который был изменен конечным пользователем;
- CAD-файл, который представляет собой отсканированный объект реального мира.

Первый способ предполагает возможность создания оригинального CAD-файла любым лицом с учетом его пожеланий. При этом возможна ситуация, при которой аналогичный CAD-файл будет разработан иным лицом, которое знало о том, что такой файл уже существует. Выяснение природы CAD-файла, его правового статуса позволит определить имеет ли такое знание юридическое значение: в случае применения норм авторского права, такое независимое создание аналогичного файла допустимо, но в случае патентных прав это исключено².

¹ См.: Дорофеева А. М., Дорофеева А. М. Интеллектуальные права в эпоху 3D-принтеров: пример индустрии моды // Право. 2019. № 8. С. 26–29.

² Дорофеева А. М. Указ. соч. С. 28.

При получении и использовании уже существующего CAD-файла нужно учитывать у кого, на каком основании и при каких условиях он был приобретен. Внесение в него изменений без согласия правообладателя или при осуществлении иного использования, непредусмотренного в договоре, приведет к нарушению интеллектуальных прав.

Вместе с тем если правообладатель исходного CAD-файла согласится на внесение в него изменений, то речь может пойти о создании производного объекта интеллектуальных прав, но и тут необходимо определиться насколько значимые и какого характера должны

быть изменения для того, чтобы говорить о возникновении нового объекта.

Что касается CAD-файла, возникшего путем сканирования объекта реального мира, то считается, что процесс сканирования сходен с процессом фотографирования, в связи с чем большинство исследователей придерживаются позиции, которая допускает применение единого регулирования. Так, для решения вопроса касательно возникновения авторских прав у лица, осуществившего сканирование, необходимо будет установить, насколько точно воспроизведен объект, каким сканером было осуществлено сканирование, требовался ли значительный человеческий вклад в процессе сканирования, имело ли место выбора позиции для сканирования, различались ли результаты сканирования одного и того же объекта материального мира, осуществленными разными лицами и др.

Однако стоит отметить, что данная позиция представляется несовершенной, так как сканирование может быть осуществлено при помощи автоматического 3D-принтера, который не требует человеческого участия.

Кроме того, вопрос правовой охраны зависит от того, какой объект сканируется, является ли он охраняемый на момент сканирования или нет, для каких целей осуществляется сканирование и т.д.

Таким образом, определение правовой природы CAD-файла, который содержит виртуальную трехмерную модель объекта, подлежащей печати 3D-принтером, имеет важное практическое значение. Правовая неопределенность в отношении статуса CAD-файла на практике приводит к возникновению многих вопросов в сфере интеллектуальных прав, без решения которых представляется невозможным дальнейшее эффективное использование и развитие технологий 3D-печати.

Нестёркина Алёна,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

i@anesterkina.ru

ИИ ДЛЯ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В «ВКОНТАКТЕ»: АВТОМАТИЗАЦИЯ ОБНАРУЖЕНИЯ НАРУШЕНИЙ НА ОСНОВЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

Аннотация: в статье представлен механизм искусственного интеллекта (ИИ) для автоматического обнаружения нарушений авторских прав в социальной сети «ВКонтакте». Используя глубокое обучение, система анализирует текстовый, визуальный и аудио контент на предмет сходства с защищенными произведениями. Система включает в себя

сегментацию контента, глубокое обучение для сравнения и идентификации, алгоритмы выявления совпадений и систему оповещений. Исследование и выявляет потенциальные проблемы и решения, связанные с приватностью и ложными срабатываниями. Результаты показывают потенциал ИИ для повышения эффективности защиты авторских прав в «ВКонтакте».

Ключевые слова: «ВКонтакте», пользовательское соглашение, ИИ, информационный посредник

Основным «законом», который регулирует защиту интеллектуальной собственности на платформе VK является Пользовательское соглашение (политика). Большинство пользователей не открывает данный файл. Однако именно там происходит регламентация правового режима интеллектуальной собственности. Предлагаем проанализировать данный акт.

Согласно п. 6.3.5 Пользовательского соглашения «ВКонтакте» запрещает «незаконно загружать, хранить, публиковать, распространять и предоставлять доступ или иным образом использовать интеллектуальную собственность Пользователей и третьих лиц»¹. Уже в этом фрагменте модно проследить пробел. Как платформа должна отследить незаконное распространение результатов интеллектуальной деятельности? Предположим, что подобное деяние действительно произошло. Определенно нужно понять правообладателя объекта. Некоторые произведения публикуются без указания авторства. В России есть два типа похожих произведений: анонимные и сиротские. В первом случае-автор не хочет раскрывать свою анонимность, тогда появляется дополнительная сложность в защите, так как автор может не выходить на связь с пользователем вплоть до момента нарушения прав. На наш взгляд, в социальной сети вполне возможно такое поведение. Так как автора может вовсе не заинтересовать пост, где малое количество просмотров и реакций. Если же опубликованная запись с нарушением авторских прав массово распространяется, то сумма компенсации за подобный деликт может быть гораздо выше, чем если бы автор сразу при опубликовании этой записи заметил нарушение. Подобное поведение может свидетельствовать о злоупотреблении правом. «ВКонтакте» необходимо создать и детально описать данный механизм в пользовательском соглашении, так как необходимо защитить не только авторов, но и добросовестных пользователей, которые хотят лишь популяризовать работу любимого исполнителя или художника в некоммерческих целях.

Кроме того, п. 7.1.8 повторно выражает запрет на «доведение до всеобщего сведения» контент других сайтов, баз данных и иных РИД без явно выраженного согласия правообладателя². Отметим, что среди описанных РИД VK приводит «контент других сайтов». На наш взгляд, необходимо больше конкретизировать способ опубликования контента и цели размещения. Многие посты содержат компиляцию новостей, видеороликов, картинок с других стоковых сайтов. Некоторые же авторы специально оставляют ссылки на первоисточники, чтобы подтвердить свое мнение аргументами или подтвердить профессио-

¹ Пользовательское соглашение URL // URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 10.01.2025).

² Гасанов А. Я. Правовая природа пользовательских соглашений оказания услуг с использованием цифровых технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-polzovatelskih-soglasheniy-okazaniya-uslug-s-ispolzovaniem-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 10.01.2025).

нализм. В начале 2024 г. платформа опубликовала запись, согласно которой за нарушение этой нормы пользователь площадки может быть заблокирован¹. Однако объяснений и примеров ситуаций не последовало. Безусловно, подобные меры применяются модераторами лишь в исключительных случаях. Но неотработанный алгоритм «Немезида» может лишить заработка как автора, так и распространителя контента. Подобный алгоритм необходим соцсети еще для того, чтобы оставлять за собой статус информационного посредника согласно ст. 1253.1 ГК РФ и ст. 15.7 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». «Немезида» представляет собой штрафной механизм. Существуют три уровня, чем выше уровень и больше страйков за нарушение правил социальной сети, тем меньше круг возможных действий по продвижению контента². Например, при 15 страйках «ВКонтакте» отключает возможность Маркета на платформе, использовать рекламное продвижение внутри сети. Решение о выдаче страйка выдается модератором сети. Обычный алгоритм выглядит следующим образом: пользователь находит запрещенный контент и отправляет в специальной форме не только конкретный пост, но и может описать свое мнение максимально подробно. Далее модераторы после получения данной формы самостоятельно принимают обоснованное решение о последствиях нарушения, если оно есть. Однако модераторы могут не обладать специальными знаниями. Механизм обжалования сложный, многие авторы пренебрегают на начальной стадии использовать апелляцию. При этом «Немезида» позиционируется как автоматический алгоритм на основе искусственного интеллекта. При этом имеются существенные недостатки, например, анализу и проверке подлежат лишь материалы, выложенные после 1 июня 2018 г., кроме того, ее легко обмануть — отзеркалив фотографию или изменив цветовую гамму видео. Уникальность публикации считается только по временному критерию. «Немезида» распознает лишь дату публикации, а не принадлежность к изобретателю, что может ущемить реального автора, который просто выложил контент позже.

Кроме «Немезиды» существует «Прометей». Здесь алгоритм немного иной. Существует механизм поощрения, который облегчает продвижение уникальных публикаций. Искусственный интеллект самостоятельно анализирует создателей эксклюзивного контента. «Пламя» выдается избранным авторам и символизирует повышенные охваты. В «рекомендациях» обычным пользователям показывается результат работы «Прометея». Однако минусы этого ИИ сходны с «Немезидой». Уникальность зависит от темпорального критерия. Если публикация была ранее выложена на иных ресурсах, то она не будет считаться такой. Точного механизма обжалования решения нет. Поэтому автору, чей контент остался вне зоны видимости ИИ социальная сеть советует «не отчаивается».

По сути, ВК не предпринимает специальных мер для защиты прав. На данный момент существует форма связи с модераторами платформы, где пользователь может сообщить о неправомерном использовании объектов

¹ Система модерации ВКонтакте станет прозрачной для авторов // URL: <https://vk.com/@vk-sistema-moderacii-vkontakte-stanet-prozrachnoi-dlya-avtorov> (дата обращения: 10.01.2025).

² Витюкова А. О. Проблемы существования авторского права в социальной сети «ВКонтакте» // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-suschestvovaniya-avtorskogo-prava-v-sotsialnoy-seti-vkontakte> (дата обращения: 10.01.2025).

интеллектуальной собственности. Кроме того, пользовательское соглашение не может заменить законодательство, поэтому лишь регулирует правила поведения и карательные санкции используются лишь в крайних случаях.

ВК имеет возможность самостоятельно, без участия пользователей, становиться нарушителем закона. В это случае размер ущерба гораздо выше, так как уже сама площадка неправомерно использует авторские права в коммерческих целях. Так, «Издательство Джем» является правообладателем музыки Саши Скул («Наши кинжалы блестят в ночи»)¹. На музыкальной площадке ВК появилась музыкальная композиция. Для неограниченного доступа к платформе требуется оформить платную подписку, что подтверждает коммерциализацию. На наш взгляд, подобная ситуация достаточно распространена в социальных сетях, в указанном кейсе «ВКонтакте» был признан информационным посредником, по сути, снимая ответственность не то, что за действия пользователей, но и за собственные. Отметим, что сходное регулирование осуществляется в сфере маркетплейсов. WB и Ozon также являются посредниками между покупателем и продавцом, снимая с себя большинство обязанностей, в том числе за информацию и товар продавцов. ВК здесь тоже посредник, освобождая себя от ответственности. Считаем подобный подход легкомысленным. Законодатель оставляет авторов без защиты, позволяя пользователям намеренно или без умысла нарушать чужие авторские права, а площадка может злоупотреблять данным подходом и договариваться с пользователями или создавая новый аккаунт нарушать чужие авторские права. Необходимо тщательнее относиться к вопросу ответственности социальной сети за подобный контент.

Так, ООО «Си Ди Лэнд Контакт» обратилось с иском к «ВКонтакте» за использование произведений изобразительного искусства с условным названием «Ждун». Конкретнее, был сделан бесплатный стикерпак для пользователей с целью популяризации этого персонажа. Отсутствие коммерческой выгоды и переработка произведения стали основными аргументами при отказе в удовлетворении исковых требований. Хотя суд указал прямое сходство стикеров с оригинальным произведением, но также упомянул популярность «Ждуна», де-факто разрешая использовать популярные произведения, хотя и не в коммерческих целях.

Зарубежная практика складывается иным образом. Дела против социальных сетей часто связаны с диффамацией. Если информационный посредник не имеет доступа к контенту, то у него не возникает обязанности по контролю за «плохим» контентом. В противном случае модерирование площадки, чаще всего при помощи ИИ, обязывает удалять и нести ответственность за распространение пользователями незаконных сведений². Часто информационные посредники отвечают только за виновные деяния: неудаление контента после жалобы пользователя или прямой умысел на распространение порочащей информации³.

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 19.12.2022 по делу № А40-338270/19 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/90ff479c-a613-4c9f-896c-5b957cc68951> (дата обращения: 10.01.2025).

² Яценко Т. С. Онлайн-диффамация и проблема ее пресечения мерами гражданского права // Закон. 2024. № 1. С. 29–38 (дата обращения: 10.01.2025).

³ Marwick A. E., Miller R. Online Harassment, Defamation, and Hateful Speech: A Primer of the Legal Landscape // Fordham Center on Law and Information Policy Report. 2014. No. 2. URL: <https://ssrn.com/abstract=2447904> (дата обращения: 10.01.2025).

Нуждаева Валерия,
магистрант,
Российский государственный
гуманитарный университет (РГГУ),
практикующий юрист
Россия, г. Москва
nuzhdaeva.valerya@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИПФЕЙКОВ В РЕКЛАМЕ И PR

Аннотация: в работе рассматриваются юридические аспекты использования дипфейков в рекламе и PR. Анализируется существующее законодательство, судебная практика и пробелы в правовом регулировании, связанные с применением технологий искусственного интеллекта для создания реалистичных подделок видео- и аудиоматериалов. В статье предлагаются рекомендации по правомерному применению этих технологий в рамках рекламной и PR-деятельности.

Ключевые слова: дипфейк, искусственный интеллект, реклама, защита прав, авторское право, репутация, нейросеть.

В современном цифровом мире технологии искусственного интеллекта (ИИ) развиваются с невероятной скоростью, приводя к появлению инновационных инструментов, которые одновременно открывают новые возможности и создают новые вызовы. Одним из таких инструментов являются дипфейки — видео- и аудиозаписи, созданные с помощью ИИ и изменяющие реальность. Использование дипфейков в рекламе и PR привлекает внимание как своим потенциалом для повышения эффективности кампаний, так и рисками, связанными с нарушением права и этическими проблемами¹.

Как правило, дипфейк представляет собой видео или аудиозапись, созданную с помощью искусственного интеллекта, которая реалистично изображает человека, говорящего или делающего что-то, чего он на самом деле не говорил или не делал. Это достигается путем использования глубокого обучения и нейронных сетей, которые анализируют большое количество исходных данных (видео и аудио) и синтезируют новый контент, практически неотличимый от настоящего.

Многие страны еще не разработали специальных актов, регулирующих эту область. Отечественное законодательное регулирование использования дипфейков в настоящее время находится лишь в начале своего регулирования. Так, в сентябре 2024 г. в Государственную думу был внесен законопроект, направленный на установление уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности². При этом существующее нормативное регулирование, например, о защите чести, до-

¹ В частности, в российских средствах массовой информации появились сообщения об использовании дипфейков в рекламе криптобирж, распространяемой мошенниками (см. об этом: Мошенники начали использовать дипфейки Трампа в рекламе крипторесурсов // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/673aa1389a7947a5aef3cb3> (дата обращения: 14.01.2025).

² Законопроект № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 14.01.2025).

стоинства и деловой репутации, о защите авторских прав, о недобросовестной конкуренции, также может быть применено к случаям неправомерного использования дипфейков, хотя на практике подобных прецедентов пока не много. В 2024 г. рассмотрено дело, касающееся защиты дипфейк-видео в качестве объекта авторского права¹. Суд по интеллектуальным правам согласился с позицией нижестоящих судов о том, что дипфейк сам по себе является объектом авторского права и незаконное использование чужого дипфейка (как и его последующая модификация) нарушают авторские права владельцев.

За создание и распространение дипфейка, наносящего ущерб деловой репутации человека, возможно привлечь к гражданской (ст. 151, 151.2 ГК РФ²) или уголовной ответственности (ст. 137 УК РФ³). Если дипфейк использует защищенный авторским правом материал без разрешения правообладателя, это является нарушением авторского права. Как представляется с точки зрения авторского права дипфейки можно классифицировать как мультимедийные произведения. Кроме того, использование дипфейков в рекламе может быть квалифицировано как недобросовестная конкуренция, если оно вводит потребителей в заблуждение или наносит ущерб конкурентам. С точки зрения Закона о рекламе и средствах массовой информации недопустимо использовать скрытые технологические продукты (к каковым вероятно можно отнести и дипфейки), поскольку в противном случае будет нарушаться требование о достоверности предоставляемой информации.

Отдельного внимания заслуживает охрана голоса человека, использующего в дипфейке. Сам по себе голос не считается объектом нематериальных благ, однако крайне часто голоса известных людей могут использоваться в рекламных и коммерческих целях. На сегодняшний день в Государственную думу внесен законопроект⁴, направленный на охрану голоса как объекта личных неимущественных прав гражданина по аналогии с изображением гражданина, в том числе в случаях имитации голоса или путем синтеза речи в режиме реального времени.

Существующие законы часто не способны адекватно регулировать новые технологии. Для решения этих проблем необходимы новые правовые нормы, специально разработанные для регулирования использования дипфейков. Находящиеся на рассмотрении законодателя вопросы носят казуальный характер и могут решить лишь ограниченное количество проблем. Указанное не снимает вопроса о разработке системного регулирования рассмотренной области. Оно должно включать в себя установление обязательств по раскрытию информации об использовании дипфейков в рекламе, усиление ответственности за неправомерное использование дипфейков, и разработку механизмов для оперативного удаления дипфейков из сети Интернет.

В заключение следует отметить, что использование дипфейков в рекламе и PR представляет собой сложный вопрос, требующий внимательного подхо-

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.08.2024 по делу № А40-200471/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2025).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // СЗ РФ. 1996.

⁴ Законопроект № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации (об охране голоса)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8> (дата обращения: 14.01.2025).

да законодателя. Интенсивность использования дипфейков обуславливает потребность в актуальных и детализированных правовых нормах, разработанных специально для регулирования этой области. Представляется, что только так возможно обеспечить баланс между инновациями в рекламной области, защитой прав личности и общественными интересами. Важно помнить, что технологии дипфейков могут быть использованы как во благо, так и во зло, и от решения законодателя в этой области зависит будущее свободы слова и достоверности информации в цифровой среде.

Олифиренко Артем,

магистрант,

Саратовская государственная

юридическая академия (СГЮА)

Россия, г. Саратов

panolifer@gmail.com

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОВЕРКИ ПАТЕНТОВ НА ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Аннотация: в работе рассмотрены математические и вычислительные методы, направленные на автоматизацию анализа патентных заявок на программное обеспечение. Особое внимание уделено логистической регрессии и методам обработки естественного языка (NLP) для выявления пересечений с уже существующими решениями и оценки степени новизны изобретений.

Ключевые слова: математическое моделирование, машинное обучение, логистическая регрессия, обработка естественного языка (NLP), автоматизация патентного анализа, защита интеллектуальной собственности.

В условиях стремительного развития технологий и постоянного увеличения количества заявок на регистрацию объектов интеллектуальной собственности актуальность автоматизации процессов патентного анализа возрастает с каждым годом. Традиционные методы ручной экспертизы требуют значительных временных и трудовых затрат, что порождает необходимость в использовании математического моделирования и методов машинного обучения для повышения точности и скорости принятия решений.

Немаловажную роль в оценке совпадений играет анализ текстовых описаний патентов, которые часто содержат детальную информацию об устройстве, принципах функционирования и решаемых задачах¹. Для работы с подобными текстовыми массивами используется обработка естественного языка (NLP)², включающая очистку текста от неинформативных элементов, лемматизацию либо стемминг, а также перевод исходных текстов в векторное представление. Одним из распространенных способов векторизации является метод TF-IDF (Term

¹ См.: Смольянинов И. С., Иода Е. В. Анализ методов оценки объектов интеллектуальной собственности в рамках управления инновациями и привлечения инвестиций на рынок // Вестник Липецкого государственного технического университета. 2020. № 2. С. 112–118.

² См.: Янов Е. С., Анцев А. В. Применение технологий машинного обучения и искусственного интеллекта для анализа технологических процессов // Вестник Тульского государственного университета. Технические науки. 2024. № 3. С. 33–40.

Frequency — Inverse Document Frequency), позволяющий определить «вес» каждого слова в зависимости от частоты его употребления в тексте и во всей корпусной выборке. Есть и более современные трансформер-модели: BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers), способные учитывать контекст окружения слов и тем самым обеспечивать более глубокий анализ семантических связей между фрагментами текста. В результате текст патентной заявки преобразуется в многомерное числовое представление, которое затем может быть подвергнуто дальнейшей обработке методами кластеризации и классификации.

Для оценки эффективности описанных подходов был проведен эксперимент, в рамках которого проанализированы десять патентных заявок на программы для ЭВМ¹. Каждая заявка была подвергнута двум этапам обработки: первичной предобработке (удаление стоп-слов, лемматизация, приведение текста к единому формату) и векторизации текстов:

1. Features Match Score — степень совпадения технических характеристик,
2. Semantic Match Score — мера семантического сходства описаний,
3. Technical Match Score — оценка технологических решений, представленных в патенте.

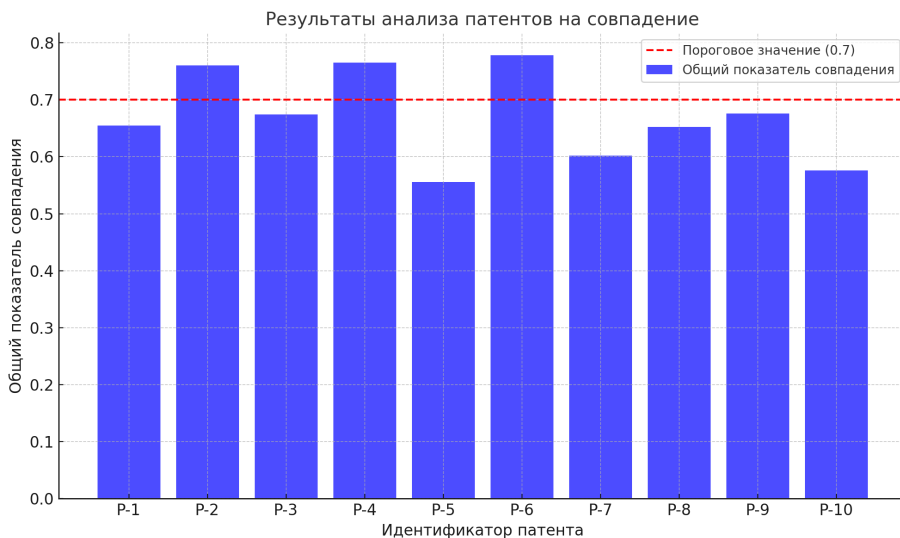

Рис. 1. Результаты анализа патентом на совпадение

По итогам вычисления (рис. 1) перечисленных метрик вычислялся Overall Score — усредненный показатель, отражающий совокупную оценку совпадения новой заявки с ранее зарегистрированными изобретениями. Для определения «порогового» значения была выбрана величина 0,7, превышение которой указывало на необходимость привлечения эксперта для проведения более детальной проверки. Анализ результатов показал, что в среднем

¹ См.: Архипцова Я. А., Гребеник В. В. Методы стоимостной оценки объектов интеллектуальной собственности // StudNet. 2020. № 3. С. 45–50.

семантическое совпадение (Semantic Match Score) колебалось в диапазоне 0,8–0,85, что свидетельствует о высоком уровне соответствия терминологии и описаний, а в некоторых случаях указывает на потенциальный конфликт с уже охраняемыми патентами. Technical Match Score в ряде случаев достигал 0,85, что демонстрирует существенное сходство технологических решений и сигнализирует о возможном нарушении критерия новизны. При этом точность определения потенциальных пересечений в целом составила 89 %, а время обработки одной заявки не превышало четырех секунд.

С математической точки зрения особый интерес представило сочетание логистической регрессии с методами глубокого анализа текста. Логистическая регрессия позволяет настраивать гибкие весовые коэффициенты, повышающие значение тех или иных признаков при классификации патентов, а трансформер-модели типа BERT усиливают семантический блок анализа. Благодаря такому симбиозу достигается высокая чувствительность к лексическим и контекстуальным характеристикам патентных описаний, что облегчает выявление неочевидных пересечений. Дополнительную пользу приносит кластеризация, помогающая группировать сходные документы и выявлять потенциальные направления технологического дублирования.

Практическая ценность разработанной системы автоматизированного анализа патентов подтверждается комплексом факторов. Во-первых, сокращается время, необходимое на предварительную проверку заявок, что особенно важно в условиях стремительно растущего объема документации и высокой конкуренции. Во-вторых, возрастает объективность принимаемых решений, поскольку моделирование снижает влияние человеческого фактора и позволяет ранжировать заявки по уровню риска. Реализованный метод соответствует требованиям приказа ФСТЭК России № 17, поскольку обеспечивает защиту данных на всех этапах обработки с использованием шифрования и разграничения доступа. В-третьих, реализация системы учитывает требования российского законодательства об информации, что гарантирует безопасность корпоративных данных и соблюдение прав на объекты интеллектуальной собственности. Наконец, исследование лицензионных соглашений на подключаемые программные компоненты позволяет предотвратить возникновение правовых конфликтов, связанных с использованием сторонних библиотек.

Осокин Александр,
магистрант,
юридический факультет МГУ
Россия, г. Москва
osokin2001@yandex.ru

ПАТЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: автор рассматривает проблемы патентоспособности результатов интеллектуальной деятельности (РИД), полученных с применением искусственного

интеллекта. В отечественной практике подобные вопросы не затрагивались, однако зарубежная практика содержит яркие примеры отказа в патентоспособности РИД, если изобретателем выступает юнит искусственного интеллекта (далее — юнит ИИ). Автор полагает, что в настоящее время нет необходимости в адаптации интеллектуального права к реалиям использования искусственного интеллекта в связи с преждевременностью таких реформ.

Ключевые слова: патентное право, творчество, искусственный интеллект.

Прорывной характер технологии искусственного интеллекта предполагает возможность создания им не только охраноспособных объектов, но и ряда патентоспособных объектов, которые заслуживают отдельного рассмотрения. Такая необходимость возникает в силу того, что, по мнению Н. Б. Спиридоновой, объекты патентных прав отличаются своей сложностью, вытекающей из самого определения критерия охраноспособности, включающих наличие изобретательского уровня¹. При этом патентная охрана РИД связана с рядом проблем. Как отмечает О. Л. Алексеева, творческий характер объекта патентной охраны преломляется в зависимости от подхода к восприятию категории «творческий труд»: с одной стороны, допустимо констатировать творческий характер лишь в силу наличия приложения умственной деятельности, а с другой стороны, в контексте патентной охраны наличия творческого труда недостаточно, поскольку требуется прохождение экспертной оценки такого РИД для предоставления такого рода правовой охраны². С нашей точки зрения, поддержки заслуживает вторая позиция, предполагающая необходимость прохождения экспертной оценки творческого характера такого труда, а также соответствия РИД критериям патентоспособности.

Обращаясь к зарубежному опыту, необходимо отметить, что в США уже существует регулирование, связанное с возможностью патентования изобретений и иных патентоохраняемых объектов. Как отмечается в литературе, патенты на изобретения, созданные при помощи искусственного интеллекта, подразделяются на следующие подгруппы: (i) адаптивные системы, (ii) аппаратные средства нечеткой логики, (iii) системы обработки знаний, (iv) машинное обучение, (v) разное, (vi) нейронные сети, (vii) системы обработки множества данных, (viii) системы обработки множества данных, имеющие пользовательский интерфейс³. В данном случае такие подгруппы используются как для идентификации изобретений, так и для разработки новых изобретений при помощи искусственного интеллекта.

В контексте патентоспособности РИД необходимо обратить внимание на дело «DABUS», где английский регистрирующий орган и суды определили, что юнит ИИ не может быть автором патента, поскольку (i) машина не может считаться автором в смысле патентного закона, так как автором может быть только человек, то есть персонифицированный субъект права, (ii) ма-

¹ Спиридонова Н. Б. Структура исключительного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2022. С. 40.

² Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Е. А. Павлова. М., 2018. С. 414 (автор комментария — О. Л. Алексеева).

³ Zing R. Foundational Patents in Artificial Intelligence // Artificial Intelligence and Intellectual Property. Ed. by J. Lee, R. M. Hilty, Liu K.-C. Oxford University Press, 2021. P. 79.

шина не является лицом, следовательно, она не может передавать права на патент человеку, (iii) собственник машины не имеет прав на изобретения, созданные его машиной, кроме того (iv) заявитель не устранил недостатки патентной заявки, поскольку не указал изобретателя — человека¹. Более того, судья по делу «DABUS» отметил, что право на изобретение возникает не у изобретателя, а у правообладателя, следовательно, для собственника юнита ИИ такой способ приобретения права является первоначальным, а не производным².

Как отмечает зарубежная доктрина, дело «DABUS» создало еще более значительную пропасть между правосубъектностью и изобретательскими возможностями юнита ИИ, хотя такая машина и может действовать независимо от оператора в связи с наличием собственных нейронных сетей, работающих параллельно³. Патентное право само по себе нацелено на публичное распространение РИД при условии предоставления защиты изобретателю, в том числе в вопросах монетизации РИД. По мнению П. М. Морхата, при создании изобретений юнитом ИИ возникают проблемы относительно принадлежности права на объект патентной охраны, а также относительно патентоспособности таких изобретений, особенно в части применимости изобретательского уровня в отношении юнита ИИ⁴. В целом ГК РФ не исключает возможности патентной охраны изобретений, промышленных моделей и полезных образцов, полученных с использованием юнита ИИ. Доктринально отмечается, что патентно-правовой режим охраны может быть распространен на РИД искусственного интеллекта, сопоставимые с объектами патентного права, при сохранении в качестве фигуры патентообладателя физического лица, юридического лица или публично-правового образования⁵. Иначе говоря, существенных препятствий в признании изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, полученных с использованием искусственного интеллекта, на данный момент не существует, за исключением лишь одного — критерия изобретателя (авторство заявки).

Таким образом, действующее патентно-правовое регулирование РИД как на уровне российского законодательства, так и в зарубежных законодательствах находится в зачаточном состоянии, которое не предоставляет каких-либо особенностей в отношении изобретений, созданных с помощью искусственного интеллекта. Необходимо отметить, что зарубежная судебная практика на данный момент также негативно относится к возможности признания прав изобретателя за юнитом ИИ, признавая его лишь способом создания изобретения, полезной модели или промышленного образца со стороны собственника юнита ИИ.

¹ Будылин С. Л. Дело об изобретательской машине, или Охраняются ли результаты интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 5. С. 86–105.

² Thaler [2021] EWCA Civ. 1374. Para 76.

³ Kenneth-Southworth E., Li Y., AI inventors: deference for legal personality without respect for innovation? // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2023. № 18. Iss. 1. P. 58–69.

⁴ Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М., 2017. С. 121–122.

⁵ Балашова А. И. Искусственный интеллект в авторском и патентном праве: объекты, субъектный состав правоотношений, сроки правовой охраны // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2. С. 90–98.

Поладов Ресул,
студент,
ФГБОУ ВО СПбГАУ
Россия, г. Санкт-Петербург
poladovresul777@gmail.com

«ПРАВО НА ОБРАЗ», ИЛИ КАК ЗАЩИТИТЬ ИДЕНТИЧНОСТЬ В МЕТАВСЕЛЕННОЙ

Аннотация: в статье приведены результаты сравнительного анализа нормативных актов, регулирующих правовую охрану творческих образов публичных личностей в различных правовых системах. Приведены примеры из релевантной судебной практики. Сделаны выводы о необходимости преобразования российского законодательства об охране изображения гражданина.

Ключевые слова: метавселенная, образ гражданина, креативные индустрии, интеллектуальная собственность, дипфейк, изображение гражданина, виртуальная реальность.

Возникновение таких феноменов современности, как метавселенные¹, дипфейки² и производные от них произведения, приводит к тектоническим изменениям в юридическом мире. Широкое интегрирование новейших технологий в общественные отношения зачастую становится отправной точкой для трансформации различных правовых механизмов. Данная работа посвящена исследованию вопросов реформирования института охраны изображений физических лиц³, что обусловлено значительно возросшим количеством случаев использования фотографий, видеозаписей, произведений изобразительного искусства, в которых изображен гражданин, для подготовки заведомо ложных и уничижительных материалов. Наименее защищенной с этой точки зрения

¹ В научной литературе представлено множество вариаций определения «метавселенная». Например, лингвистами данная дефиниция рассматривается через призму «виртуальной реальности, в которой пользователи взаимодействуют с аватарами друг друга и своим окружением с эффектом погружения». Евсиков К. С. Метавселенные как новый объект регулирования для информационного права // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 44. № 1. С. 47–57.

Сходной позиции придерживается и ряд других исследователей, предлагая квалифицировать метавселенную в качестве разветвленной сети виртуальных миров, где граждане взаимодействуют друг с другом социально и экономически, главным образом посредством аватаров. Ramos, A. (2022). The metaverse, NFTs and IP rights: To regulate or not to regulate? Intellectual Property Forum: Journal of the Intellectual and Industrial Property Society of Australia and New Zealand, (129), 76–78.

По нашему мнению, метавселенная — это прежде всего высокотехнологичный продукт, сочетающий в себе элементы виртуальной и дополненной реальности и позволяющий субъектам (пользователям) контактировать друг с другом при помощи созданных ими аватаров, а также генерировать цифровые объекты, аналоги которых могут отсутствовать вне мультимедийного пространства (виртуальные значки, одежда, арт-пространства).

² Дипфейком можно считать любую имитацию реальности — изобразительную, звуковую, аудиовизуальную и т.д. См.: Калятин В. О. Практические вопросы создания и использования дипфейков // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2023. № 12. С. 13.

³ Согласно ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина допускаются только с согласия этого гражданина. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Российская газета. № 238–239. 08.12.1994.

группой являются публичные личности — знаменитости, видные деятели в сфере культуры, науки, спорта, политики — их изображения ввиду обширной распространенности в сети Интернет становятся объектом посягательства со стороны недобросовестных пользователей¹. Таким образом, публичным личностям может быть нанесен существенный ущерб, причем не только репутационный, но и материальный. К сожалению, отечественное гражданское законодательство в настоящее время не в состоянии предоставить необходимый объем защиты прав и интересов лиц, создавших свой уникальный сценический образ в результате длительного и кропотливого творческого труда. Единственным средством «борьбы» с нарушителями для таких лиц остается лишь требование компенсации морального вреда и запрет на дальнейшее распространение изображений, полученных и используемых незаконным путем. В связи с этим возникла потребность в переосмыслении норм об охране изображений граждан тем более что подобным вопросом озадачены представители и многих зарубежных правовых порядков. Предполагается, что анализ международного опыта регулирования отношений использования изображений публичных личностей в медиа пространстве, в том числе сгенерированных либо преобразованных нейро-ресурсами, позволит сформировать комплексное представление о правовой природе указанных явлений и наметить перспективные шаги по модернизации российского законодательства.

В Соединенных Штатах еще с середины прошлого века действуют² нормы об охране уникальных образов³ граждан. Подобный механизм в доктрине получил характерное название — право на образ, то есть право гражданина запрещать сторонним лицам использование своей идентичности, к которой относятся внешность, имя, голос и изображение, без предварительного заключения лицензионного или иного соглашения⁴. В некоторых штатах (к примеру, в Калифорнии и Нью-Йорке)⁵ законами предусмотрен перечень видов свободного использования изображений и образов знаменитостей в информационных, научных, культурных и иных целях, не связанных с коммерческой эксплуатацией⁶.

Великобритания же выбрала иную траекторию — право на образ не относится к разновидности интеллектуальной собственности в этой стране. Тем не менее использование имени, внешности либо изображения публичной личности влечет нарушение норм законодательства о недобросовестной конкуренции при одновременном соблюдении трех условий: 1) у истца должна

¹ См., например: Lalla, V., Mitrani, A., Harned, Z. Artificial Intelligence: deepfakes in the entertainment industry. WIPO Magazine // URL: <https://www.wipo.int/en/web/wipo-magazine/articles/artificial-intelligence-deepfakes-in-the-entertainment-industry-42620> (дата обращения: 15.12.2024).

² В 37 штатах на сегодняшний день.

³ Критерий узнаваемости образа среди адресной группы потребителей для удовлетворения требований заявителя может быть установлен на уровне судебной практики в зависимости от конкретной юрисдикции. См., например: *White v. Samsung Electronics America, Inc.*, 971 F.2d 1395, 1396 (9th Cir. 1992).

⁴ Robert Post and Jennifer Rothman, «The First Amendment and the Right(s) of Publicity», *The Yale Law Journal*. 2020. Vol. 130. P. 86–172 (P. 89).

⁵ См.: *Lohan v. Take-Two Interactive Software, Inc.*, 73 N.Y.S. 3d 780 (N.Y. 2018) ; *Comedy III Productions, Inc. v. Gary Saderup, Inc.*, 25 Cal.4th 387 (Cal. 2001).

⁶ Указанные ограничения способствуют соблюдению баланса интересов правообладателя, желающего получать роялти по лицензионным договорам, и общества, нуждающегося в постоянном культурном обмене.

сформироваться положительная репутация среди потребителей; 2) потребители могут быть введены в заблуждение действиями ответчика (формируются ложные представления о коллаборации и иных формах сотрудничества между истцом и ответчиком); 3) значительный ущерб, понесенный истцом, в результате незаконного использования его индивидуальных черт¹. Практика показывает, что суды при разрешении соответствующих споров наиболее тщательно анализируют степень введения потребителей в заблуждение, поэтому в случае низкой вероятности наступления подобного риска, то заявителю, при прочих равных, будет отказано в удовлетворении требований².

Обозначенный выше подход был в определенной степени заимствован судами Китайской Народной Республики. В частности, Верховный Народный Суд, рассматривая возражение на регистрацию товарного знака, сходного до степени смешения с образом знаменитого спортсмена Майкла Джордана, указал, что образы популярных зарубежных персон могут быть защищены в Китае только если они приобрели высокую степень узнаваемости в обществе на дату подачи возражения. В данном деле регистрация спорного обозначения могла привести к возникновению у аудитории неверных выводов об ассоциативных связях между магазином спортивной одежды и баскетболистом³.

Дискуссия о целесообразности введения повышенной защиты известных личностей от копирования их образов, в том числе в метавселенной, в научных кругах Южной Кореи приобрела интенсивный характер после резонансного решения Верховного Суда (далее — Суд) республики по иску популярной музыкальной группы BTS к производителю сувенирных изделий, который незаконно использовал изображение ее участников на своей продукции без получения необходимого согласия⁴. В мотивировочной части решения об удовлетворении требований в полном объеме Суд отдельно подчеркнул значимость установления повышенного уровня защиты изображений артистов на законодательном уровне. Позже, в декабре 2022 г. в парламент страны был внесен законопроект, которым предусматривались поправки в Гражданский кодекс относительно предоставления правовой охраны образу и иным идентифицирующим признакам личности⁵. Срок действия исключительного права предлагается установить по аналогии с нормами об авторском праве — на весь период жизни лица и в течение тридцати лет после его смерти. Законопроект сейчас находится на рассмотрении в профильных комитетах законодательного органа.

¹ Martin Henshall and Annie Websper, «Mirror image: using UK and US case law to protect publicity rights», 2020.

² См.: Eddie Irvine v. Talksport [2002] EWHC 54 (Ch).; Fenty v. Arcadia Group Brands, [2013] EWHC 2310 (Ch).

³ Yingzi L., Liu, E., Wang, C., Yan, L. Protecting publicity rights under China's legal system // URL: <https://www.iam-media.com/guide/china-managing-the-ip-lifecycle/2025/article/protecting-publicity-rights-under-chinas-legal-system> (дата обращения: 15.12.2024).

⁴ Hong C. Supreme Court Upholds Appeal Hearing Decision In Favor Of Big Hit Entertainment In BTS's Portrait Rights Case // URL: <https://www.soompi.com/article/1399081wpp/supreme-court-upholds-appeal-hearing-decision-in-favor-of-big-hit-entertainment-case-bts-portrait-rights> (дата обращения: 15.12.2024).

⁵ Korea's Draft Amendment to the Civil Act May Mean Statutory Protection for 'Right of Publicity' // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=c8785f90-e0e6-47c3-a6dd-5ff4d6708222> (дата обращения: 15.12.2024).

Исходя из всего вышеизложенного, мы предлагаем в качестве рационального средства устранения имеющихся в практике российских судов противоречий¹, а также с учетом быстро меняющихся условий развития правоотношений на цифровом уровне, предусмотреть охрану созданных творческим трудом сценических образов (внешности, голоса, характерной мимики, жестов) публичных личностей. Внесение соответствующих изменений в ст. 1225 и ряд отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса РФ² позволит, во-первых, выстроить комплексную нормативную основу для формирования единообразной судебной практики, а во-вторых, защитить интересы деятелей креативных индустрий, вкладывающих свои силы и средства для воплощения оригинальных образов, как в реальном, так и в виртуальном мире.

Савицкая Екатерина,

студент,

Белорусский государственный университет,

г. Минск, Республика Беларусь

savitskaykate@icloud.com

АВТОРСКОЕ ПРАВО НА ОБЪЕКТЫ, СОЗДАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: в докладе рассматривается быстрое внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы человеческой деятельности, включая создание контента и интеллектуальную собственность. Обсуждаются вопросы авторства произведений, созданных ИИ, и правовые аспекты, касающиеся их защиты. Анализируются различные позиции относительно авторства, включая признание ИИ как инструмента или соавтора. Особое внимание уделяется правовым вызовам, связанным с объектами, созданными независимо от человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторство, интеллектуальная собственность, правовая защита, создание контента.

Применение искусственного интеллекта (ИИ) в деятельности человека растет сверхбыстрыми темпами, сейчас трудно представить направления деятельности, в которые не проник «Artificial Intelligence». Сегодня ИИ генерируют тексты, музыку, изображения, видео и даже участвует в изобретательской деятельности. ИИ в разной степени упрощает создание контента:

1. редактирование контента, созданного человеком самостоятельно;
2. исполнение предоставленных исходных данных и темы;
3. создание объектов интеллектуальной собственности с помощью «подражания» сходным работам, которые созданы людьми (можно сравнить с художниками, которые вдохновляются работами предшественников).

¹ См.: определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 02.08.2013 по делу № 11-19242; определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 30.08.2013 по делу № 11-27507; определение судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 04.12.2017 по делу № 33-34710/2017; постановление Суда по интеллектуальным правам от 14.09.2023 по делу № А41-48739/2022.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024).

Если с редактированием все понятно: тут вносится непосредственный вклад человека, тем самым полученный результат можно признавать за пользователем как автором, то с исполнением и созданием все не так просто, появляется вопрос об авторстве на объекты, которые созданы ИИ. Анализируя критерии, которыми должны обладать объекты авторского права для защиты, неотъемлемым будет творческий вклад. В соответствии с законодательством Республики Беларусь: автор вносит творческий вклад, с помощью которого создается произведение (ч. 1 ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17.05.2011 № 262-З: «автор — физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение»). Такой же подход, где автором признается физическое лицо, отражен в законодательстве России, США, Великобритании, Европейском Союзе и т.д., что говорит об основательном пересмотре норм в случае включения в данное понятие ИИ.

Существует несколько позиций насчет того, кто является автором произведений, которые созданы с помощью искусственного интеллекта или непосредственно им:

- ИИ является автором;
- ИИ является соавтором;
- ИИ как автор произведения по заданию нанимателя (в сравнение со служебным произведением);
- права авторства принадлежат разработчикам ИИ;
- автором будет человек в любом случае;
- ИИ — это инструмент, который используют люди для создания объектов интеллектуальной деятельности;
- автора нет, объекты, созданные с помощью ИИ являются общественным достоянием.

Интересно, что нейросеть (ChatGPT, который в основном генерирует тексты) на вопрос: «Кому принадлежит авторское право, на произведения, которые ты генерируешь?», ответил следующее: «Авторское право на произведение, созданное мной, принадлежит пользователю, который их запросил, то есть ты можешь использовать генерированные тексты по своему усмотрению». Тут наглядно прослеживается позиция, где ИИ — это инструмент для создания объектов интеллектуальной собственности. Данный подход действительно является самым универсальным и его придерживаются большинство стран, так как его внедрение в законодательство потребует наименьших изменений в устоявшимся урегулировании правоотношений в сфере интеллектуальной собственности.

Дискуссионным остается вопрос правовой защиты созданных независимо от человека объектов интеллектуальной деятельности. Так, ИИ создает объекты, которые обладают признаками изобретения, например, нейросеть Cloem способна совершать манипуляции с текстами формул изобретений, генерируя новые варианты. В данном случае будет уместно рассмотрение таких объектов с призыва позиции нулевого авторства, где созданные объекты — это общественное достояние.

Таким образом, в зависимости от значимости роли ИИ при создании объектов интеллектуальной собственности зависит и выбор позиции права авторства на эти объекты: редактирование — автором будет человек в любом случае; исполнение — ИИ является инструментом, который используют люди для создания объектов интеллектуальной деятельности; создание — автора нет, объекты,

созданные с помощью ИИ являются общественным достоянием. И выбор данных позиций понятен, так как ИИ изначально создавался как мощный инструмент для облегчения деятельности человека, поэтому существенные изменения лишь усугубят уже устоявшиеся принципы законодательства об объектах интеллектуальной собственности и приведут к правовой неопределенности.

Севастьянова Анастасия,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

nastya.seva.chel@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ

Аннотация: в статье автор анализирует основные преимущества использования технологии блокчейн в качестве эффективного инструмента для защиты авторских прав. Автором приведены аргументы, доказывающие эффективность данной технологии и возможные пути ее применения в сфере авторских прав. Наконец, сформулирован вывод о том, что блокчейн-технология предоставит возможность фиксировать авторство, обеспечив тем самым прозрачность сферы создания и оборота авторских прав.

Ключевые слова: блокчейн, интеллектуальные права, авторское право, реестр, неизменность информации, фиксация авторства, идентификация.

С момента перехода авторско-правовых отношений в пространство Интернета объекты авторских прав в большей степени подвержены значительному числу нарушений, предотвращение которых требует применения новых цифровых технологий.

Одним из таких инструментов выступает технология блокчейн, зарекомендовавшая себя в качестве информационной технологии передачи и хранения данных. Данная технология может быть охарактеризована, как некий самостоятельно формирующийся и увеличивающийся реестр сведений об операциях с какого-либо рода массивом информации, отличающийся невозможностью изменения ранее внесенных в этот реестр данных.

В первую очередь блокчейн обеспечит надежную фиксацию авторства, позаботившись о которой, можно избежать большого количества рисков в последующем. Стоит упомянуть, что авторские права представляют собой интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства. К ним относятся прежде всего личные неимущественные права, являющиеся неотчуждаемыми и непередаваемыми, такие как право на имя, право на авторство. Кроме того, стоит отметить также и исключительное право на произведение, прямо позволяющее использовать произведение в любой форме и любым способом, не противоречащим закону. Безусловно к числу данных прав можно также отнести и право на обнародование, право на неприкосновенность и другие права¹.

¹ Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024). Ст. 1255 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/5d2874854e8d6f002a2ab6ca07ef78313363ee73/ (дата обращения: 14.01.2025).

Крайне важным является тот факт, что в момент нарушения авторских прав возникает необходимость подтверждения авторства, что как раз и может обеспечить технология блокчейн, предлагающая использовать усовершенствованный вариант фиксации авторства, а именно, размещение произведения в публичном децентрализованном реестре. Подобные реестры результатов интеллектуальной деятельности ведут организации по коллективному управлению авторскими правами. К ним относятся прежде всего Российское авторское общество, Российский союз правообладателей, а также ряд коммерческих организаций, таких как, Единый реестр авторов и сертифицированных произведений изобразительного искусства и др.¹ Соответственно, несмотря на отсутствие в законодательстве положения об обязательной регистрации произведения, автору всё же стоит зафиксировать авторство во избежание негативных последствий в дальнейшем. Технология блокчейн способна будет справиться с этой задачей.

Механизм данной технологии устроен таким образом, что непосредственно загружаемый файл хешируется, а сам хеш, полученный в итоге, заносится в блокчейн. Хеш выступает как некий отпечаток файла, а запись содержит ряд необходимых меток, что не допускает возможности внести в нее какие-либо изменения. Что же касается повторной проверки подлинности записи, то она также возможна благодаря операции повторного хеширования. Ее суть заключается в том, что вновь полученный хеш сопоставляют с хранящимся в блокчейне для выявления таким образом совпадений и несовпадений². Соответственно, резюмируя пользу технологии блокчейна для регистрации объектов авторских прав, стоит отметить такое важнейшее качество, как неизменность информации. Ведь единожды зарегистрированный с использованием данной технологии объект будет защищен от утери информации о нем. Такая регистрация позволит автору владеть особым сертификатом аутентичности, благодаря которому третьи лица смогут идентифицировать автора, а сам автор сможет с большей эффективностью выявлять нарушителей. Запись нельзя будет каким-либо образом изменить или удалить, что позволит использовать ее в качестве доказательственной базы в суде.

Продолжая рассматривать преимущества технологии блокчейн, стоит также отнести к одному из них публичность³. Она проявляется в отсутствии какого-либо центрального органа, что позволяет в любое время просматривать его для получения необходимых данных.

Еще одним преимуществом кроме уже рассмотренной регистрации авторских прав и иных достоинств является возможность проведения с помощью блокчейна эффективной процедуры аудита авторских прав. Технология блокчейн предоставляет возможность проведения оперативной технической экспертизы объекта и анализа связанных с ним прав.

¹ Рузакова О. А., Гринь Е. С. Применение технологии Blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 514. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-tehnologii-blockchain-k-sistematizatsii-rezul-tatov-intellektualnoy-deyatelnosti/viewer> (дата обращения: 02.01.2025).

² Сальникова А. В. Технология блокчейн как инструмент защиты авторских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 4. С. 87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-blockcheyn-kak-instrument-zaschityi-avtorskih-prav/viewer> (дата обращения: 02.01.2025).

³ Багоян Е. Г. Информационная безопасность и применение технологии блокчейн: зарубежный опыт и необходимость правового регулирования в Российской Федерации // Юрист. 2019. № 3. С. 42–29.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что технология блокчейн как средство совершенствования защиты авторских прав безусловно заслуживает внимания, так как позволит значительно облегчить процедуры разрешения споров, возникающих в связи с созданием и использованием объектов авторских прав. Кроме того, технология блокчейн предоставит возможность фиксировать авторство произведений и время их создания, а также контролировать их использование. Соответственно, основной целью данного инструмента является обеспечение прозрачности сферы создания и оборота авторских прав.

Смелых Эдвин,

студент,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

edvinsmelykh184@gmail.com

БЛОКЧЕЙН КАК ПЛАТФОРМА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация: в статье рассматривается блокчейн как ключевая технология цифровой трансформации, способная обеспечить децентрализацию, прозрачность и безопасность в различных отраслях. Особое внимание уделено возможностям использования блокчейна для автоматизации процессов, внедрения смарт-контрактов и повышения доверия в бизнесе. Также анализируются преимущества, ограничения и перспективы внедрения данной технологии в контексте современных вызовов.

Ключевые слова: блокчейн, цифровая трансформация, децентрализация, смарт-контракты, прозрачность, безопасность, технологии распределенного реестра.

Технология блокчейн стала одним из важнейших элементов цифровой трансформации, оказывая влияние на широкий спектр отраслей. Основное преимущество блокчейна заключается в его децентрализованной природе, обеспечивающей прозрачность, неизменность и безопасность данных. С момента своего появления как базы для биткойна технология прошла несколько этапов эволюции: «от простой обработки транзакций (Blockchain 1.0) до внедрения смарт-контрактов (Blockchain 2.0) и развития приложений для различных сфер деятельности (Blockchain 3.0)»¹.

Особенности блокчейна, такие как защита данных и отсутствие необходимости в посредниках, делают его универсальным инструментом для трансформации финансов, юриспруденции, медицины, образования и других отраслей. Например, в банковской сфере блокчейн улучшает безопасность транзакций, а в сфере права позволяет автоматизировать процессы с помощью смарт-контрактов. В здравоохранении технология применяется для управления медицинскими данными, а в энергетике способствует оптимизации учета коммунальных услуг.

Изначально блокчейн был разработан для безопасной передачи информации, но со временем его начали активно использовать для перевода денежных

¹ Бортников С. П. Правовое регулирование финансовой технологии блокчейн в современную эпоху // Цифровые технологии и право. Казань : Познание, 2022. С. 258–263.

ных средств. Суть технологии заключается в децентрализованной записи данных: каждая транзакция фиксируется в виде «блока», который проверяется участниками системы, после чего становится частью общей цепочки. Эта особенность обеспечивает прозрачность, безопасность и надежность операций.

На законодательном уровне в России сделаны первые шаги в легализации цифровых прав. В частности, Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «в первую часть Гражданского кодекса РФ введена статья 141.1, которая закрепила определение «цифровые права»¹. Одновременно были внесены изменения в статью 128 ГК РФ, благодаря которым цифровые права начали рассматриваться как объекты гражданского права, представляя собой особый вид имущественных прав. Этот шаг стал важной основой для дальнейшего развития правового регулирования в данной сфере.

Далее с целью развития концепции цифровых прав был принят Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Этот закон не только впервые в России определил конкретные виды цифровых прав, но и установил правовые основы для привлечения инвестиций через инвестиционные платформы. Закон регулирует деятельность операторов таких платформ, а также процессы возникновения и обращения цифровых прав. Таким образом, он сыграл ключевую роль в формировании правовой базы для новых финансовых инструментов.

Особое внимание в рамках исследования данной темы заслуживают смарт-контракты — «автоматизированные соглашения, которые выполняются с использованием технологии блокчейн»³. Они имеют значительный потенциал для снижения издержек, повышения прозрачности и обеспечения безопасности сделок. Однако их правовой статус до сих пор не закреплён в российском законодательстве, что сдерживает их широкое применение. Многие исследователи считают, что интеграция смарт-контрактов в гражданское право способствовала бы развитию предпринимательства, так как участники могли бы эффективно управлять своими обязательствами дистанционно.

Тем не менее, несмотря на эти шаги, технология блокчейн, на которой основаны многие цифровые активы, до сих пор не получила четкого законодательного закрепления. Это создает значительные проблемы как в теоретическом толковании, так и в практическом применении. Основные проблемы включают определение юридического статуса блокчейн-транзакций и смарт-контрактов, которые, будучи самоисполняющимися, часто вызывают вопросы относительно их легитимности при возникновении споров. Конфиденциальность данных также оказывается под угрозой из-за

¹ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

² Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

³ Митряев И. С., Лысенко Е. С., Острякова А. Ф. Технология блокчейн и криптовалюта: инструменты цифровой трансформации // Аграрное и земельное право. 2022. № 4 (208). С. 132–137.

неизменяемой природы блокчейна, что противоречит праву на забвение, закреплённому в ряде юрисдикций.

Также вопросы интеллектуальной собственности усложняются отсутствием четкого указания авторства при распространении контента в блокчейне. Децентрализация системы создает сложности с юрисдикцией, особенно в контексте трансграничных транзакций, затрудняя применение национальных законодательств.

Технология блокчейн предлагает революционные изменения в управлении интеллектуальными правами, обеспечивая их фиксацию, коммерциализацию и защиту. Одним из ключевых инструментов этой технологии являются NFT (невзаимозаменяемые токены), которые обладают уникальностью и юридической отчуждаемостью, что делает их сходными с материальными объектами. Эти токены широко используются для удостоверения прав собственности, фиксации авторства и упрощения передачи исключительных прав. Запись в блокчейне гарантирует принадлежность права конкретному субъекту и фиксирует неизменную историю всех транзакций, связанных с этим правом.

NFT применяются не только для токенизации объектов интеллектуальной собственности, но и для коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности через лицензионные договоры и отчуждение прав. Благодаря смарт-контрактам такие сделки автоматизируются: контракты обеспечивают выполнение условий, обмен токенов и встречных обязательств, что упрощает процесс взаимодействия сторон. Блокчейн предоставляет множество преимуществ, включая прозрачность, неизменность записей и снижение транзакционных издержек. Полная виртуализация договорных отношений позволяет перенести жизненный цикл прав на интеллектуальную собственность в цифровую среду, что делает процессы лицензирования и передачи прав быстрее и экономичнее.

Однако на пути реализации этого потенциала существуют серьезные проблемы, связанные с отсутствием правового регулирования. В российском законодательстве пока отсутствует понятие NFT, а «термин «цифровые права», применяемый вместо международного «токен», ограничивает оборот NFT в правовом поле»¹. Кроме того, требования письменной формы сделок с исключительными правами и необходимость регистрации таких прав не учитывают современных технических возможностей блокчейна. Несмотря на это, блокчейн активно используется в интеллектуальной сфере в России. Ассоциация IPChain и Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности (РЦИС) внедряют технологии блокчейна для автоматизации регистрации, передачи и защиты интеллектуальных прав, что обеспечивает прозрачность и надежность этих процессов.

Перспективы использования блокчейна в сфере интеллектуальной собственности огромны. Введение понятия NFT в законодательство, адаптация смарт-контрактов и упрощение процедур регистрации интеллектуальных прав могут стать важными шагами для формирования эффективной экосистемы. Это позволит сделать процессы управления интеллектуальной

¹ Болотаева О. С. Применение технологии блокчейн в сфере интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 206–208.

собственностью доступнее, снизить издержки и стимулировать развитие цифровой экономики.

Таким образом, блокчейн выступает ключевой платформой цифровой трансформации, предоставляя децентрализованные, прозрачные и безопасные решения для автоматизации процессов и повышения доверия в различных отраслях. Его применение охватывает финансы, юриспруденцию, здравоохранение, энергетику и управление интеллектуальными правами. Однако полная реализация потенциала блокчейна требует совершенствования правового регулирования, включая признание NFT и смарт-контрактов. Перспективы технологии заключаются в упрощении процедур, снижении издержек и стимулировании цифровой экономики через интеграцию блокчейна в современные системы.

Сычева Анастасия,
студент,
ФГБОУ ВО ВГУ
nusha.blg@gmail.com

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПРИ СОЗДАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье рассмотрены возможности и перспективы использования технологии искусственного интеллекта и наделение данной технологии правовым статусом в РФ.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, авторское право, искусственный интеллект.

Технология искусственного интеллекта на данном этапе своего развития достигла значительных результатов, внедрившись в повседневное применение человеком. В настоящее время сфера применения ИИ чрезвычайно широка: энергетика, машиностроение, транспортная инфраструктура, образование, правоохранительная деятельность. ИИ содержится в программном обеспечении технического оборудования, военной продукции, бытовых предметов.

Говоря о признаках технологии искусственного интеллекта, можно выделить следующие положения:

1) Обладает автономностью, выполняя заданный алгоритм, а также способна самообучаться и развиваться без участия оператора (создатели программы).

2) Предназначена для обработки информации

3) Способна анализировать информацию, сведения об окружающем мире.

На данный момент ИИ технология стремительно обретает значимость в создании произведений, программ и иных результатов интеллектуальной деятельности.

Автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, в результате творческого труда которого появилось то или иное произведение. Объектами авторских прав также являются: литературные, дра-

математические и музыкальные произведения, сценарии, танцы и пантомимы; объекты живописи и скульптуры, музыкальные произведения, произведения декоративно-прикладного искусства, архитектуры, объекты ландшафтного дизайна. Авторские права распространяются на фотографии, планы, эскизы и иные результаты творческой деятельности. Статья 1228¹ Гражданского кодекса РФ закрепляет, что автором признается только гражданин, чьим творческим трудом создан конкретный результат интеллектуальной деятельности.

Так как назначением ИИ является решение в том числе творческих задач подобно человеку, то результаты деятельности программы или робота относятся к произведениям. В статье 1257 ГК РФ отмечается, что автором произведения является гражданин, чьим творческим трудом оно создано. Законодательство РФ признает субъектом авторского права физическое лицо. Следовательно, несмотря на относимость результатов работы ИИ к произведениям, сам ИИ авторскими правами на это произведение не обладает. Таким образом, результаты интеллектуальной деятельности, созданные ИИ, объектами авторских прав быть не могут, так как не созданы человеком.

Более того, искусственный интеллект может рассматриваться как программа для ЭВМ. Согласно ст. 1261 ГК РФ, программа для ЭВМ — это представленная в объективной форме совокупность данных и команд, нацеленная на получение определенного результата.

При стремительном развитии ИИ нет четкой нормативно-правовой базы в данной области, функционирования и деятельности, а также системы контроля применения технологий искусственного интеллекта. Искусственный интеллект представляет собой систему технологий, которые решают задачи, изначально предназначенные только для человеческого разума.

Актуальным вопросом на данный момент остается возможность признания авторства за искусственным интеллектом. Ответ на этот вопрос связан с проблемой потенциальной правосубъектности ИИ, которая продолжает вызывать дискуссии в юридической науке. Есть разные мнения, но большинство исследователей не склонны признавать ИИ субъектом права, по крайней мере в ближайшем будущем.

С формальной точки зрения ИИ в России пока еще не субъект права. Следовательно, он не может нести ответственность за ущерб, причиненный продукцией с ИИ. В то же время мы видим, как идет накопление нормативного материала, как продвигаются научные исследования в данной сфере. Думаю, что с точки зрения общей теории права нет препятствий к наделению ИИ качеством правосубъектности; дело лишь за изменениями в законодательстве.

Бюро по авторскому праву США неоднократно подтверждало, что произведения, созданные не человеком, не могут получить охрану в США. Впоследствии создание результатов интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта будет маскироваться реальным или мнимым участием в разработке результатов интеллектуальной деятельности людей. Это означает сокрытие проблемы и пробел в законодательстве и, как следствие, создание неопределенности с принадлежностью прав на

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 13.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 14.01.2025).

создаваемые РИД, снижение стимула для создания уникальных человеческих произведений и ослабление защиты авторов-людей.

Некоторые ученые отрицают возможность наделения продукции с ИИ правосубъектностью. У меня вопрос: а почему, собственно говоря? Чем эта правовая фикция отличается от, скажем, категории юридического лица? Наличием отдельного имущества? Обособленностью? Наличием собственной воли? Способностью участвовать в правоотношениях?

К примеру, сейчас нейросети создают произведения науки, литературы, искусства. В этой связи возникают следующие вопросы. Кто автор произведения? Кто правообладатель? Как передавать исключительные права? Кто и как будет нести ответственность в случае их нарушения?

Полагаю, в настоящее время ничто не мешает наделить программу ИИ на соответствующем оборудовании правосубъектностью. Достаточно закрепить соответствующую конструкцию в праве. Можно предложить, чтобы «электронная личность» имела правовое положение, сходное со статусом коммерческой организации. Это создаст особые права и обязанности для операторов ИИ и не предоставит роботам права человека.

Подводя итог всему вышесказанному, технологии ИИ активно внедряются в повседневный уклад человека, охватывая всё большее количество отраслей и наук. ИИ — сильный инструмент по созданию действительно уникальных произведений, но законодательное регулирование данного вопроса требует детальной проработки не только в отечественной, но и в зарубежной законодательной системе.

Тасенко Софья,

магистрант,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

sofya.tasenko@mail.ru

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ТЕАТРА: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: статья посвящена анализу особенностей и определению правового статуса театрально-зрелищных представлений, созданных с использованием технологий виртуальной реальности (VR). Рассмотрены конкретные примеры VR-спектаклей, представленных на настоящий момент в России, и определен основной круг проблем, возникающих в связи с их созданием. Также в статье подчеркнута необходимость разработки новых правовых механизмов, способных обеспечить надлежащую правовую охрану данных объектов.

Ключевые слова: технологии виртуальной реальности (VR), театрально-зрелищное представление, виртуальный спектакль, сложный объект, авторско-правовая охрана.

На современном этапе технологического развития трудно найти какую-либо сферу, которой бы не коснулось внедрение новых технологий, так как они позволяют трансформировать традиционные форматы каких-либо объектов под потребности современного общества. Так, в стороне от изменений не остались даже классические виды искусства, например, театральное искусство, которое

за последние несколько лет подверглось значительной трансформации, связанной с появлением и внедрением технологий виртуальной реальности (VR). Безусловно, последствия таких глобальных преобразований отразились не только на содержательном наполнении современных театрально-зрелищных представлений, но и на правовом регулировании данных сложных объектов интеллектуальных прав.

Внедрение технологий виртуальной реальности в театрально-зрелищное представление может реализовываться в разных форматах, однако, как правило, погружение зрителя в альтернативное театральное пространство происходит при помощи очков виртуальной реальности. На российской сцене первая иммерсивная VR-постановка («Клетка с попугаями») была представлена в 2017 г. сценаристом В. В. Печейкиным и режиссером-постановщиком М. В. Диденко. Для просмотра данного спектакля зрителям необходимо было надеть VR-очки, посредством которых они попадали в искусственно созданное виртуальное пространство и становились главными героями представления. Все актеры, декорации и иное визуальное оформление спектакля были полностью перемещены в виртуальную реальность, что сделало формат представленной постановки уникальным. После знакомства широкой публики с данным спектаклем режиссер-постановщик отметил, что «такие постановки позволяют сохранить камерность театра, но при этом разрушают все возможные стены, установленные между актером и зрителем»¹. Первый опыт применения технологий виртуальной реальности в театральном искусстве выглядел вышеописанным образом, но с течением времени данное явление начало развиваться и приобретать новые формы. Например, летом 2020 г. Большой драматический театр имени Г.А. Товстоногова представил спектакль «Вишневый сад» (по фрагменту пьесы А. П. Чехова), созданный на основе компьютерной игры «Minecraft», с помощью которой было разработано виртуальное интерактивное пространство, где актеры «играли роли» и озвучивали персонажей в режиме реального времени.

Приведенные примеры позволяют нам увидеть, что внедрение технологий виртуальной реальности кардинально трансформирует природу театрально-зрелищного представления и, по сути, предопределяет создание нового объекта со своей уникальной правовой природой, далекой от классического понимания объектов театрального искусства, предложенного отечественным гражданским законодательством². Чтобы понять, как с правовой точки зрения будут регулироваться и охраняться VR-спектакли, нужно подробнее разобраться в сущности виртуальной реальности как таковой.

С технической точки зрения виртуальная реальность представляет собой средство симуляции определенных действий человека в рамках предоставленного интерфейса определенного программного продукта³,

¹ Фрагмент интервью режиссера-постановщика М. В. Диденко для государственного информационного агентства «ТАСС» // URL: <https://tass.ru/interviews/6703164> (дата обращения: 06.01.2025).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ. Ст. 1240 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2025).

³ Абдуллина Э. И. Правовые аспекты создания и использования сложных объектов интеллектуальных прав в виртуальной реальности // Актуальные проблемы российского права. М., 2017. № 9. С. 148.

выраженном в рассматриваемом случае в виде виртуального спектакля. Особенности правового регулирования таких неординарных постановок, в первую очередь, обусловлены тем, что при их формировании используются другие сложные объекты, правовой режим которых признан и установлен законодательно — мультимедийный продукт, база данных, а в ряде случаев и аудиовизуальное произведение. Такая сложносоставная структура рассматриваемых «виртуальных объектов» обуславливает возникновение трудностей при определении правового режима для их надлежащей охраны.

Как отмечают О. А. Рузакова и Е. С. Гринь, на основе анализа зарубежной правоприменительной практики можно выделить три основных режима охраны объектов интеллектуальных прав в области технологий виртуальной реальности. Так, к названным объектам могут быть применимы механизмы регулирования, установленные для объектов авторского права, патентного права или для товарных знаков¹. Применительно к виртуальным спектаклям обоснованнее всего было бы говорить, на мой взгляд, о системе регулирования авторского права и смежных прав, поскольку, как уже было отмечено выше, при создании VR-спектакля используются иные самостоятельные объекты, которые, как правило, регулируются как раз нормами авторского права и смежных прав. Это прежде всего базы данных, произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения, видеоряд, а также исполнительская деятельность актеров, в том или ином виде задействованная при создании виртуального спектакля.

Настолько сложный состав рассматриваемого объекта предопределяет проблемы авторско-правовой охраны в данной области. Во-первых, интеграция различных видов искусства и технологий в одном объекте создает многослойную структуру прав, что затрудняет определение авторства и прав на использование отдельных элементов. Кроме того, если в виртуальном спектакле будет воспроизводиться уже существующее произведение (например, музыкальное), то возникнет необходимость в получении соответствующего разрешения автора или правообладателя.

Во-вторых, поскольку динамическая природа виртуальной реальности предполагает, что зритель может взаимодействовать с контентом, то в конечном итоге это может привести к созданию своего рода производных объектов. Вопрос о том, кто будет обладать правами на такие производные объекты, остается открытым и требует четкой законодательной регламентации.

Так или иначе, ввиду специфики и новизны самого явления виртуального театрального искусства, существующие механизмы правового регулирования не учитывают особенностей виртуальной реальности и требуют адаптации с целью защиты интересов создателей подобных объектов. Формирование правовой среды, способствующей развитию виртуального театра, позволит открывать инновационные подходы в искусстве, создавая новые возможности для творчества и расширяя границы традиционного театра.

¹ Рузакова О. А., Гринь Е. С. Вопросы защиты интеллектуальной собственности в области технологий виртуальной и дополненной реальности (VR, AR) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 509–511.

Ткач Максим,

аспирант

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Москва

TkachM99@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ОХРАНЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Аннотация: данная статья посвящена исследованию актуальной и быстро развивающейся проблеме охраны авторских прав на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта. В работе анализируется современное состояние законодательства в области интеллектуальной собственности, а также рассматриваются различные точки зрения на вопрос о том, может ли и должен ли искусственный интеллект считаться автором произведений, созданных с его помощью.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, интеллектуальная собственность, произведения искусственного интеллекта, охрана авторских прав, новые технологии, авторство, владение, распространение, правовое регулирование.

Искусственный интеллект на сегодняшний день прочно вошел в повседневную жизнь человечества, равно, как и культурную и творческую ее составляющую, в том числе и в креативную индустрию. Во второй половине XX в. искусственный интеллект начинает получать отклик у представителей искусства, начинается появляться не мало произведений, созданных известными художниками и писателями, которые при создании своего произведения пользовались помощью искусственного интеллекта. Так, например Эд Игнатович в 1970 г. презентовал проект «Сенстер» — «интерактивную робоскульптуру». А Гарольд Коэн в 1971 г. представил мощную генеративную систему AARON, основанную на искусственном интеллекте. Инсталляция была выставлена в музее современного искусства Сан-Франциско. «Черепажовый» робот создавал рисунки прямо в галерее на выставке. Более современным примером такого творчества является портрет Edmond de Belamy (2018) — первый портрет, созданный с помощью искусственного интеллекта. Картина подписана строчкой кода. ИИ был разработан и обучен коллективом Obvious. Уго Кацелль-Дюпре, Пьер Фотрель и Готье Вернье создали изображение по системе GAN (генеративная состязательная сеть). Художники считают ИИ соавтором, а не средством изображения. Чтобы получить изображение, члены Obvious загрузили учебный набор данных с свыше 15 000 портретов, созданных между XIV и XX вв. Так как эти изображения не были классифицированы по авторам и темам, можно сказать, что нейросеть в этой работе была сама художником.

В то же время с появлением нового инструмента выражения идей приходят новые проблемы: первое — это потеря авторства работ. Так как нейросети создают работы на основе полученной информации, произведения получаются автоматизированными и имеют похожие детали в стилистике и задумке. Из этой характеристики искусственного интеллекта следует вторая проблема: исчезновение индивидуальности. Эти последствия использования нейросетей в искусстве минимизируются, если люди грамотно владеют этим инструментом. Большинство художников при создании работ опира-

ются именно на свои идеи и мысли, которые в последствие при создании произведения даже при помощи искусственного интеллекта, носят в себе их авторский след.

Говоря более подробно по теме статьи о том, может ли компьютерное творчество охраняться авторским правом, на самом деле не является новым, по крайней мере в США. Еще в 1965 г. Реестр авторских прав США сообщил Конгрессу об обеспокоенности ростом компьютерных технологий и задался вопросом, следует ли проводить грань между авторством человека и компьютерным производством². Более десяти лет спустя, в 1978 г., Национальная комиссия США по новому технологическому использованию произведений, защищенных авторским правом (CONTU Commission), отчиталась по этому вопросу и пришла к такому выводу, что компьютеры, используемые для создания произведений, были всего лишь «инертными инструментами творчества» и не обладали признаками искусственного интеллекта¹.

Однако без определения основных характеристик системы искусственного интеллекта. Для целей этого исследования будут рассмотрены различные определения этого термина с учетом возможного применения в правовой практике. Понятие искусственного интеллекта, данное в самой последней резолюции Европейского парламента об искусственном интеллекте, определяет «систему искусственного интеллекта» как «систему, которая демонстрирует поведение, имитирующее интеллект, в частности, путем сбора и обработки данных, анализа и интерпретации окружающей среды и принятия мер с некоторой степенью автономии». В то же время парламент четко заявил, что любые требуемые изменения в существующей правовой базе должны начинаться с разъяснения того, что системы искусственного интеллекта не обладают ни правосубъектностью, ни человеческим сознанием и что их единственная задача — служить человечеству².

Вопрос о том, кто является автором произведения, сгенерированного искусственным интеллектом, является решающим ввиду того, что в подавляющем большинстве стран автором признается человек и он же является перволадельцем авторских прав. Требование к автору произведения быть физическим лицом отражено в таких международных актах, как Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, где указано, что каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является. Данное требование законодательно регламентировано в ряде стран: Испании, Германии, Франции, США и т.д. К примеру, когда в 1956 г. американские математики Мартин Кляйн и Дуглас Болито попытались зарегистрировать созданную компьютером песню «Push Button Bertha», Бюро авторских прав США отказало в регистрации, добавив, что никто никогда не регистрировал музыку, созданную машиной³. Таким образом, можно утвер-

¹ National Commission on New Technological Uses of Copyrighted Works (CONTU Commission) — Final Report (1978). P. 44.

² European Parliament Resolution of 20 January 2021 on Artificial Intelligence: Questions of interpretation and application of international law in so far as the EU is affected in the areas of civil and military uses and of state authority outside the scope of criminal justice (2020/2013(INI)).

³ Bridy, «The Evolution of Authorship» 39 Colum. J. L. & Arts 395, 2016. P. 395–397.

ждать, что автоматизация в этой области, то есть перенимание творческого процесса у людей, противоречит традиционной концепции авторства, основанной на авторском праве.

Как возможная альтернатива защиты подобных произведений может выступать режим *sui generis* (в отличие от использования полного объема авторского права для защиты таких произведений) его суть заключалась бы в том, что правообладателям мог бы быть предоставлен лишь ограниченный объем защиты, позволяющий им препятствовать использованию другими точными копиями созданного машиной произведения. С этой точки зрения, по сути, это была бы защита только от буквального копирования. Что касается срока охраны, в отличие от обычного срока действия авторского права, в контексте искусственного интеллекта может применяться очень короткий срок, например, три года с даты публикации работы (срок, предложенный в недавнем AIPPI «Учебный вопрос» голландских делегатов)¹.

Великобритания была первой страной, которая решила предоставить защиту авторских прав произведениям, созданным на компьютере. Прагматичный подход виден в Законе Об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 г. (CDPA). В соответствии с разделом 9(3), «в случае литературного, драматического, музыкального или художественного произведения, созданного с помощью компьютера, автором считается лицо кем предпринимаются меры, необходимые для создания произведения». Это положение применяется только в случае литературных, драматических, музыкальных или художественных произведений, созданных компьютерами. Это дает основание предполагать, что другие типы произведений, которые могут быть созданы машинами, такие как фильмы, программное обеспечение или базы данных, не защищены авторским правом Великобритании². Произведение, созданное компьютером, определяется как произведение, созданное компьютером при таких обстоятельствах, когда отсутствует авторчеловек. Закон рассматривает автора как лицо, которым принимаются меры, необходимые для создания произведения, и устанавливает 50 лет защиты. Аналогичный правовой режим предусмотрен в некоторых других странах общего права, например, в Индии и Ирландии³.

Как видно из опыта зарубежных стран, всё больше юрисдикций предоставляют правовую охрану произведениям, сгенерированным искусственным интеллектом, что обусловлено инвестиционной привлекательностью подобных объектов.

На основании вышеизложенного, можно предполагать, что режим *sui generis* как способ охраны произведений, созданных искусственным интеллектом, был выбран ввиду того, что компьютерная работа в целом не считается оригинальной и не отражает собственное творение автора. Но в то же время в такую компьютеризированную работу потенциально могут быть вложены значительные инвестиции, в связи с чем охрана подобных объектов считается экономически целесообразной. Более того, предоставление охраны таким произведениям будет стимулировать людей программировать ком-

¹ AIPPI Summary Report — 2019 Study Question on Copyright/Data Copyright in Artificially Generated Works. P. 17.

² Alessio Chiabotto, «Intellectual Property Rights over non-human generated creations», 2017.

³ L Mayidanyk 'Artificial Intelligence and Sui Generis Right: A Perspective for Copyright of Ukraine?' 2021 3(11) Access to Justice in Eastern Europe. C. 150.

пьютерные технологии на создание произведений и положительно повлияет на культурное развитие страны в его современном понимании.

Тошканов Нурбек,
преподаватель кафедры бизнес права
Ташкентского государственного
юридического университета,
доктор философии по юридическим наукам (PhD)
Узбекистан, г. Ташкент
toshkanovnurbek@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА С ЦЕЛЬЮ РАСПОРЯЖЕНИЯ ПРАВАМИ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: в статье рассматривается роль искусственного интеллекта (ИИ) в создании и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности (ОИС). Освещаются правовые аспекты использования ИИ, включая вопрос о том, кто является владельцем прав на ОИС, созданные с его помощью. В статье анализируются подходы разных стран, таких как Германия, Англия и США, а также их сравнение с положениями законодательства Узбекистана. Особое внимание уделено современным тенденциям и практическим примерам использования ИИ в коммерциализации интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, коммерциализация, Artificial Intelligence Act, Законодательство Узбекистана.

Термин «искусственный интеллект» (ИИ) появился в 1956 г. Летом этого года в Дартмутском университете США прошла конференция по вопросам ИИ. В ней приняли участие такие ученые, как Клод Шеннон (Bell Laboratories), Натаниэль Rochester (IBM), Герберт Саймон (Университет Карнеги), Тренчард Мур (Принстонский университет), Джон Маккарти (Дартмутский университет), Марвин Мински (Гарвардский университет). Американский ученый в области информатики Джон Маккарти (1927–2011), выступивший с докладом на этой конференции, вошел в историю как автор термина «Artificial Intelligence» (искусственный интеллект)¹.

Согласно Дж. Маккарти, ИИ — это системы, программы и роботы, которые выполняют интеллектуальные и творческие функции человека, самостоятельно находят решения задач, делают выводы и принимают решения².

Когда ИИ выполняет поставленные задачи без вмешательства человека, появляется термин «нейросеть»³. Это система, которая помогает компьютерной программе принимать решения на основе предыдущего опыта.

¹ Artificial Intelligence: A Modern Approach (Pearson Series in Artificial Intelligence) 4th Edition // URL: <https://aima.cs.berkeley.edu/>.

² Homage to John McCarthy, the father of Artificial Intelligence (AI) // URL: <https://www.teneo.ai/blog/homage-to-john-mccarthy-the-father-of-artificial-intelligence-ai>.

³ Что такое нейронная сеть? // URL: <https://aws.amazon.com/ru/what-is/neural-network/#:~:text=A%20neural%20network%20is%20a,that%20resembles%20the%20human%20brain> (дата обращения: 14.01.2025).

Сегодня США, Китай и Южная Корея являются ведущими странами по использованию ИИ в мире. В этих странах ИИ широко используется в различных областях жизни человека, общества и государства: анализ рынка, сбор данных, финансовое управление, медицина, техническое обслуживание коммуникаций, транспорт, а также в области литературы, искусства, патентных исследований и анализов.

Однако правовой статус ИИ в создании и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности (ОИС) остается предметом обсуждений, и по этому вопросу еще не принято окончательное решение. Тем не менее ИИ создает ОИС. Для ИИ не имеет значения, каким будет этот объект.

Существуют следующие подходы:

— **Немецкий подход** — не предусматривает правовую защиту ОИС, созданных ИИ¹.

— **Английский подход** — автором ОИС, созданного ИИ, считается разработчик программы. Этот подход также предполагает, что при создании ОИС присутствовало минимальное вмешательство человека, поэтому автором считается тот, кто дал задание на его создание². Этот подход поддерживается Новой Зеландией, Австралией и Ирландией.

— **Американский подход** — предполагает, что ИИ может быть субъектом права. Однако ответственность за действия ИИ возлагается на лицо, давшее задание, или разработчика³.

Общая тенденция заключается в том, что, хотя ИИ может вносить творческий вклад в механические или организационные результаты, это не делает его субъектом авторских прав. Инициатива создания этих результатов принадлежит лицу, которое дало задание ИИ.

Согласно статье 1044 Гражданского кодекса Узбекистана, результаты, полученные с помощью технических средств, предназначенных для определенного типа производства, без осуществления творческой деятельности, направленной на создание произведения, не являются объектами авторского права. Это положение соответствует немецкому подходу.

Из приведенных рассуждений видно, что вопрос о том, может ли ИИ быть субъектом права, в том числе субъектом коммерциализации ОИС, является спорным. Вместо этого субъектом права выступают разработчик, пользователь ИИ или организация, давшая задание.

Помимо вопроса о праве собственности на ОИС, созданные ИИ, существуют следующие проблемы их коммерциализации:

— патенты требуют, чтобы изобретателем был человек. Это вызывает вопросы о том, как классифицировать изобретения, созданные ИИ автономно;

— вопросы качества и оригинальности. Например, для авторских прав очень важна оригинальность. На практике по этому вопросу возникло мно-

¹ Jan Freialdenhoven, Niklas Maamar, Sonja Mroß. Do AI generated works qualify for copyright? // URL: <https://www.deutscheranwaltspiegel.de/intellectualproperty/copyright/do-ai-generated-works-qualify-for-copyright/#~:text=Under%20German%20copyright%20law%2C%20there,Only%20humans%20can%20claim%20copyrights> (дата обращения: 14.01.2025).

² Sunny Kumar. AI and IP: Copyright — the wider picture and practical considerations for businesses // URL: <https://www.ashurst.com/en/insights/ai-and-ip-copyright-the-wider-picture-and-practical-considerations-for-businesses/> (дата обращения: 14.01.2025).

³ Compendium of U.S. Copyright Office Practices, 306 — The Human Authorship Requirement, Chapter 300, accessible at // URL: <https://www.copyright.gov/comp3/docs/compendium.pdf> (дата обращения: 14.01.2025).

жество споров. В частности, писатели Николас Басбейнс и Николас Гейдж подали в суд на Microsoft и OpenAI, обвинив их в массовом и преднамеренном воровстве защищенных авторским правом произведений. Газета «The New York Times» также подала в суд, обвинив ИИ-модели, включая GPT, в использовании их работ без согласия авторов для обучения¹.

Несмотря на эти трудности, многие ведущие компании широко и эффективно используют ИИ в своей деятельности. В целом коммерциализация ОИС, созданных ИИ, является динамичной и многогранной областью, обладающей значительным потенциалом для устойчивого роста и инноваций.

Примеры компаний:

- IBM запатентовала множество инноваций, связанных с ее системой ИИ Watson, что показывает, как ИИ может быть эффективным изобретателем.

- Система Google DeepMind, известная своими достижениями в области ИИ, использует ОИС, созданные DeepMind, в коммерческих приложениях для здравоохранения и других областей.

- Adobe использует ИИ для создания и улучшения творческого контента и обладает правами интеллектуальной собственности на произведения, созданные ИИ.

- Компании Insilico Medicine и Atomwise используют ИИ для поиска новых лекарств, что ведет к увеличению числа патентов и лицензий.

- Инструменты ИИ OpenAI, такие как GPT-4 и DALL-E, используются для создания оригинального контента, который можно коммерциализировать через публикации, лицензирование и продажу.

Преимущества использования ИИ в коммерциализации ОИС включают:

- повышение эффективности: ИИ автоматизирует повторяющиеся задачи и ускоряет процессы коммерциализации, позволяя быстрее выйти на рынок;

- сокращение затрат: ИИ может значительно сократить расходы, связанные с коммерциализацией ОИС;

- расширение использования и сотрудничества: платформы на основе ИИ упрощают использование ИС и способствуют сотрудничеству между заинтересованными сторонами.

Тем не менее важно соблюдать правовые и этические рамки при использовании ИИ. На сегодняшний день законодательная база для интеллектуальной собственности, созданной ИИ, еще развивается. Важно определить ответственность за действия ИИ, а также создать этическую основу для использования ИИ в коммерциализации ОИС.

Европейский Союз является лидером в этом процессе. 13 марта 2024 г. Европарламент принял закон «Об искусственном интеллекте» (Artificial Intelligence Act). Целью этого закона является защита прав человека, демократии, верховенства права и экологической устойчивости от высокорисковых ИИ, а также стимулирование инноваций и продвижение Европы как лидера в этой области².

¹ The Times Sues OpenAI and Microsoft Over A. I. Use of Copyrighted Work // URL: <https://www.nytimes.com/2023/12/27/business/media/new-york-times-open-ai-microsoft-lawsuit.html> (дата обращения: 14.01.2025).

² Artificial Intelligence Act: MEPs adopt landmark law // URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20240308IPR19015/artificial-intelligence-act-meps-adopt-landmark-law> (дата обращения: 14.01.2025).

В Узбекистане также было бы целесообразно принять законодательные акты или методологии, касающиеся правового статуса ИИ и его роли в праве и интеллектуальной собственности. Это позволит найти окончательный ответ на вопрос о том, кто является автором (владельцем прав) ОИС, созданных ИИ, и кто может выступать субъектом коммерциализации этих объектов.

Трутнева Екатерина,

*магистр «Юрист в сфере цифровой экономики»,
Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
частнопрактикующий юрист,
член Ассоциации юристов России,
член Союза Юристов — Блогеров
(на базе МГЮА при поддержке АЮР),
Россия, Республика Татарстан, г. Казань
trutneva.lawyer@mail.ru*

АВТОРСТВО В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ПОДХОДОВ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация: в статье рассматриваются правовые и этические аспекты, связанные с авторскими правами на произведения, созданные искусственным интеллектом (ИИ). Выделяются основные концепции авторства, включая машиноцентрический, гибридный и антропоцентрический подходы, а также обсуждаются проблемы признания авторства в условиях автономного творчества ИИ. Особое внимание уделено растущему вкладу ИИ в создание произведений, что вызывает сложности в правовом регулировании интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, интеллектуальная собственность, цифровизация, правовое регулирование.

Централизованное правовое регулирование искусственного интеллекта имеет как положительные стороны, так и недостатки. Среди преимуществ выделяются снижение рисков через заблаговременное регулирование и единообразие норм, что способствует более быстрому внедрению технологий в различных сферах. Однако существует вероятность неэффективности и медленной адаптации законодательства из-за стремительного прогресса технологий, когда власти не располагают достаточной информацией для разработки своевременных нормативов, что может сдерживать инновации.

Вопрос предоставления авторских прав искусственному интеллекту становится всё более актуальным благодаря развитию технологий. Исследователи рассматривают различные подходы к определению авторства, когда результаты деятельности создаются с участием искусственного интеллекта¹. Существуют разные концепции: машиноцентрический (ИИ как полноправный автор), гибридное авторство (ИИ как соавтор человека), служебное произведение (ИИ как наемный работник), антропоцентрический (ИИ как инструмент человека), «исчезающее» авторство и контаминационный подход

¹ См.: Ginsburg J. C. People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention (Люди не машины: авторство — что это значит в Бернской конвенции) // IIC: international review of industrial property and copyright law. 2018. № 2 (49). P. 134.

для сложных ситуаций. Детальное изучение этих моделей необходимо для эффективного разрешения правовых вопросов, связанных с результатами интеллектуальной деятельности, созданными ИИ.

Юниты искусственного интеллекта становятся всё более способными, приобретая прогрессирующие способности моделировать человеческие коммуникации и создавать произведения, отражающие их собственные свойства. Джейн Гинзбург считает, что при минимальном вмешательстве человека результаты могут считаться «сгенерированными компьютерами», так как пользователи не вносят достаточно интеллектуального творчества по стандартам авторства. Гённанч Гюркайнак и соавторы отмечают, что в отличие от обычного ПО, искусственный интеллект действует как независимый источник, а не простой инструмент, и разработчик не может считаться собственником произведений, созданных ИИ¹. Дозорцев подчеркивает, что творческие произведения несут следы личности автора, но юниты ИИ могут выдавать разные результаты даже при одинаковых командах, если предполагается автономное творчество².

Судебная практика, например решение Федерального суда Австралии от 2012 г., поддерживает концепт отсутствия авторско-правовой охраны для произведений, не созданных человеком³.

Исследователи делят искусственный интеллект на две категории: слабый и сильный. Общий искусственный интеллект, основанный на нейронных сетях, способен к творческому и логическому мышлению и адаптируется к новым данным. Примером является «творческая машина», используемая для проектирования оружия, которая требует минимального человеческого вмешательства.

Вопрос о правах интеллектуальной собственности, связанных с созданием таких систем, остается нерешенным. Одной из предложенных концепций является присвоение авторских прав самому ИИ, но она пока не реализована. Подобную дискуссию можно проводить с примерами, как дело об авторских правах на фотографии, сделанные обезьяной Наруто, где было решено, что животные не могут обладать такими правами.

Апелляционный суд США постановил, что животные не могут предъявлять иски о нарушении авторских прав, так как законодательство не предусматривает такую возможность⁴. Организация, представлявшая обезьяну, не имела права на это, так как не могла быть ее «заступником». Вопросы о правах на произведения, создаваемые ИИ, остаются актуальными, несмотря на мнение о том, что фактическим автором является сам ИИ. Исследователи указывают, что наделение ИИ правосубъектностью усложнит правовые отношения между ИИ, его разработчиком и пользователем. В законодателях обсуждается

¹ См.: Gürkaynak G., Yılmaz I., Doygun T., İnce E. Questions of Intellectual Property in the Artificial Intelligence Realm (Вопросы интеллектуальной собственности в сфере искусственного интеллекта) // *Robotics Law Journal*. 2017, September-October. P. 9.

² См.: Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. М.: Статут, 2005. С. 145.

³ См.: Sourdin T. Justice and Technological Innovation (Правосудие и технологические инновации) // *Access to Justice*. 2015. Paper 42. P. 7.

⁴ См.: *Naruto v. Slater* / Opinion of the United States Court of Appeals for the Ninth Circuit № 16-15469 of 2018 (решение Апелляционного суда США).

возможность признания прав ИИ на созданные им произведения, как это указано, например, в Японии.

Стратегическая программа Японии по интеллектуальной собственности 2016 г. основывается на четырех основных концепциях¹. Главная из них касается изменений системы интеллектуальной собственности в условиях Четвертой промышленной революции и цифровизации. Программа подчеркивает необходимость адаптации системы авторского права для защиты произведений, создаваемых искусственным интеллектом (ИИ), которое пока не получает правовой защиты. Также поднимается вопрос о влиянии таких произведений на существующую систему права и необходимость определения критериев для их защиты. Авторы Гюркайнак, Йылмаз, Дойгун и Инс отмечают, что ИИ может создавать производные работы, которые также нуждаются в защите². Однако критики, например, Андреа Моригги, указывают на невозможность предоставления ИИ прав, поскольку он не может нести ответственность³. Также обсуждается проблема периодов правовой охраны для произведений ИИ.

Искусственный интеллект потенциально бессмертен, что вызывает сомнения в применении традиционных авторских прав к нему. Поскольку ИИ сам не может использовать свои права, их предоставление ему является символическим. Основная цель права интеллектуальной собственности — обеспечить экономические выгоды создателям, но ИИ не имеет такой потребности. Вопрос о том, кто должен владеть правами на произведения ИИ (производитель или покупатель), остается нерешенным. Предложено передавать права людям, связанным с созданием ИИ, поскольку ИИ выполняет конкретные функции и не является независимым творцом.

Сильный искусственный интеллект не разрабатывается только ради него самого; целью разработки AI являются конкретные задачи, недостижимые обычной техникой. AI создаются как инструменты без самосознания и совести, с результатами, неподпадающими под защиту авторского права, так как они не соответствуют критериям творчества и оригинальности. Даже с учетом технологического развития AI, творческий выбор остается за человеком, и права на созданные AI произведения признаются за человеком, в чьем участии они были созданы. Закон акцентирует на благополучии общества, и права на интеллектуальную собственность, созданную AI, принадлежат человеку.

Произведения, созданные искусственным интеллектом, обычно не подпадают под защиту авторских прав, поскольку автором должен быть человек. Законодательство многих стран, включая Великобританию, считает автором такого произведения человека, который принимал меры для его создания, а

¹ См.: Базовый закон Японии от 14.12.2016 № 103 «Об улучшении использования данных публичного и частного секторов» (官民データ活用推進基本法 / Basic Act on the Advancement of Public and Private Sector Data Utilization № 103 of December 14, 2016) // URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/> (дата обращения: 25.12.2024).

² См.: Gürkaynak G., Yılmaz I., Doygun T., Ince E. Questions of Intellectual Property in the Artificial Intelligence Realm (Вопросы интеллектуальной собственности в сфере искусственного интеллекта) // *Robotics Law Journal*. 2017, September-October. P. 11.

³ См.: Moriggi A. The role of intellectual property in the intelligence explosion (Роль интеллектуальной собственности во взрывном развитии искусственного интеллекта) / 4iP Council Research Award Winner // Second Place. 2017. P. 7.

не сам компьютер. Существует спор о том, кому должны принадлежать права на работы ИИ: разработчикам, владельцам программного обеспечения или другим заинтересованным лицам. Некоторые эксперты считают, что права должны принадлежать разработчикам, поскольку они являются первичными источниками создания технологий¹. Однако этот подход критикуется за игнорирование вклада компаний, которые инвестируют ресурсы в разработку и поддержку ИИ. Эти компании играют важную роль в развитии технологий, делая ИИ доступным для широкого использования.

Юнит Watson от IBM создал книгу рецептов, обучаясь у «когнитивной команды» и шеф-поваров. Однако в вопросе авторских прав Watson исключен, так как он лишь обрабатывал данные без творчества. Авторские права принадлежат команде, использовавшей Watson как инструмент. Вопрос авторства сложнее при общем искусственном интеллекте. Райан Эбботт считает, что права должны принадлежать владельцам юнитов, но это спорно². Калин Христов утверждает, что конечные пользователи вносят наименьший вклад, и их признание авторами может вредить развитию технологий.

Искусственный интеллект, используемый для создания произведений, не является полностью автономным, и конечный пользователь, задающий цели и данные для обучения ИИ, также вносит творческий вклад. Это делает некорректным признание исключительных прав исключительно за разработчиком ИИ. Примером могут служить онлайн-сервисы для создания юридической документации: если признавать интеллектуальные права разработчиков на такую документацию, это может снизить интерес пользователей. Решением проблемы может быть лицензирование произведений в пользовательских соглашениях, однако это вызывает другие юридические споры.

Таким образом, растущий вклад ИИ в создание произведений усложняет признание авторства исключительно за человеком. Человеческое участие в создании изобретений постепенно заменяется искусственным интеллектом. Уже существуют произведения, авторство которых трудно установить из-за отсутствия значимого вклада человека. Хотя технология развивается, юридическая значимость человеческих действий остается, так как именно люди определяют правила работы программ. Произведения, создаваемые исключительно ИИ, актуализируют правовые и этические вопросы, такие как определение авторства и права на интеллектуальную собственность. Например, произведения, созданные ИИ в биотехнологиях, могут представлять угрозу человечеству. В качестве решения предлагается концепция гибридного авторства, включающая разработчика и пользователя искусственного интеллекта.

Делая вывод, можно сказать, что искусственный интеллект активно применяется в различных сферах жизни, и законодатель должен учитывать это для адекватного правового регулирования.

¹ См.: Васильева А. С. Проблема классификации объектов интеллектуальной собственности с учетом применения искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2023. № 4 (42). С. 18–27.

² Abbott R. I think, therefore I invent: creative computers and the future of patent law (Я мыслю, поэтому я придумываю: творческие компьютеры и будущее патентного права) // Boston College Law Review. 2016. Vol. 57. P. 1079–1126. P. 1082.

Анна Убайдуллаева,
докторант кафедры киберправа
Ташкентского государственного
юридического университета,
преподаватель американского
университета Вебстер
annapolin@gmail.com

БЛОКЧЕЙН И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ

Аннотация: в статье раскрывается сущность технологии блокчейн и особенности функционирования децентрализованных баз данных. Делается вывод о высоком потенциале децентрализованных баз данных в части хранения и управления данными.

Ключевые слова: блокчейн, базы данных авторское право, конфиденциальность, смарт-контракты, целостность, несанкционированный доступ, защита, данных, шифрование, идентификация, лицензирование, киберпространство.

В современном цифровом мире данные являются одним из самых ценных активов. Способность безопасно хранить и обмениваться информацией имеет решающее значение для бизнеса, правительств и отдельных лиц. Традиционные централизованные системы баз данных сталкиваются с рядом проблем, включая риски взлома, цензуры, единой точки отказа и недостатка прозрачности.

Блокчейн, революционная технология распределенного реестра, предлагает новый подход к управлению данными. Вместо централизованного хранилища, блокчейн представляет собой децентрализованную базу данных, распределенную по множеству узлов в одноранговой сети. Данные хранятся в виде цепочки криптографически защищенных блоков, где каждый новый блок связан с предыдущим.

Ключевой особенностью блокчейна является отсутствие необходимости в централизованном органе управления. Новые записи могут добавляться в распределенную книгу путем достижения консенсуса между узлами сети. Благодаря криптографии и децентрализованной природе, блокчейн обеспечивает высокий уровень безопасности, неизменности данных, прозрачности и отказоустойчивости.

Децентрализованные базы данных на базе блокчейна находят применение в самых разных сферах — от финансов и криптовалют до управления цепочками поставок, здравоохранения и идентификации личности. Их основными преимуществами являются повышенная конфиденциальность, целостность данных и отсутствие единого центра контроля. Понимание блокчейна и сопутствующих концепций открывает новые горизонты для безопасного и прозрачного управления данными в эпоху цифровой трансформации.

Блокчейн представляет собой технологию распределенного реестра, которая может децентрализовать управление базами данных и обеспечить такие преимущества, как устойчивость к несанкционированному доступу и прозрачность¹. Вместо разрозненных проприетарных баз данных, контролируемых

¹ Сюй Х., Вебер И., Стейплс М., Чжу Л., Босх Дж., Басс Л., Паутассо К. и Римба П. (2017). Таксономия систем на основе блокчейна для проектирования архитектуры. В 2017 г. Международная конференция IEEE по архитектуре программного обеспечения (ICSA) (с. 243–252). IEEE.

одним объектом, блокчейны обеспечивают несанкционированный или разрешенный доступ и проверку записей через одноранговые сети, управляемые протоколами консенсуса. Криптография обеспечивает целостность данных, а временные метки обеспечивают невозможность отказа. Смарт-контракты автоматизируют правила управления транзакциями базы данных. Однако проблемы масштабирования, конфиденциальности и регулирования сохраняются при применении парадигм инфраструктуры блокчейна к основным базам данных. Но инновации продолжают исследовать потенциал.

На практике появляются платформы баз данных блокчейна для отслеживания цепочек поставок, медицинской документации, управления учетными данными и других целей. Однако такие проблемы, как узкие места в пропускной способности, риски конфиденциальности и неопределенный правовой статус, продолжают препятствовать внедрению. Стратегические компромиссы при проектировании остаются при согласовании преимуществ и ограничений децентрализованных архитектур баз данных.

Несмотря на то что инфраструктура блокчейна еще развивается, она может существенно изменить архитектуру баз данных, если будут конструктивно решены технические и управленческие проблемы. Для выяснения потенциальных возможностей и подводных камней необходимы дальнейшие исследования и контролируемое пилотирование.

Технология распределенного реестра, такая как блокчейн, перспективна для управления записями, учетными данными и данными цепочки поставок:

- Регистры транзакций повышают целостность и прозрачность финансовых сделок и других взаимодействий¹.

- Поддающиеся проверке учетные данные, такие как лицензии и сертификаты, могут быть выданы и аутентифицированы в цепочке.

- Отслеживание цепочки поставок объединяет Интернет вещей и смарт-контракты для сквозного мониторинга жизненного цикла товаров.

Такие преимущества, как постоянство, прозрачность, автоматизация и защита от несанкционированного доступа, могут улучшить функциональность базы данных в разных доменах. Однако масштабирование пропускной способности транзакций и обеспечение конфиденциальности остаются проблемами. Для оценки жизнеспособности массового внедрения по-прежнему необходимы дальнейшие исследования и контролируемые пилотные проекты.

На практике инициативы, использующие блокчейн для сертификации органических продуктов питания, отслеживания конфликтных минералов и учетных данных поставщиков медицинских услуг, обнаруживают ранний потенциал в разных контекстах. Но интеграция разрозненных устаревших систем создает препятствия для внедрения в отсутствие общих стандартов.

Смарт-контракты — это программируемые сценарии, хранящиеся в блокчейнах, которые выполняются автоматически при выполнении определенных условий². Они позволяют автоматизировать правила управления базами

¹ Обрехт Н., Кинер С. (2021). Блокчейн и интеллектуальная собственность: что меняет правила игры? // Журнал ВОИС. (6). 22–25.

² Сью Х., Вебер И., Стейплс М., Чжу Л., Босх Дж., Басс Л., Паутассо К. и Римба П. (2017). Таксономия систем на основе блокчейна для проектирования архитектуры. В 2017 г. Международная конференция IEEE по архитектуре программного обеспечения (ICSA) (С. 243–252). IEEE.

данных, такие как оформление прав, микроплатежи за доступ и отслеживание/атрибуцию использования данных. Механизмы консенсуса, такие как доказательство работы или доказательство доли, проверяют транзакции в децентрализованных сетях узлов. Вместе они облегчают управление одноранговыми базами данных без централизованного контроля. Тем не менее уязвимости взлома, негибкость и проблемы масштабирования остаются проблемами. Продолжающиеся исследования направлены на совершенствование и усовершенствование технологий и архитектур.

На практике инициативы исследовали управление цифровыми правами на основе смарт-контрактов и распределение роялти за творческие произведения¹. Автоматизированный микрометрический учет может обеспечить инновационные модели монетизации и обмена данными. Однако реальные испытания по-прежнему ограничены, а производство остается спекулятивным.

Ключевые атрибуты баз данных на основе блокчейна включают в себя:

- Прозрачность. Доступные для публичного просмотра истории транзакций бухгалтерской книги повышают прозрачность.

- Неизменяемость. Криптографически связанные записи устойчивы к изменению.

- Устойчивость к цензуре. Ни одна организация не контролирует распределенные реестры.

- Автоматизация. Смарт-контракты выполняют правила без посредников.

Однако существует противоречие между целями прозрачности и потребностями конфиденциальности, что требует стратегических компромиссов². Общее воздействие на права, доступ, безопасность и другие факторы остается неопределенным, учитывая всё еще развивающуюся технологию. Требуются дальнейшие исследования и контролируемые эксперименты.

На практике громкие кражи криптовалюты выявляют риски взлома, инсайдерские угрозы и уязвимости кодирования, которые сохраняются даже в условиях защиты блокчейна³. Таким образом, целостный анализ безопасности и механизмы надзора необходимы, поскольку исследования продолжают.

Внедрение инфраструктуры блокчейна сталкивается с трудностями интеграции с существующими базами данных, учитывая радикально разные архитектуры:

- Параллельная работа позволяет протестировать преимущества перед массовым переходом.

- Гибридные подходы избирательно применяют компоненты блокчейна, такие как хеширование целостности.

- Стандарты обмена данными помогают соединить устаревшие базы данных.

- Шлюзы могут взаимодействовать между средами внутри и вне сети.

¹ Обрехт Н. и Кинер С. (2021). Блокчейн и интеллектуальная собственность: что меняет правила игры? Журнал ВОИС, (6), 22–25.

² Кшетри Н. (2021). Блокчейн и управление цепочками поставок. IEEE IT Professional, 23(5), 80–85.

³ Лю С., Трипати А., Альхадиди Д., Цзян М. и Хан К. М. (октябрь 2021 г.). Блокчейн: технический обзор и проблемы. В материалах Первой международной конференции по блокчейну и криптовалюте (ICBC 2021) (С. 1–4).

— Разрешенные частные сети позволяют избежать некоторых рисков, связанных с открытым блокчейном, и проблем с интеграцией.

— Дальнейшие исследования могут уточнить оптимальные стратегии интеграции в разных контекстах, сбалансировав затраты, риски и выгоды перехода¹. Методическое пилотирование и повторение остаются желательными, учитывая, что технологии всё еще развиваются².

На практике многие предложенные приложения блокчейна потерпели неудачу из-за ошибок в согласовании новых и устаревших компонентов в технологических и организационных измерениях. Избежание чрезмерного развертывания с помощью взвешенных исследовательских подходов может способствовать устойчивому внедрению.

Потенциальные преимущества управления правами и роялти включают постоянную атрибуцию, автоматические микроплатежи и неизменяемые записи³. Что касается записей, то положительные моменты включают в себя проверяемость, прозрачность и отсутствие центральных ошибок. Однако масштабирование пропускной способности транзакций, конфиденциальность и долгосрочное поддержание целостности остаются проблемами. Обеспечение справедливого доступа и предотвращение доминирования крупных игроков также требуют механизмов управления. В целом, хотя это и многообещающе в отдельных приложениях, общая осуществимость и желательность остаются дискуссионными, учитывая технические и социальные компромиссы. Рекомендуется контролируемое пилотирование с учетом контекста и итерация проектирования⁴.

На практике большинство предлагаемых платформ управления цифровыми правами на блокчейне остаются спекулятивными или с трудом реализуются в масштабе из-за ограничений инфраструктуры. В отсутствие прорывов сохраняются значительные технические и экономические барьеры.

Прозрачность распределенных публичных блокчейнов противоречит потребностям конфиденциальности, хотя новые решения, такие как доказательства с нулевым разглашением и доверенные среды выполнения, обещают обеспечить выборочное раскрытие данных. Разрешенные сети и сети консорциумов также ограничивают просмотр только одобренными участниками. Правовые рамки регулируют защиту информации, позволяющей установить личность, независимо от технологической среды. Однако долгосрочное постоянство данных в блокчейне требует осторожности при обмене конфиденциальной информацией. Гибридное хранилище внутри и вне сети, шифрование, контроль доступа, управление аналитикой и децентрализованные идентификаторы могут обеспечить дополнительные

¹ Сью Х., Вебер И., Стейплс М., Чжу Л., Босх Дж., Басс Л., Паутассо К. и Римба П. (2017). Таксономия систем на основе блокчейна для проектирования архитектуры. В 2017 г. Международная конференция IEEE по архитектуре программного обеспечения (ICSA) (С. 243–252).

² Убайдуллаева А. В. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Обзор законодательства Республики Узбекистан, № 1, 2022. С. 58.

³ Обрехт Н., Кинер С. (2021). Блокчейн и интеллектуальная собственность: что меняет правила игры? Журнал ВОИС, (6), 22–25.

⁴ Сью Х., Вебер И., Стейплс М., Чжу Л., Босх Дж., Басс Л., Паутассо К. и Римба П. (2017). Таксономия систем на основе блокчейна для проектирования архитектуры. В 2017 г. Международная конференция IEEE по архитектуре программного обеспечения (ICSA) (С. 243–252).

меры безопасности, адаптированные к различным сценариям и контекстам использования баз данных.

На практике громкие атаки деанонимизации выявляют риски, связанные с радикальной прозрачностью публичных блокчейнов. Однако проактивный дизайн, объединяющий юридические и технические методы повышения конфиденциальности, может смягчить присущие проблемы.

Ключевые проблемы, с которыми сталкиваются базы данных на основе блокчейна, включают:

- Масштабирование скорости транзакций и хранения данных.
- Высокое потребление ресурсов протоколами майнинга криптовалют.
- Конфиденциальность и соблюдение правил конфиденциальности.
- Взаимодействие с устаревшими информационными системами.
- Отсутствие стандартов, управления и правовой базы.
- Уязвимости кода и угрозы взлома.
- Неопределенное соответствие организационным структурам и потребностям.

В то время как инновации продолжают преодолевать эти ограничения, технология блокчейна остается незрелой для критически важных деловых и государственных баз данных в отсутствие дальнейшего развития¹. Целенаправленное пилотирование может привести к эволюционным улучшениям, направленным на достижение общей жизнеспособности.

На практике большинство предлагаемых архитектур блокчейна не могут быть реализованы за пределами ограниченных доказательств концепции, что тормозится фундаментальными ограничениями на пропускную способность, хранение, энергию, безопасность и затраты на обслуживание. Прежде чем можно будет определить осуществимость, всё еще требуются значительные исследования и испытания.

Ключевые тенденции в децентрализованных сетях передачи данных включают:

- Рынки данных, позволяющие продавать и обмениваться наборами данных посредством микроплатежей или токенов.
- Самостоятельная идентичность и поддающиеся проверке учетные данные исключают посредничество центральных органов власти.
- Целостность цепочки поставок посредством коллективного отслеживания производства и распределения товаров.
- Автоматизированное распределение прав и роялти на цифровые творческие произведения².

Однако масштабирование сложных данных и логики управления в инфраструктуре блокчейна остается сложной задачей. Большинство предлагаемых приложений остаются гипотетическими или в ограниченных испытаниях отсутствуют основные прорывы. Но продолжающиеся инновации продолжают исследовать модели и искать решения открытых проблем.

На практике децентрализованные схемы обмена данными сталкиваются с проблемами, связанными с расширением участия, предотвращением доми-

¹ Кшетри Н. (2021). Блокчейн и управление цепочками поставок. IEEE IT Professional, 23(5), 80–85.

² Обрехт Н. и Кинер С. (2021). Блокчейн и интеллектуальная собственность: что меняет правила игры? Журнал ВОИС, (6), 22–25.

нирования крупных игроков и согласованием прозрачности с потребностями конфиденциальности в разных контекстах¹. Несмотря на теоретическую децентрализацию, сохраняются серьезные проблемы с координацией.

Технология блокчейн для баз данных в настоящее время находится на пике завышенных ожиданий в цикле ажиотажа Gartner, при этом ее жизнеспособность и зрелость всё еще развиваются. Реализация долговременного потенциала требует прогресса по нескольким направлениям:

- Усиление безопасности, надежности и хранения.
- Улучшение скорости транзакций и контроля доступа.
- Установление стандартов и совместимости.
- Разъяснение правового статуса и прав.
- Интеграция с устаревшими системами.
- Разработка устойчивых бизнес-моделей.
- Создание восприимчивой институциональной и культурной среды.

Несмотря на неопределенность, инфраструктура блокчейна несет в себе революционные возможности, если технические, экономические и социальные проблемы будут конструктивно преодолены посредством продолжающихся исследований и взвешенного пилотирования. Дальнейшие исследования и аргументированные дебаты, сосредоточенные на конкретных контекстах использования, обещают способствовать обоснованному развитию.

На практике базы данных блокчейна остаются скорее концепцией, чем реальностью, при этом большинство предлагаемых моделей всё еще концептуальны или ограничены ограниченными испытаниями. Несмотря на непрекращающуюся шумиху, по-прежнему остаются важные неизвестные вопросы о балансе компромиссов и согласовании инноваций с реальными потребностями. Но разумное итеративное экспериментирование и критика могут кристаллизовать будущее.

Заключение

Исходя из всего вышесказанного, данное исследование выявляет сложные проблемы в построении справедливых рамок управления для баланса прав, доступа и защиты баз данных в эпоху цифровых технологий. Сохраняется напряженность между собственным контролем и целями открытости в пересекающихся юридических, экономических, технологических и этических измерениях.

Блокчейн и децентрализованные базы данных представляют собой передовые технологии, способные коренным образом изменить подходы к хранению и управлению данными. Несмотря на относительную новизну этих концепций, их потенциал уже был продемонстрирован в ряде отраслей. Революционная идея распределенного реестра без единого центра управления позволяет создавать надежные, безопасные и прозрачные системы для записи транзакций и данных. Криптографическая защита, неизменность блокчейна и достижение консенсуса между узлами сети обеспечивают высокий уровень целостности и подотчетности.

Децентрализованные базы данных на основе блокчейна открывают новые возможности для финансового сектора, логистики, здравоохранения, управления идентификационными данными и многих других областей. Они

¹ Кшетри Н. (2021). Блокчейн и управление цепочками поставок. IEEE IT Professional, 23(5), 80–85.

позволяют повысить конфиденциальность, устранить излишние посреднические звенья и создать более прозрачные системы для всех участников.

Однако, как и любая новая технология, блокчейн сталкивается с определенными ограничениями и проблемами, которые необходимо решать. Вопросы масштабируемости, энергопотребления, регулирования и адаптации остаются актуальными для дальнейшего развития этих систем.

Тем не менее потенциал блокчейна и децентрализованных баз данных огромен. Они открывают путь к новой эре управления данными, основанной на принципах безопасности, прозрачности и распределенного доверия. По мере дальнейшего совершенствования этих технологий, мы можем ожидать революционных изменений в сфере цифровых транзакций, идентификации и обмена информацией. Предстоящие задачи требуют вдумчивости и мудрости. Но возможности оправдывают принятие вызовов в долгосрочной надежде на максимизацию взаимной выгоды и общего блага¹.

Блокчейн является не просто новой технологической концепцией, а целой философией децентрализации и распределенных систем. Приближается эра, когда данные будут по-настоящему принадлежать своим владельцам, а доверие станет неотъемлемой частью распределенных систем. И именно блокчейн может стать катализатором этой новой парадигмы управления цифровыми активами.

Шевандо Андрей Игоревич,

аспирант,

Белорусский государственный университет

Республика Беларусь, г. Минск

ShavandaAI@bsu.by

О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАННЫХ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: в статье рассматриваются правовые аспекты охраны произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта. Проводится анализ различных правовых подходов к определению правового режима сгенерированного контента. Предложено распространение режима авторского права на созданные с помощью искусственного интеллекта произведения при условии наличия при их создании творческого вклада автора.

Ключевые слова: авторское право, смежные права, общественное достояние, искусственный интеллект, произведение, творческий труд, автор, творчество.

В последние годы быстрое развитие технологий искусственного интеллекта привело к появлению новых вызовов в области правовой охраны интеллектуальной собственности. Особое внимание уделяется вопросам охраны произведений, созданных с помощью генеративного искусственного интеллекта (ИИ), и возможным правовым режимам, в рамках которых таким объектам может быть предоставлена защита.

В доктрине существует несколько точек зрения на возможные способы правовой охраны произведений, созданных с помощью ИИ. Так, некоторые исследо-

¹ Убайдуллаева А. В. Баланс между открытым доступом к данным и законными правами на базу данных.

ватели предлагают использовать режим смежных прав в отношении подобных работ¹. В литературе отмечается, что институт смежных прав применяется для охраны как «творческих интересов личности и ее индивидуальности», так и для охраны вложенных в создание объекта инвестиций, а также для охраны «разнохарактерных интересов бенефициаров нетипичных смежных прав»². Такой режим представляется весьма удобным в том плане, что позволяет избежать споров об оригинальности работ, сгенерированных ИИ. Сторонники указанного подхода отмечают возможность наделяния смежными правами на подобные объекты лицо, организовавшее создание произведений с помощью ИИ³. Аналогичный подход применяется, например, к фонограммам и передачам организаций эфирного и кабельного вещания, где их создатель приобретает исключительное право в связи с вложением технических и организационных усилий. Выбор в пользу режима смежных прав также объясняется стремлением разграничить результаты деятельности человека и ИИ: распространение авторско-правовой охраны на произведения, сгенерированные ИИ, может повлечь обесценивание творческого труда человека, так как процесс создания с помощью ИИ требует меньше способностей, чем традиционное творчество⁴.

Однако, по мнению автора настоящей работы, применение режима смежных прав не решит поставленную проблему. Отсутствие требований к творческому вкладу в произведения, сгенерированные ИИ, приведет к возникновению огромного пласта охраноспособных объектов. В настоящее время использование ИИ не представляется большой сложностью для большинства интернет-пользователей, так как многие компании-разработчики предоставляют свободный доступ к своим генеративным моделям. С учетом того, что такие объекты формально, по внешним признакам, будут сопоставимы с произведениями, созданными человеком, интерес к творческой деятельности будет подорван, так как любое лицо будет осознавать, что, затрачивая минимальные усилия и ресурсы, оно получит гарантированную правовую охрану сгенерированного произведения.

В исследованиях также встречаются предложения о помещении произведений, созданных ИИ, в общественное достояние. При таком подходе срок правовой охраны сгенерированных работ прекращается с момента их создания. Одним из основных недостатков данного подхода называют снижение экономической заинтересованности в использовании ИИ, так как разработчики и пользователи теряют возможность использовать сгенерированные ими произведения. Хотя, по справедливому замечанию некоторых авторов, такое предположение пока что не подтверждено какими-либо данными и фактами⁵. Также в литературе отмечается, что концепция общественного достояния не

¹ См.: Богустов А. А. К дискуссии об авторско-правовом механизме охраны результатов деятельности искусственного интеллекта // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. № 2. С. 69–75.

² См.: Матвеев А. Г. Идея смежных прав и их разновидности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 54–60.

³ См.: Калятин В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 4. С. 24–50.

⁴ См.: Богустов А. А. Указ. соч. С. 71.

⁵ См.: Савельев А. И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М., 2024. С. 620.

может применяться в подобной ситуации, так как произведение может перейти в общественное достояние только по истечении сроков правовой охраны, иные же причины не являются основаниями для такого перехода¹.

Один из преобладающих подходов в юридической доктрине и развивающейся практике заключается в предоставлении авторско-правовой охраны произведениям, созданным с помощью ИИ. При рассмотрении данного подхода, по нашему мнению, нужно учитывать, каким объектам мы готовы предоставлять правовую охрану. Авторское право ставит своей целью защиту творческой деятельности человека. Оно обеспечивает автору возможность получить вознаграждение за использование его произведений, что позволяет ему продолжать творческую деятельность. Вместе с тем внешнее сходство сгенерированного ИИ контента и произведений, созданных человеком, поднимает вопрос о необходимости и степени творческого участия человека для признания охраноспособным произведения, созданного ИИ, в режиме авторского права.

Авторы, развивающие предыдущие подходы, придерживаются мнения, что при работе с ИИ творческий труд человека либо в целом не задействуется, либо он настолько минимален, что его недостаточно для защиты сгенерированных произведений как объектов авторского права. Однако история авторского права за последнее столетие уже сталкивалась с проблемой появления технических средств (например, фотография), которая поднимала вопрос о творческом вкладе человека при их использовании. Постепенно в практике или законодательстве большинства государств был выработан подход, согласно которому применение технических средств не исключает возможность предоставления авторско-правовой охраны произведению, однако необходима оценка степени творческого участия человека при его создании. Конечно, стоит согласиться, что генеративный ИИ значительно отличается от всех технических средств, используемых авторами сегодня для создания произведений. Однако формирующаяся правоприменительная практика демонстрирует, что правовая охрана сгенерированных произведений в режиме авторского права вполне возможна. Так, например, в деле *Li vs Liu*, рассматриваемому в Китае, суд признал автором сгенерированного изображения пользователя, который ввел промпты в модель ИИ. При этом суд отметил, что автор совершил множество итераций с изображением, постоянно менял его параметры, что свидетельствует о его оригинальном интеллектуальном вкладе².

Таким образом, распространение авторско-правовой охраны на произведения, созданные с помощью ИИ, допустимо, если творческий труд автора отражен в созданном объекте. По нашему мнению, если результат был сгенерирован автоматически, без участия человека-автора, то предоставление правовой охраны полученному объекту в принципе невозможно. Разумеется, работа с моделями ИИ значительно отличается от использования иных технических средств, в связи с чем требуется выработка новых подходов к оценке творческого вклада автора в сгенерированное произведение. Такие подходы должны учитывать не только технические аспекты создания про-

¹ См.: Наумов В. Б., Тютюк Е. В. К вопросу о правовом статусе «Творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. № 3. С. 531–540.

² См.: *Li v. Liu*, 2023, Beijing Internet Court // URL: <https://english.bjinternetcourt.gov.cn/pdf/BeijingInternetCourtCivilJudgment112792023.pdf> (дата обращения: 12.01.2025).

изведения, но и степень творческого вмешательства человека в процесс генерации, чтобы справедливо определить, заслуживает ли полученный результат правовой охраны.

Шпаченко Александра,

студент

ФГБОУ ВО

«Саратовская государственная юридическая
академия»

Россия, г. Саратов

alexandra.shpachenko@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ DEEPFAKE В КИНЕМАТОГРАФЕ

Аннотация: в статье автор анализирует российский и зарубежный опыт использования технологии дипфейка (англ. *deepfake*) в кино. Опираясь, на изученную в работе практику, ставится вопрос о необходимости внесения изменений в российское законодательство с целью нормативного закрепления термина «дипфейк», установление особенностей его правового регулирования. Также рассматривается возможность установления ограничений на использование изображения умерших артистов в кино и рекламе.

Ключевые слова: дипфейк, кинематограф, аватар, изображение.

Технология дипфейка (от англ. «*deep learning*» — глубокое обучение, «*fake*» — подделка) хотя и была разработана относительно недавно, но уже обрела большую популярность во всем мире. Пока этот термин еще не имеет формального общепринятого технического определения. Опираясь на отчет Европейского парламента, можно предполагать, что дипфейки определяются как синтетически произведенные искусственные звуковые и/или визуальные медиа, кажущиеся подлинными. Их герои говорят или делают то, чего на самом деле никогда не было. Чаще всего это проявляется при синхронизации губ на видео, смены лица, генерации текста и т.д. Соответствующие медиа проходят через трансформацию или синтез на базе искусственного интеллекта (ИИ), с использованием методов машинного обучения (*machine learning*) и глубокого обучения (*deep learning*)¹. На данном этапе сложно определить пользу данной технологии. На практике учащаются случаи мошенничества, подделки доказательств, шантажа, нарушения авторских и других как имущественных, так и личных неимущественных прав человека. В первую очередь это связано с тем, что законодательно отсутствует определение дипфейков, а также не установлены пределы их разрешенного использования.

Большое влияние дипфейки оказали на сферу развлечений, в частности кинематограф и рекламу. В киноиндустрии с помощью дипфейк-технологий можно искусственно омолодить или состарить актеров, придать дублерам большее сходство с актерами, синхронизировать движения губ при дубляже перевода. С каждым годом участились случаи использования изображений

¹ URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/690039/EPRS_STU\(2021\)690039_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/690039/EPRS_STU(2021)690039_EN.pdf) (дата обращения: 21.12.2024).

актеров, которых уже нет в живых, сгенерированных с помощью технологии дипфейка. Одним из самых громких стало возвращение умершего актера Пола Уокера в седьмой части фильма «Форсаж», в котором использовался его цифровой двойник. Помимо этого, аватар знаменитой актрисы Одри Хепберн, созданный с помощью ИИ, был использован в рекламном ролике итальянского шоколада. Большую популярность дипфейки приобрели в России. В 2022 г. вышла четвертая часть сериала «Диверсант. Идеальный штурм». Для проекта с помощью нейросетей была создана цифровая модель актера Владислава Галкина, погибшего в 2010 г. Стоит подчеркнуть, что при этом родственникам актера не были известны намерения киностудии. В 2024 г. вышел в прокат фильм «Манюня: приключение в Москве», в котором знаменитый советский артист Юрий Никулин был полностью «оживлен» при помощи нейросети.

На сегодняшний день в производстве «Первого канала» находится проект ремейка знаменитого японского фильма 1954 г. «Семь самураев». Согласно идее проекта, главные роли будут отведены артистам, которые будут играть семь цифровых копий знаменитых советских актеров, которых уже нет в живых¹. Помимо этого, известно, что в предстоящем фильме о Штирлице, также в производстве Первого канала, будет использован аватар актера Вячеслава Тихонова, который ранее играл данного персонажа.

Не все положительно относятся к внедрению дипфейков в кино. Так, народный артист РСФСР режиссер Никита Михалков сказал, что, «когда появятся на экране актеры, исполненные методом дипфейка, Бондарчук или Мордюкова, кто-то еще, и они будут говорить слова, которые они бы сами никогда не сказали, это преступление»². Сходную позицию высказала первый заместитель председателя Комитета по культуре, заслуженная артистка РСФСР Елена Драпеко: «Наш комитет в целом и я лично в свое время высказывались против использования цифровых двойников умерших артистов в какой-либо медиапродукции»³. По этой причине актуальным стоит вопрос об установлении законодательного ограничения или запрета на использование дипфейков ныне не живущих актеров.

Подобного рода ограничения нашли свое отражение в зарубежной практике. Так, в США после американской забастовки актеров SAG-AFTRA в 2023 г., губернатором штата Калифорнии были подписаны два закона о дипфейках. Первый закон установил запрет киностудиям использовать в коммерческих целях облик или голос умершего актера. Исключением могут стать только те случаи, когда на дипфейк дадут согласие наследники знаменитости. Второй законопроект направлен на защиту актеров от ИИ. Теперь в контрактах должен быть строго прописан пункт о том, будут ли использоваться цифровые копии их внешности или голоса⁴. Данные законы защитили актеров от использования их дипфейка в других кинопроизведениях без их согласия, а также ограничили киностудии использовать изображение актера после его смерти без разрешения его родственников. На данный момент описанный американский опыт представляется единственным в своей практике.

¹ URL: <https://ria.ru/20231116/sssrf-1909864368.html> (дата обращения: 21.12.2024).

² URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/19/04/2024/6622a2399a79478b390f5744 (дата обращения: 17.12.2024).

³ URL: <https://www.pnp.ru/politics/stanislavskiy-by-ne-poveril.html> (дата обращения: 21.12.2024).

⁴ URL: <https://www.rbc.ru/life/news/66ea928f9a7947c16cbadd5f> (дата обращения: 26.12.2024).

Сейчас наш законодатель находится на стадии разработки некоторых законов, направленных на регулирование вопросов, связанных с использованием дипфейков и не только. В сентябре 2024 г. в Госдуму был внесен законопроект об охране голоса гражданина. Документ предлагает дополнить часть первую Гражданского кодекса РФ новой статьей 152.3. Согласно предполагаемым изменениям, обнародование и дальнейшее использование голоса гражданина (в том числе записи, в которой содержится воссозданный с помощью специальных технологий голос гражданина) допускаются только с согласия этого гражданина. После смерти же записи голоса могут использоваться только с согласия детей или супруга, а при их отсутствии — родителей. При этом такое согласие не потребуется в случаях, если голос используется в государственных или общественных интересах, а также, если его запись производилась за плату или в публичных местах. Аналогичный режим установлен в ст. 152.1 ГК РФ, регламентирующий охрану изображения гражданина. Таким образом, законодательно определяется конкретный правообладатель изображения и голоса гражданина, что позволяет обеспечить охрану от незаконного использования. Важным стоит вопрос в том, можно ли дипфейк признать изображением человека? Если да, правообладателем изображения после смерти человека, являются его родственники. По этой причине можно предполагать, что при производстве кинопродукта компании получают разрешение от родственников погибшего актера на использование его сгенерированного изображения. Тогда их действия можно считать законными. Но, с другой стороны, по своей природе дипфейк имеет сложную структуру, так как он представляет собой не просто изображение, а набор специально разработанных алгоритмов и программ, которые синтезируют, искажают голос и изображение человека, изменяют манеру, представляя его уже в модифицированном виде. Именно поэтому сложно его характеризовать только как изображение.

Актер как творческий человек вкладывает определенные качества, характеристики, тщательно, подбирает те черты, которые свойственны персонажу, которого он изображает. То есть это огромная работа над собой, которую искусственный интеллект проделать не способен. Помимо этого, человек дает свое согласие лично принимать участие в предлагаемом фильме, сериале или нет. Он оценивает суть произведения, качество сценария, а также свои способности и желание сниматься именно в этой картине. Возникает еще один вопрос — как принимается решение при даче согласия на использование дипфейка погибшего родственника? Подчеркивается, что вопрос носит не только правовой, но и морально-этический аспект. Нельзя твердо быть уверенным, что данные действия не будут восприняты как осквернение памяти погибшего в зависимости от качества созданного аватара, а также что согласие родственников-правообладателей на дипфейк будет мотивировано не только денежной составляющей. По этой причине, правовой режим охраны дипфейка имеет свои особенности, которые не входят в рамки охраны изображения или голоса.

Подводя итоги, стоит отметить, что сейчас сложно говорить о том, правомерно ли использовать дипфейки умерших актеров, так как этот вопрос носит узкий характер, и пока в российском законодательстве не определено само понятие дипфейка и его режим использования, на него ответить трудно.

Но вместе с тем стоит обратить пристальное внимание законодательства на данный вопрос. Анализируя данную проблему как с правовой, так и с морально-этической стороны, разумным представляется установление запрета на использование данной технологии в отношении погибших артистов. Но в связи с участвовавшей практикой использования в киноиндустрии данной технологии и сложностью в установлении в данной сфере полного запрета, предполагается необходимым установить рамки допустимого использования дипфейка в кинематографе для того, чтобы не допустить нарушение прав человека, а также морально-этических норм. В случае если на законодательном уровне данный вопрос не будет урегулирован, предполагается возможным внесение в контракты с киностудиями, или в завещания артистов, отдельного пункта, связанного с их личным согласием или несогласием на использование после смерти их дипфейка, а также определить условия, при которых их использование возможно.